Анатолий Уманский, Александр Матюхин, Иван Белов,
Вадим Громов, Оксана Ветловская, Елена Щетинина, Лариса Львова,
Ярослав Землянухин, Алан Кранк, Максим Кабир, Ксения Кошникова,
Юлия Саймоназари, Михаил Закавряшин, Юрий Лантан,
Александр Подольский, Мария Анфилофьева, Станислав Минин

ЛУЧШИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РАССКАЗЫ
В ЖАНРЕ ХОРРОРА ПО ВЕРСИИ
ЧИТАТЕЛЕЙ

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

2019

Самая страшная книга

Александр Матюхин

Самая страшная книга 2019 (сборник)

«Издательство АСТ»
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Матюхин А. А.

Самая страшная книга 2019 (сборник) / А. А. Матюхин — «Издательство АСТ», 2018 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-111546-3

Страшно?..Серия «Самая страшная книга» – лицо современной русскоязычной литературы ужасов. Уже вполне узнаваемое лицо, полюбившееся тысячам читателей.Страшно?.. Страшно интересно! Собрание леденящих душу историй. Галерея кошмаров разных эпох и миров. Уникальный проект, восхищающий высоколобых критиков и признанных мэтров.Страшно… Еще как страшно!Перед вами – уже шестая такая антология, «Самая страшная книга 2019».Главная хоррор-антология страны.Книга, пропустить которую вы не имеете права.Потому что это действительно СТРАШНО.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-111546-3

© Матюхин А. А., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Писатели и критики о «Самой страшной книге» 6
Читатели о «Самой страшной книге» 7
И, наконец, про Стивена Кинга 8
Господин Элефант 10
Семечко 34
Зовущая тьму 52
Лепила 66
Моя вторая половина 80
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Самая страшная книга 2019

Сборник

(сост. М. Парфенов)

© Авторы, текст, 2018
© М. С. Парфенов, составление, 2018
© А. Провоторов, иллюстрация на обложке, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Писатели и критики о «Самой страшной книге»

«Вот они наконец-то: новые голоса!»
Клайв Баркер

«Концепция „Самой страшной книги“, несомненно, изобретательна и уникальна».
Томас Лиготти

«Надеюсь, эту книгу прочитает каждый!»
Роберт Маккаммон

«Пусть эта антология, созданная моими собратьями из России, разлетится по всему миру на своих черных крыльях!»
Адам Нэвилл

«Я приветствую „Самую страшную книгу“. Новый хоррор для новых читателей!»
Саймон Кларк

«…И ни в коем случае не читайте эту книгу перед сном – иначе не уснете».
Грэм Мастертон

«Знакомство с современным русским хоррором нужно начинать с антологии „Самая страшная книга“».
ГОРЬКИЙ / gorky.media

«Более представительной антологии хоррора и мистики от современных русскоязычных авторов в нашей стране еще не выходило».
«Мир Фантастики» / mirf.ru

«Это прорыв в русскоязычном хорроре, важное явление в жанровой литературе в целом».
DARKER / darkermagazine.ru

«В отечественной жанровой прозе у „ССК“ есть аналоги, но нет ни одного конкурента».
Буквоед / vk.com/bookvoed

Читатели о «Самой страшной книге»

«Серия „Самая страшная книга“ из года в год не теряет в качестве».
А. Миронов / bookvoed.ru

«Спасибо составителям! Каждая антология получается все лучше и лучше!»
Ersh / labirint.ru

«„Самая страшная книга“ – флагман русского хоррора, площадка для роста новых звезд и просто прекрасная книга».
ingvar1969 / livelib.ru

«Сборники рассказов из этой серии уже стали для меня не только долгожданными, но и неизменно оправдывающими надежды!»
Елена / ozon.ru

«Однозначно читать самому и рекомендовать друзьям и знакомым!»
Erretik / livelib.ru

«Это не культовые мастера ужасов, как Кинг, По, Лавкрафт и др. Это отечественные! Повторяю, отечественные рассказы, со всей России… И они годные, действительно годные, читая под покровом ночи в пустом и тихом доме, реально становится не по себе».
Valeria_book_gerl / instagram.com

«Великолепно!!!.. Я даже не могу сказать, что мне что-то не понравилось. На базе некоторых рассказов смело можно написать романы».
М. Тарасова / labirint.ru

«С каждым годом сборник „Самая страшная книга“ становится все лучше, интереснее, сильнее».
Sergej210477 / fantlab.ru

«Получил удовольствие и осознал, что жанр хоррор в России скорее жив, чем мертв».
Nonameman / labirint.ru

«Даже если будет не страшно, то интересно будет точно».
Е. Баранова / bookvoed.ru

И, наконец, про Стивена Кинга

Когда в начале 2014 года вышла самая первая «Самая страшная книга», мало кто мог представить, что томику этому суждено стать началом целой серии. Это был эксперимент… Черт побери, это был классический «первый блин».

Вышел он, как водится, комом. «Самую страшную книгу 2014» издали минимальным тиражом – всего лишь в две тысячи экземпляров. Под простоватой обложкой, на дешевой и маркой газетной бумаге оказались собраны истории никому на тот момент не известных авторов. Не все из этих историй были по-настоящему хороши, но тем ярче блистали истинные жемчужины, которым в той подборке, по счастью, также нашлось место.

Ныне общий тираж «страшных книг» перевалил за отметку в пятьдесят, а впереди уже виден знаковый рубеж в сто тысяч. В серии выпускаются тематические антологии («Хеллоуин», «13 маньяков», «13 ведьм», «13 монстров»), авторские сборники («Запах», «Зона ужаса», «Чертовы пальцы»), романы («Фаталист», «Скелеты»), а прямо сейчас в руках вы держите – подумать только! – уже шестую ежегодную антологию ССК. Приятно осознавать, что книги нашей серии собирают, коллекционируют…

Что ж, здравствуй, Постоянный Читатель.

Звучит знакомо, да?.. Долгих шесть лет мы этого всячески избегали, но уж теперь-то можно. Давайте, наконец, честно и откровенно поговорим о Нем, о Его Величестве.

Отношение к Королю Ужасов у отечественных авторов хоррора, надо сказать, довольно сложное. С одной стороны, после унылых опытов девяностых годов прошлого столетия словосочетание «русский Стивен Кинг» многими воспринимается почти как ругательство – больно уж часто в рекламных целях этот ярлычок навешивали на книжки беспомощных эпигонов и откровенных графоманов.

С другой стороны…

Во время встреч с читателями, в интервью и на разных публичных мероприятиях Кинг любит рассказывать анекдот из собственной жизни – историю о том, как, будучи на какой-то пафосной писательской конференции, он заглянул в туалет дорогого отеля, где его узнал тамошний работник. Только представьте: стоите вы перед писсуаром, *слегка напряженный*, сражаетесь с заевшей молнией брюк – и тут вас по плечу хлопает пожилой негр. И громко говорит, почти орет вам в ухо (очевидно, потому, что сам он, в силу возраста, несколько глуховат): «Эй, мужик, а я тебя знаю! Ты этот, из телика, который страшилки сочиняет!»

Ужасно неудобная ситуация. Но я уверен, что девять из десяти авторов хоррора, живущих на планете Земля, эту и ей подобные байки слушают… с завистью. Они могут это скрывать, могут все гневно отрицать или смеяться (быть может, немного *нервно* смеяться), но факт в том, что большинство из нас были бы вовсе не прочь оказаться в том туалете на месте Стивена Батьковича.

Эй, многие согласились бы испытать и что-нибудь похуже приставаний взбалмошного престарелого афроамериканца, лишь бы их вот так же узнавали в общественных местах. И дело тут не в деньгах и славе.

Нет, я не знаю никого, кто был бы против того или другого, но дело ведь правда НЕ ТОЛЬКО в этом.

Для нас, для того поколения авторов, что пишут хоррор на русском языке здесь и сейчас (те, кого называют «темной волной»), Стивен Кинг – больше, чем громкое имя. И уж конечно гораздо больше, чем бренд, в который это имя давным-давно превратилось.

Стивен Кинг – это путеводная звезда. Маяк, светивший в самые темные ночи. Объект веры, если угодно. Не как литературный «отец» или учитель – авторы русского хоррора учились у многих, от По и Лавкрафта до Лаймона и Кетчама, от Гоголя и Бестужева-Марлинского до

братьев Стругацких. И у Короля, естественно, тоже учились, но – не только у него. Кинг важен в более широком смысле: как личность, как человек с собственной уникальной историей и как сочинитель тех историй, которые мы все читали.

В конце двадцатого века, когда мое поколение делало первые неуверенные шаги в жанре, когда на прилавках появлялись те самые позорные «русские Стивены Кинги», – мы читали книги Короля, читали Роберта Маккаммона, Клайва Баркера (спасибо, к слову, этим и другим зарубежным мэтрам за теплое отношение к «Самой страшной книге»). И понимали, что на самом деле – можно. Можно писать о страшном так, что это интересно и приятно читать. Можно сочинять пугающие истории – и иметь успех.

Конечно, судьба Короля сама по себе вдохновляет многих, ведь это классический образец того, что на Западе называют «американской мечтой», но что на самом деле близко и знакомо каждому. Как сказка о Золушке, то есть как история о том, что трудолюбие и талант (и капелька волшебства, то бишь удачи) помогают достичь вершины. Несмотря ни на какие трудности.

Когда нас отвергали издатели и критики, когда в народе говорили, что хоррор в России никому не интересен, что хоррор – это вообще не литература, пример Стивена Кинга доказывал обратное. Служил напоминанием о том, как на самом деле обстоят дела.

И вот теперь мы в чем-то сравнялись. Нет, выдающийся карьерный взлет Короля уже вряд ли кому удастся повторить – все-таки времена меняются, как и обстоятельства. Но, по крайней мере, у нас тоже появились свои Постоянные Читатели. Учитывая, с чего все начиналось – это самое главное.

Забавно, но и по сей день иногда кого-то из отечественных писателей сравнивают с Королем. В последние годы особенно «везет» в этом плане писательницам – то Марьяне Романовой, то Анне Старобинец… Но я прошу не называть «русским Кингом» никого из авторов, чьи истории собраны в «Самой страшной книге 2019». Потому что они – мы – совсем не похожи. У них – у нас – свои голоса.

И потому что, признаюсь: хоть я и обещал тебе, Читатель, говорить честно, но солгал уже в заголовке этой статьи. Ведь на самом деле она вовсе не про Стивена Кинга…

М. С. Парфенов

Господин Элефант

Владу Маслову, подавшему мне эту идею

1

План пришел в голову Павлу в одну из бесконечных бессонных ночей, когда он лежал на жесткой постели, накрывшись армяком, вслушиваясь в настырный комариный звон и скрип ветхих половиц. План отчаянный, нелепый, даже комичный… но после череды блистательно задуманных и с треском проваленных покушений, стоивших жизни многим его товарищам по борьбе, быть может, такой только и мог сработать.

На эту идею его натолкнули объявления, расклеенные по всему городу недавно прибывшим разъездным цирком: ищут человека для работы со слоном. Поначалу Павел думал наняться туда безо всяких задних мыслей. Скудные сбережения неумолимо подходили к концу, кишки исполняли по ночам голодные марши, не давая уснуть, а квартирная хозяйка все настойчивей интересовалась, когда он намерен съехать. Лишь потом он осознал, что в цирке окажется как никогда близок к почти недосягаемой цели.

К губернатору.

Разумеется, после не столь давнего убийства Столыпина подобраться к цели со стороны зала сделалось решительно невозможно – охранители умели учиться на своих ошибках. Однако выстрела со сцены никто ожидать не будет. А между тем само устроение цирка-шапито, с его приземистыми трибунами, отделенными от арены лишь низеньким барьером, подходит для этого как нельзя лучше.

Губернатор всегда любил цирк, любил какой-то восторженной детской любовью – да и не только детской: по молодости, говорят, изрядно крутил с разбитными акробатками. Даже сейчас он не мог пропустить ни одного представления самой захудалой бродячей труппы. Об этой его страсти было известно всем. Ходила злая шутка, что градоначальнику больше пристало бы управлять цирком – с этим Павел был совершенно согласен. Еще шутили, что старик не отказался бы и умереть в цирке.

А хотя бы и нет! Павел все равно не собирался его спрашивать.

2

С самого первого взгляда директор цирка господин Шульц вызывал неприязнь. Он был молод, немногим старше Павла, и, пожалуй, хорош собой – волосы цвета воронова крыла, мрачный блеск в глазах и язвительная манера речи вызывали в памяти образ байронического героя, что в реальной жизни зачастую вызывает отторжение.

– Отчего же вы, молодой образованный человек, решили поступить в услужение к нашему Господину Элефанту? – осведомился он, сцепив перед собой бледные, словно из слоновой кости выточенные пальцы.

– Видите ли, – проговорил Павел, – я остался без средств к существованию и…

– Весьма сочувствую, – перебил Шульц, – однако не рассчитывайте поправить здесь свое положение. Две трети нашей выручки уходят на перевозку и поддержание цирка, оставшегося едва хватает, чтобы сводить концы с концами. Если вам нужны только пища и кров – этим мы можем вас обеспечить, при условии, что вы будете работать на совесть.

– Я постараюсь, – сказал Павел. – Конечно, у меня нет опыта в работе с животными…

– Моя бы воля, – мрачно произнес Шульц, – я на пушечный выстрел не подпустил бы вас к Господину Элефанту, но выбирать не приходится. Настоятельно рекомендую соблюдать осторожность, если, конечно, вам дорога жизнь.

Жизнь давно не была дорога Павлу, однако он не испытывал ни малейшего желания пасть жертвой разъяренного слона.

– Три сажени в длину, четыре в высоту и почти полтысячи пудов весу, – продолжал Шульц. – Господин Элефант, вероятно, самый крупный слон из ныне живущих, включая даже его африканских собратьев… – Он усмехнулся. – Гневить эдакую махину я бы не посоветовал.

– Я не из склочников, – улыбнулся Павел. – Думаю, мы с махиной поладим.

– Что ж… – Шульц поднялся из-за стола, достал из кармана жилета золотой брегет на цепочке, откинул крышку. – Сейчас у нас начинается репетиция. Пойдемте, я покажу вам вашего подопечного.

Они вышли из директорского фургона, украшенного сбоку изрядно потрепанной афишей, на которой едва можно было различить силуэт слона, нескольких ревущих львов и фигуру с хлыстом. Цирк раскинулся посреди угрюмого голого поля за железнодорожным полотном – кричащее многоцветье шатров, палаток, будочек и пестро размалеванных фургонов. Среди этой радостной пестроты лениво, вразвалочку, бродили немногочисленные служители. Над огромным желтым куполом шапито, словно язык гигантской змеи, трепетал на ветру раздвоенный красный флажок.

– Матвей! – крикнул Шульц.

Тотчас невесть откуда нарисовался серый, будто золою присыпанный, усатый мужичок в мятой косоворотке и фуражке с треснутым козырьком.

– Чегось изволите, господин Шульц? – спросил он сипло, постреливая из стороны в сторону хитрыми глазками.

– Слетай, голубчик, к Кларе да передай, чтобы через десять минут была на арене с Господином Элефантом.

– Сей секунд! – сказал серый человечек, бросил на Павла какой-то странный взгляд и тут же растворился среди повозок.

Конюшня и платформы с клетками размещались позади главного шатра, дабы зверей можно было в любой момент вывести на арену. По завету Ноя, каждой твари содержалось по паре. Цирковые собачонки встретили Павла и Шульца визгливым лаем, обезьянки, медведи и лошади провожали их печальными глазами. В воздухе витали пряный аромат опилок и кислый запах навоза, извечно сопровождающие разъездные цирки.

– Львов давеча пришлось пристрелить, – вздохнул директор. – Они, видите ли, отобедали вашим предшественником. Еще в Петербурге. Невелика потеря! За каким чертом этот пьяница полез в клетку? Однако с этих-то пор все и пошло наперекосяк.

Они вошли в бархатистый сумрак шатра. Посреди усыпанной опилками арены стояла огромная разноцветная тумба. Рядом двое одетых в мешковатые балахоны молодцев с одутловатыми физиономиями вовсю лупили надувными дубинками по голове третьего, а тот в ответ лихо сшибал их лбами.

– Братья Бобенчиковы! – объявил Шульц. – Три величайших комических дарования, успешно загубленных пьянством и блудом.

Клоуны перестали тузить друг дружку и посмотрели на него с таким угрюмым выражением, какого никак нельзя было ожидать от представителей их профессии.

Павел огляделся; ряды скамей терялись в темноте. А вон там, по правую руку, отдельная ложа на три персоны с мягкими креслами, где вместе с охраной будет сидеть губернатор…

– Внимание, – тихо проговорил Шульц, тронув Павла за плечо, а затем повернулся к воображаемой публике и громогласно провозгласил: – Дамы и господа, представляю вам Господина Элефанта – величайшего слона в мире!

Господин Элефант торжественно вступил на арену.

Он и впрямь был огромен. Бугристая, точно из утеса высеченная голова, украшенная золоченым бархатным налобником, венчала массивные плечи, под задубелой кожей которых незримо перекатывались литые мышцы; гибкий хобот извивался между бивней, длинных, острых, точно костяные сабли – от одного их вида делалось не по себе. Большинство слонов, виденных Павлом в цирке, были лишены клыков, вид имели самый благодушный и более всего походили на огромные, изрядно обвисшие кожаные бурдюки. Господин Элефант же будто сошел беззвучной, призрачной поступью с одной из гравюр великого Доре.

Восседавшая на нем наездница – очевидно, та самая Клара – была настоящей красавицей. Белокурая и цветущая, она вызывала желание немедля схватить ее в объятия и расцеловать. Ее коротенькое белое платьице в блестках и с вырезом на спине не скрывало почти ничего. Рядом с этой сияющей белизной Павел вдруг остро почувствовал, что одежда его больше напоминает тряпье, а лицо покрыто трехдневной щетиной.

Обняв Клару за талию могучим хоботом, слон как пушинку снял ее со спины и бережно поставил на манеж. Перекрестясь на западный манер – слева направо, – она опустилась на колени и положила голову на тумбу, словно на плаху, а Господин Элефант шагнул вперед, занося свою огромную ногу…

И опустил ее на голову Клары.

Трио клоунов в притворном ужасе заламывали руки; лицо директора было непроницаемо. Клара лучезарно улыбалась из-под чудовищной стопы, способной в мгновение расплющить ей череп. Павел боялся дышать. Струйка пота сбежала по его лбу, обожгла глаз. Вонзив ногти в ладони, он молился, сам не зная кому, чтобы все быстрее закончилось. Наконец Шульц вскинул руку, Господин Элефант медленно, будто нехотя, снял ногу с головы Клары и подался назад. Павел шумно выдохнул.

– Я смотрю, вы впечатлены! – улыбнулся Шульц. – Итак, первая ваша обязанность… Взгляните на мою дорогую сестру. Чего нет на ее волосах?

Павел, изумленный тем, что кто-то может позволить родной сестре класть голову под ногу слона, невпопад брякнул:

– Головного убора?

Клара фыркнула.

– Навоза, любезнейший, навоза, – сказал директор. – Слон – существо величавое, навоза производит в избытке и иногда в него наступает. Ежели сия мерзость окажется на белокурой головке Клары, получится номер в духе вот этих, – он мотнул головой в сторону Бобенчиковых, – к чему мы отнюдь не стремимся.

– Я полагал, что буду работником арены… – неуверенно начал Павел.

– Как я уже сказал, давая согласие, вы поступаете в полное распоряжение к Господину Элефанту. Кроме вас, этим заниматься некому. Из-за вот этих прекрасных клыков, – Шульц с гордостью провел пальцами по грозному бивню, – никто не хочет с ним работать, а спиливать их я не намерен. Слон без клыков – не слон. Полагаю, вы не станете настаивать.

– А по-моему, мы бы и сами прекрасно справились! – вмешалась Клара. – Право, Генрих, какой из него слоновщик? Посмотри, какой он заморенный.

Павел почувствовал раздражение. Да что она позволяет себе, эта актриска?

– Ну, это-то легко поправимо! – сказал Шульц. – Вот что, любезнейший: сейчас вы отобедаете с нами чем Бог послал, потом пойдете домой – ведь у вас покамест имеется какое-никакое жилье? – и хорошенько выспитесь. А завтра жду вас с утра. Клара разъяснит вам, что нужно делать.

Они пожали друг другу руки. Покидая манеж вслед за директором, Павел буквально ощущал спиною недовольный взгляд Клары.

3

Завтрак проходил под открытым небом. Столами и стульями служили поставленные на попа фанерные ящики, а скатертями – пожелтевшие газеты. Рядом с уже знакомыми Павлу Бобенчиковыми и Матвеем здесь были четверо лилипутов, громадный негр (очевидно, штатный силач), несколько девиц, одетых даже откровеннее Клары, двое хрупких юношей, которые держались за руки, глядя друг на друга влюбленными глазами, и с десяток служителей, косившихся на эту парочку с нескрываемым отвращением.

Никто не выказал к новому работнику ни малейшего интереса. От запаха горячей похлебки у Павла закружилась голова.

Взгляд Шульца остановился на пустующем столе:

– Где Великий Сандини?

Тишина была ему ответом.

– Матвей, голубчик, слетай-ка за ним!

– Так ить… – промямлил Матвей.

– Что «так ить»? – угрожающе спросил Шульц.

– Убег, подлец! – развел руками Матвей. – Все с фургона забрал и убег.

Шульц скрипнул зубами:

– Еще один. Корабль тонет, крысы бегут. Другие желающие есть?

Артисты что-то невнятно забормотали, качая головами.

– Есть, есть, знаю я вас, – махнул рукой директор и посмотрел на Павла. – Вы, любезнейший, часом не умеете глотать шпаги и распиливать даму пополам? – И безрадостно засмеялся собственной шутке.

4

На следующее утро Павел расплатился с хозяйкой и пришел в цирк, неся весь свой нехитрый скарб – накинутый на плечи армяк с револьвером Нагана в кармане, да потертый саквояж с четырьмя жестяными бонбоньерками внутри.

У директорского фургона в него врезался Матвей, очевидно «летевший» исполнять очередное поручение, и едва не выбил саквояж из рук.

– Разуй глаза, дурень! – рявкнул Павел, срываясь от испуга на позорный фальцет.

– На сердитых воду возят! – парировал Матвей и поспешил дальше, не подозревая, что только что был вместе с Павлом на волосок от смерти.

Смерть была заключена в круглые бонбоньерки и кокетливо перевязана красными ленточками.

Выделенный Павлу фургон беглого иллюзиониста располагался на самом краю поля. Обстановка внутри оказалась самая спартанская – узкая койка с голым матрасом да грубо отесанный стол с табуретом.

С великой осторожностью Павел поместил саквояж под кровать. Сев за стол, достал из кармана промасленную тряпицу, развернул. Наган тускло блеснул в луче света, сочившемся из запыленного оконца. Рядом маслянисто поблескивали патроны.

Последний раз на губернатора покушались в Ярославле. Некая девица Ляхович смогла добиться приема под видом просительницы и, оставшись с градоначальником наедине, всадила ему два заряда из двуствольного «дерринджера» в раззолоченную медалями грудь. Обливаясь кровью, старик все же сумел повалить нападавшую на пол и удерживал до прихода подмоги. Ляхович повесилась в камере на собственном поясе, не выдержав допросов, а губернатора от греха подальше перевели в самую глухую провинцию. Могли бы и не стараться: неудача

Ляхович, хоть и вполне предсказуемая (Павел советовал ЦК вооружить барышню калибром побольше; ему ответили, что в покушении на Линкольна «дерринджер» зарекомендовал себя наилучшим образом), стала последней каплей. Комитет постановил: рисковать всей группой ради убийства одного мерзавца не стоит, а ежели кто имеет к старику личный счет, ему лучше вовсе покинуть организацию и действовать на собственное усмотрение.

Расстались без сожалений – товарищи давно поняли, что не верит он во всеобщие свободу-равенство-братство и справедливость. И только ближайший приятель, студент-химик Самуил Френкель, тайком передал ему начиненные гремучим студнем снаряды Кибальчича с уже встроенными взрывателями, сказав на прощанье:

– Гляди не подорвись сам – там небольшой встряски достаточно. И еще прошу – не применяй их в толпе. Не пятнай наши руки в невинной крови.

А губернатор нарочно – Павел в том нисколько не сомневался! – ездил исключительно людными улицами. Тем не менее избавиться от снарядов молодой человек не решался. Так они и кочевали с ним вместе с одного жилья на другое, повиснув мертвым грузом.

Павел поднял револьвер, откинул барабан. Зияющие гнезда наполнились светом. Возможно, у него не будет и двух выстрелов…

Громкий стук в дверь застал его врасплох. Чертыхнувшись, он выронил тряпку, патроны раскатились по столу. Павел лихорадочно сгреб их, завернул вместе с пистолетом обратно в тряпку, убрал под матрас и только после этого открыл дверь. На пороге стоял улыбающийся Шульц с хлыстом в руке.

– Доброе утро! – сказал он. – Готовы поближе познакомиться с Господином Элефантом?

Знакомство, однако, не задалось.

Господин Элефант ждал их посреди просторного шатра, служившего слоновником. Вьющаяся среди опилок толстая стальная цепь приковывала его ногу к глубоко врытой в землю железной балке. Рядом с ним стояла Клара, уже одетая в свой цирковой наряд. При виде Павла она нахмурилась.

– Доброго утречка, Господин Элефант! – провозгласил директор. – Как вы спали? Мышки не докучали?

Слон благодушно зарокотал, помахивая ушами.

– Клара, оставляю молодого человека на тебя, – сказал Шульц. – А мне пора бежать…

– Ничего объяснять я не стану, – отчеканила Клара. – И вообще не подпущу посторонних к нашему слону.

На взгляд Павла, ее поведение становилось довольно странным.

– Послушай, милая, все уже решено, – с безграничным терпением в голосе произнес директор. – Этот человек будет работать со слоном, нравится тебе это или нет.

– Если я скажу ему правду, – произнесла Клара, с вызовом глядя брату в глаза, – он вылетит отсюда к чертовой матери.

И вот тут-то все и произошло. Что-то неуловимо изменилось в лице Шульца. Только что оно было спокойным, а уже в следующий миг губы директора задрожали, глаза наполнились слезами, словно у обиженного мальчишки. Внезапно он ударом по лицу сбил девушку с ног и тут же перетянул хлыстом по оголенной спине. Клара отчаянно закричала. Между ее лопаток вздулась багровая полоса.

Павел был настолько поражен случившимся, что не успел ничего предпринять. Его опередил Господин Элефант. Загремев цепью, он сделал несколько шагов вперед, взмахнул хоботом – и Шульц врезался в стену шатра, отчего все сооружение заходило ходуном.

Павел вскрикнул. Шульц распрямился, медленно, словно змея, поднимающаяся из корзины факира. Голова его тряслась, по щекам струились слезы, но на губах блуждала усмешка, больше похожая на оскал. Хлыст со свистом рассек воздух. Господин Элефант взревел, закру-

тив спиралью ожженный хобот, попятился, а Шульц бросился на него, в молчаливом исступлении нанося удар за ударом.

– Прекратите! – Павел схватил директора за плечо. – Вы с ума сошли?

Шульц оттолкнул его с поразительной силой. Потеряв равновесие, Павел свалился прямо на Клару. Та сдавленно охнула. От ощущения ее извивающегося тела под собой у него совершенно некстати перехватило дыхание. Он поспешил откатиться в сторону.

Слон жалобно заревел.

– Вилли! – закричала Клара. – Вилли, на помощь!

Послышался громовой топот, в шатер влетел черный гигант и обхватил Шульца сзади, прижав его руки к телу.

– Пусти! – прохрипел директор. – Убери от меня лапы, черная обезьяаааа… – Его пальцы разжались, выпуская хлыст, глаза закатились под лоб, зубы заскрежетали, и весь он мелко-мелко затрясся, выбивая каблуками дробь.

С трудом поднявшись на ноги, Павел подошел к перепуганному негру, по-прежнему сжимавшему Шульца в медвежьих объятиях, и подобрал кнут.

– Не бейте его! – жалобно крикнула Клара.

– Не говорите ерунды, – устало проговорил Павел. – Ему нужна помощь.

Он с усилием разжал намертво сомкнутые челюсти директора и втиснул ему между зубов рукоять хлыста.

5

– Поверьте, мне очень жаль, – умирающим голосом проговорил Шульц. – И ты, Клара, прости меня…

– Это не твоя вина, Генрих, – мягко отвечала она, поправляя под его головой подушку. – Я сама виновата. Мне не следовало устраивать этот… этот цирк! – Она засмеялась сквозь слезы.

– Давно у вас такие припадки? – осведомился Павел. Промокнув марлю водкой, он осторожно протирал ею рубец на спине Клары, а девушка тихонько шипела от боли.

– С детских лет, – уныло ответил Шульц. – Папашино наследство. Тоже, бывало: сперва осатанеет, а потом – бряк! Однажды неудачно – об колесо фургона.

– Соболезную…

– Не стоит. Он был сущий зверь. Вон, видали? Это во мне его кровь взыграла. Во всех смыслах! – Шульц мрачно хохотнул.

– А ваша сестра…

– Бог миловал! – сказала Клара.

– И часто с вами такое?

– Последнее время все чаще.

– После случая со львами, я полагаю? Если, конечно, это были львы…

– Вы чертовски догадливы, – проворчал Шульц. – Пожалуй, дальше скрывать не имеет смысла. Разумеется, вашего предшественника убил слон. Мы боялись, что власти потребуют его пристрелить, и все свалили на львов.

– Тот человек был сам виноват, – добавила Клара. – Зачем мучил его? Теперь вы понимаете, почему я боялась вас к нему подпускать. Ай!

– Ничего-ничего, я уже закончил, – сказал Павел, силясь побороть дрожь в голосе. Последний раз он прикасался к женщине два года назад.

– Я больше не справляюсь, – плаксиво заговорил Шульц. – Кручусь как белка в колесе, а все сыпется в тартарары…

– Все хорошо, – мягко оборвал его Павел. – Теперь вам нужно поспать. И если это вас успокоит: работу я не брошу.

– Я позабочусь, чтобы все было хорошо, – добавила Клара. – Спи, Генрих.

Шульц едва заметно кивнул и закрыл глаза. Павел тронул Клару за плечо, и они на цыпочках вышли из фургона. У подножия лесенки, тихо переговариваясь, собрались мрачные циркачи.

– Расходитесь, – велел Павел, чувствуя невольную радость от неожиданно свалившейся на него власти. – Больному нужен покой.

Труппа смолкла и расступилась, пропуская их. Когда они отошли достаточно далеко, Клара повернулась к нему и нежно взяла за руку.

– Я должна просить у вас прощения, – сказала она, потупившись. – Вы проявили такое участие к моему брату…

– Пустое, – сказал Павел. – Было приятно снова вспомнить клятву старика Гиппократа.

– Вовсе не пустое! Ведь я очень люблю брата. Мы неразлучны с самого детства. Не поверите, он даже принимал у меня роды.

– У вас есть ребенок? – удивился Павел.

– Был, – вздохнула Клара. – Я была матерью всего несколько минут. Генрих сделал все, что мог, но… Как жаль, что вас тогда с нами не было!

– Не уверен, что от меня было бы больше толку. Я не закончил и первого курса. Будь я врачом, разве прислуживал бы слону? – Он невесело рассмеялся.

– Что же такого вы натворили?

Слова вырвались у него помимо воли:

– У меня тоже был старший брат, вот что я натворил. Алексей… он постоянно участвовал в студенческих демонстрациях. С детства был возмутителем спокойствия. Одна из акций приняла стихийный характер, и губернатор распорядился «с бунтовщиками не церемониться». В случае Алексея это означало «бить сапогами по голове до смерти».

– Боже мой, какой ужас!

– Я искал правды, – продолжал Павел. – Обивал пороги, бросил учебу. Отчислили с волчьим билетом, как неблагонадежного. Такая вот, понимаете, оказия.

Он смолчал, разумеется, обо всем остальном. Он вообще уже досадовал о своей откровенности. Только жалости ему не хватало! И верно, Клара привстала на цыпочки и робко коснулась губами его щеки, заставив его вздрогнуть. Покраснев, она отступила на шаг и вдруг воскликнула:

– Бедный Господин Элефант! Мы совсем забыли о нем!

6

А забытый Господин Элефант стоял тем временем в полумраке слоновника. Лишь его хриплое дыхание нарушало тишину, да цепь бренчала изредка тяжелыми звеньями. Ссадины, оставленные бичом, горели, но куда сильнее жгла старого слона горечь обиды.

Никто не мог бы постичь всю глубину терзавшей его тоски. Как и большинство его сородичей, имевших сомнительное счастье стать цирковыми артистами, за полвека жизни он успел хлебнуть лиха.

Как и большинство его сородичей, он не забывал ничего.

Он помнил себя неуклюжим щетинистым слоненком, цеплявшимся за хвост матери. Мир тогда казался гораздо больше и таил в себе множество чудес и опасностей, но и мать была огромной, и он верил, что она всегда будет рядом, а значит, бояться нечего. Но вот однажды, когда они мирно паслись на поляне, из зеленой чащи прогремел гром, и мать, протрубив один раз, повалилась в кусты, чтобы больше уже не встать. Жалобно повизгивая, он дергал ее за уши тоненьким хоботком, но она лежала неподвижной серою глыбой, а со всех сторон возникали страшные двуногие силуэты со сверкающими палками в руках…

Он часто пробуждался, увидев эту сцену во сне, и долго стоял, уставясь в темноту, охваченный благоговейным ужасом. Власть маленьких громовержцев абсолютна и неоспорима – вот урок, который он запомнил лучше всего.

Он помнил следующие два года, проведенные на плантации офицера-англичанина, заядлого охотника, в качестве живой забавы для его изнывающей от скуки леди и безобразно избалованных отпрысков. Однако забава так быстро росла и так много ела, что практичный сын Альбиона вскоре решил пустить ее на мясо гончим, и юного слона спасло лишь то, что проезжий путешественник выиграл его у хозяина в карты.

Он помнил долгую череду хозяев и кличек, которые сменил, прежде чем попасть к Шульцу-старшему и стать Господином Элефантом. Помнил каждый удар, каждый окрик, помнил свою бессильную ярость и всепоглощающий страх.

Но он помнил не только зло.

Худенький бледный мальчик и белокурая цветущая девочка всегда были добры к нему, тайком угощали разными лакомствами, омывали раны, оставленные страшным слоновьим багром папаши Шульца. Слон проникся к юным хозяевам той самоотверженной любовью, на какую способен только обласканный зверь, и не раз они в слезах прибегали к нему за утешением после отцовских побоев.

Он помнил, как дети росли, а папаша Шульц дряхлел, и как однажды его не стало. Господин Элефант первым ощутил на себе воцарившиеся в цирке новые порядки. Никто больше не обижал его, а молодой хозяин, вступивший во владение цирком, трогательно заботился о слоне на пару с сестрой.

Но, как часто бывает после краха тирании, на ее место пришла вседозволенность, и мало-помалу труппа погрузилась в чад беспробудного кутежа. Пытаясь восстановить порядок самыми суровыми мерами, Генрих все более озлоблялся и вскоре превзошел жестокостью покойного отца. Лишь Господин Элефант, добрый друг его безрадостного детства, до поры избегал его гнева.

Трагедия произошла, когда слоновщик Егор, на редкость прожженный малый, устав от гнета директора и бесконечных задержек жалованья, задумал удрать из цирка, поохотившись напоследок за слоновой костью. Глухой ночью он явился в слоновник с пилой-ножовкой и большим ведром, куда предварительно слил все цирковые запасы спиртного, для верности сдобрив побегами хмеля.

Старый слон благосклонно принял подношение. Спустя какое-то время голова его закружилась. Он грузно опустился на колени, а хитрец выждал несколько минут и принялся за дело.

Только то, что произошло потом, Господин Элефант помнил плохо. Он очнулся от дикой боли, когда пила в нетвердой руке соскользнула, взрезав чувствительную плоть его десны. «А ну лежать, скотина!» – гаркнул слоновщик, и то были последние его слова. Одурманенный болью и алкоголем, слон дернул головой, и человек вдруг забился в крови на полу у его ног, скуля и пытаясь удержать в животе лезущие наружу внутренности.

В ту ночь молодой хозяин впервые поднял руку на Господина Элефанта. Но жестокое избиение уже не могло вытравить крамолы из головы огромного зверя.

С каждым днем, ощущая растущие среди двуногих напряжение и страх, он все сильнее укреплялся в своих подозрениях.

Может, они вовсе не всесильны?

Может, их власть не вечна?

И сейчас эти мысли не давали ему покоя. Обида сменялась злостью. Он несколько раз впечатал ногу в опилки, представляя, что топчет тело молодого хозяина, превращая его в бесформенную кровавую массу…

– Бедный мой! Тебе больно? – услышал он ласковый голос хозяйки. – Сейчас, милый, сейчас мы тебя полечим…

И гнев, словно по волшебству, сразу утих, съежился, ушел куда-то в самую темную глубину его сознания.

Ведь он не забывал ничего.

7

Шульц отлеживался несколько дней. Павел был уверен, что директор решил воспользоваться случаем и хоть на время переложить заботы о цирке на плечи сестры. Впрочем, отдохнуть ему действительно не мешало.

Клара же подошла к делу со всей ответственностью. Она не давала актерам спуску, безжалостно выгоняя на репетиции, а в свободное время обучала Павла работе с Господином Элефантом. Через два дня он уже не хуже ее умел поливать слона из шланга, очищать его чувствительную кожу специальным скребком и драить круглые мягкие подошвы ног. Кормили они его вместе – Клара приносила различные лакомства, а Павел, обрывая руки, таскал ведрами сено и овощи. Хуже всего предсказуемо оказалась уборка навоза.

– Ой, мамочки! – расхохоталась Клара в первый раз, когда Павел, взмокший и злой как черт, вывалился из слоновника, распространяя вокруг себя зловоние. Он с размаху вогнал лопату в землю и заявил:

– Теперь я как никогда понимаю вашего брата.

Закончив, они поочередно споласкивались над железным рукомойником, пристроенным в закутке между фургонами, переодевались, и Клара отправлялась на репетицию. Иногда она приглашала Павла. С замиранием сердца он смотрел, как она мчится на спине галопирующей лошади, точно сказочная амазонка, выполняя самые невообразимые прыжки, пируэты и сальто. Как-то раз она предложила ему держать для нее обруч, но Павел наотрез отказался, опасаясь, что в момент ее прыжка у него дрогнет рука.

Она подобрала ему униформу по размеру – красную ливрею с золочеными шнурами, больше похожую на гусарский мундир, чем на костюм служителя, и строгие черные брюки.

– Вы похитили мое сердце! – сказала она, пытливо оглядев его с ног до головы. – Настоящий кавалерист! Хотите, я научу вас верховой езде?

Павел всерьез подумал, что было бы довольно эффектно всадить пулю в губернатора на полном скаку. Впрочем, тогда будет трудновато прицелиться… Он улыбнулся и сказал:

– Боюсь, наездник из меня неважный.

Одним словом, они сделались неразлучны.

Он даже столовался теперь вместе с нею и ее братом в директорском фургоне. Остальные циркачи прозвали его «Любимчиком», но Павлу было все равно. Он больше ни с кем из них не свел знакомства – да не больно и хотелось. Лишь чернокожий силач Вилли внушал приязнь своим кротким нравом, но он всегда держался особняком, почему-то пуще всех избегая Клары, хотя она, в отличие от своего брата, всегда была к нему ласкова. По ее словам, Вилли был родом из какого-то южноамериканского штата и привык опасаться белых. Павел, впрочем, подозревал, что бедный негр тайно влюблен в нее. Но когда он завел об этом речь, Клара поспешила сменить тему.

Он прекрасно понимал Вилли.

Не раз и не два он ловил себя на том, что забывает о своей истинной цели. Цирковая жизнь во всем ее противоречивом, неприглядном очаровании захватила его с головой. А мысли о губернаторе все настойчивей вытесняла собою Клара. Он не мог нарадоваться, что Шульц пока что не репетирует ужасный номер со слоном.

– Как вы можете подвергать свою сестру такому риску? – однажды спросил он директора за ужином.

Шульц лишь усмехнулся, а Клара сказала:

– Вы не знаете нашего Господина Элефанта. Он скорее сам умрет, чем причинит мне вред.

– Поразительно, насколько он кроток при его силе! – добавил Шульц.

– И все же при известных обстоятельствах он вас отшвырнул, – не без ехидства заметил Павел.

Директор, похоже, ничуть не обиделся.

– Именно отшвырнул, хотя один удар его хобота мог бы раздробить грудь мужчине куда более крепкого сложения. Причем я, как вы сами могли видеть, усердно напрашивался. Чего уж говорить о нашем папеньке, – он скорчил гримасу, – видели бы вы, как он терзал бедное животное! Хотел обучить его стоять на голове, это немолодого слона-то. А когда ничего не вышло, решил угостить булкой с цианистым калием… Чтобы спасти нашего друга, мы и придумали этот номер.

– Генрих придумал! – с гордостью уточнила Клара. – Вычитал в одной из своих книжек. Он много читает, не то что я.

– Слыхали о такой затее, как казнь слонами? Восточные правители знали немало способов вселять ужас в сердца своих подданных, но казнь слонами по праву считалась одним из самых зловещих. – Шульц выдержал эффектную паузу и продолжал: – Хорошо натасканный слон-палач мог пытать приговоренного днями и даже неделями, дробя ему кости и хоботом выворачивая суставы. Некоторых несчастных четвертовали, прижимая ногой к земле и отрывая конечности – собственно, в природе слоны именно так расправляются с не в меру дерзкими хищниками. Чаще же слон либо протыкал человека бивнями, либо делал то же самое, что вы видели на арене.

– Только насмерть?

– В том-то и дело, что нет! Он точно так же осторожно придавливал ногой голову осужденного и ждал знака от своего повелителя: казнить или помиловать? При любом исходе именно этот момент тягостного ожидания производил на зрителей наибольшее впечатление; на том сыграли и мы сейчас. В сущности, номер простейший, а между тем он всегда обеспечивает нам успех.

– И все же…

– Я с радостью рисковал бы собственной головой, – перебил Шульц. – И на стадии постановки номера так и делал. Однако зрители, как вы знаете, предпочитают видеть в смертельной опасности прекрасную даму.

– Профессия циркача – всегда риск, – добавила Клара. – Если на то пошло, я рискую гораздо меньше, чем любая воздушная гимнастка или канатоходец.

Павел рассеянно кивнул, а сам подумал, что губернатора надо будет застрелить непременно до начала номера, чтобы не видеть, как Клара снова кладет свою бедную голову под пяту слона.

8

Артисты роптали. Отряженный переговорщиком Матвей стоял перед директорским фургоном и докладывал:

– Застряли, дескать, в этой дыре, директор носу не кажет, представлений не даем, жалованья три месяца не видали… Расходиться, говорят, надо…

Приставив руку козырьком ко лбу, Шульц задумчиво посмотрел на небо, словно примерялся сбить солнце ударом хлыста. Наконец он сказал:

– Ты, голубчик, слетай к ним и скажи, что завтра устраиваем парад, а на следующий день даем представление. И вот еще, – добавил он вполголоса, – гляди в оба! Ежели кто опять надумает сделать ноги – зови Бобенчиковых. Они враз окоротят.

У присутствовавшего при разговоре Павла екнуло сердце. Так значит, уже послезавтра! Ему вдруг ужасно захотелось сделать ноги самому. Несмотря на Бобенчиковых.

– Воля ваша, – буркнул Матвей. – А только скажу как есть: на одних колотушках долго не продержитесь. Все одно разбегутся.

– Ну пес с вами… После парада можете погулять за мой счет. Только без меня, и чтобы к представлению были как стеклышко.

Павел осторожно попробовал возразить:

– Если они напьются накануне представления, то не смогут толком выступать.

– Зато и сбежать не смогут! – огрызнулся директор. – Бог даст, к полудню оклемаются. А если какая дура-гимнастка свернет себе шею, то моей вины в том не будет. Вилли! Где тебя носит, черная макака!

– Был бы вам бесконечно признателен, если бы вы перестали постоянно оскорблять этого человека, – холодно произнес Павел. – Насколько я знаю, он не причинил вам никакого зла.

– Вот как? – недобро усмехнулся директор. – Боюсь, вы знаете слишком мало, а наши представления о добре и зле сильно разнятся. – Он повернулся навстречу подошедшему Вилли. – Вот что, приятель: подготовь мой костюм да начисти как следует сапоги.

Силач покорно склонил огромную курчавую голову и побежал исполнять приказание.

Шульц, заложив руки за спину, обводил воспаленным взором свои цирковые владения, и Павел решил поискать более приятного общества.

Клару он нашел на арене. Она гарцевала на грациозной белой лошади, время от времени высоко поднимая ногу и делая поворот на носочке.

– Гоп-ля! – воскликнула она, ловко соскочив на манеж, и шлепком по крупу направила лошадь к выходу, где ее подхватил под уздцы и увел с арены один из служителей.

– По улицам слона водили… – продекламировал Павел.

– Не может быть! – искренне удивилась Клара. – Только что Матвей сказал, что парад назначен на завтра.

Павел хмыкнул, не в первый раз пораженный ее невежеством. Кларе действительно не мешало бы побольше читать; зачастую бедная девушка выказывала незнание самых элементарных вещей. Он подозревал даже, что она верит, будто Земля плоская.

– Клара, – засмеялся он, – ведь это же Крылов!

Она зарделась и стала дивно хороша.

– Простите… Я, наверное, кажусь вам очень глупой?

– Вы очаровательны, Клара, – искренне сказал он. – Прошу, оставайтесь такой, как есть.

– Вы совсем не умеете врать. Но знаете, никто никогда не разговаривал со мной так хорошо… Только Господин Элефант по-своему, по-слоновьи. Да-да, не смейтесь, не вздумайте смеяться! – Она погрозила ему пальчиком. – Генрих всегда заботился обо мне, но он считает меня дурочкой. А вы… вы совсем другое дело. Иногда мне кажется, что я знала вас всю жизнь.

И снова это произошло – привстав на цыпочки, она поцеловала его. Снова в щеку, но на этот раз ее губы коснулись уголка рта, и Павел, охваченный каким-то сверхъестественным ликованием, вдруг точно понял, что не убьет губернатора ни послезавтра, ни когда-либо вообще.

9

– Цирк! Цирк идет!

Первыми, как всегда, сбежались неугомонные мальчишки, отбросив свои бесконечно важные детские занятия. За ними поспевали и девочки – многие из них уже вели с собой взрослых. Наконец, заслышав звуки фанфар, оторвались от дел и самые занятые горожане. Все

больше и больше народу от мала до велика вливалось в толпу, сопровождавшую цирковую процессию, которая пестрой змеей вилась по узеньким пыльным улочкам.

Впереди, облаченный в расписной алый кафтан, вышагивал сам директор, его голову венчал белоснежный тюрбан, украшенный кроваво мерцающим рубиновым оком. В этом живописном одеянии Шульц выглядел еще мрачнее, похожий на жестокого индийского правителя, практикующего казнь слонами. Благо и слон величественно шествовал рядом, вздымая огромные клубы пыли. Сияющая Клара в своем легкомысленном наряде восседала на шее Господина Элефанта, посылая в толпу воздушные поцелуи, и восхищенные мужчины отвечали ей тем же, презрев недовольные взгляды своих спутниц. Разодетый Матвей заглушал музыкантов, звонким петрушечьим голосом выкрикивая:

– Спешите видеть! Только одно представление! Знаменитые клоуны братья Бобенчиковы! Чудеса гимнастики! Акробатки под куполом цирка! Ужасный силач из дебрей Конго! И, наконец, гвоздь программы – жестокая казнь прекрасной девы под пятою гигантского слона!

И тут же Вилли всячески демонстрировал, что он именно ужасный, именно силач и именно из Конго, причем из самых что ни на есть глухих дебрей: угрожающе вращал глазами, потрясал над головой двухпудовою палицей и рычал гориллою. Никто бы не узнал сейчас в этом кровожадном людоеде кроткую жертву нападок Шульца.

Павел шел рядом с Господином Элефантом. Все казалось ему прекрасным – и теплый ветерок, ерошивший ему волосы, и благоухание палисадников, и эти тесные улочки, и эти радостные обыватели, на время вырвавшиеся из паутины сонного провинциального существования, но более всего…

Он старался не глазеть на налитые гладкие бедра Клары, крепко обхватывающие массивный загривок слона – от этого возникали мысли, бросающие в жар.

Путь лежал мимо губернаторского дома.

Там, на балконе, положа руки на мраморные перила, собственной персоной стоял губернатор и любовался Кларой. Постаревший сатир прятал грустную улыбку в окладистой серебряной бороде. Быть может, он вспоминал сейчас безвозвратно ушедшую юность в окружении таких же красавиц, когда он не стал еще символом тирании и угнетения, узником собственного дома, живущим в постоянном ожидании приговора.

По привычке Павел старался почувствовать ненависть – и не мог.

Доживай свой век, несчастный старик; видит Бог, тебе недолго осталось!

А он – он будет жить дальше. Пока в мире есть Клара, умирать просто глупо.

Нынче же ночью он заберет бомбы и взорвет далеко-далеко в степи. А наган зашвырнет подальше, к чертовой матери, как говорит Клара. И вернется в цирк. К ней.

Он ликовал – и вместе с ним ликовал весь город, еще не ведающий об уготованном ему кошмаре.

10

Сразу по возвращении циркачи потребовали, чтобы Клара непременно присоединилась к застолью, проводившемуся в одном из шатров.

– Не ходите, – успела она шепнуть Павлу.

Но он пошел. Пошел, только чтобы быть с ней.

Ему пришлось стать свидетелем и участником самой безобразной попойки, какая пристала бы скорее разбойникам, нежели артистам, пусть даже и разъездного цирка. Выпивка лилась рекой, циркачи отпускали грязные шуточки и горланили похабные песни, состязаясь в громкоголосии и сквернословии. Двое юношей-гимнастов бесстыдно целовались у всех на виду. Визжащие акробатки барахтались в жилистых руках служителей, каким-то образом все время переходя с коленей одного на колени другого. Клара не отставала от остальных – глу-

шила водку вместе со всеми, вместе со всеми выкрикивала непристойности… Казалось, она нарочно стремится выставить себя в самом дурном свете.

Павел выпил немного водки, чтобы не привлекать внимания, а остальное украдкой подливал сидевшему рядом Матвею, на что тот благодарно кивал. И все равно в голове вскоре зашумело, а голоса циркачей временами сливались в неразличимый гул. В самый разгар веселья Клара вдруг вскочила на стол, одним глотком осушила стопку и, швырнув ее через плечо, принялась отбивать лихую чечетку под звон подпрыгивающих бутылок и ритмичное хлопанье в ладоши захмелевших товарищей. Ее гибкое тело извивалось в мерцании свечей, глаза сверкали шальным блеском, руки порхали над головой, точно белые птицы…

Павел сидел с раскрытым ртом, не в силах отвести от нее глаз. Ему хотелось провалиться сквозь землю, чтобы не видеть этого волнующего бесстыдства – и в то же время он мог бы любоваться им вечно.

– Гляньте, как Любимчик глазищи вытаращил! – крикнула одна из девиц.

– Да ведь он влюблен по уши!

– Гляди, гляди, покраснел, как его ливрея!

– Оставьте его в покое, – бросила Клара, не прекращая танца.

– Точно, оставьте, – подхватил Матвей, обнимая Павла рукой за плечи и обдавая запахом перегара. – Паренек-то хороший… щедрый…

– И то, может, повенчать их! – предложила неугомонная акробатка. – А Господин Элефант сватом будет!

– Ве-е-енчать меня с ним не нужно… – оскорбленно протянул Матвей и поскорей убрал руку. – Я ж по-дружески… я ж не из этих… – Он показал на милующихся гимнастов.

– Да с Кларой же, дурень, – отозвался один из них, вызвав всеобщий смех.

– С Кларой я завсегда готов! – глупо хихикнул Матвей.

– Да Любимчика же! Закатай губу, Матвейка!

– Ты свидетелем будешь!

– Я чего… я губу не раскатывал… я ж не Господин Элефант…

– Опять сказки рассказываешь! Никакая это не губа, а нос! – подал голос один из Бобенчиковых. – Огромный жидовский носяра!

– И вовсе не носяра, – уперся Матвей. – Мне директор рассказывал. Хобот – энто ихняя раскатанная губища.

– Ну уж ему-то мы Клару не отдадим! – загоготал другой брат.

– Он ее, бедняжку, в первую ночь порвет! – подхватил третий.

– Раздавит!

– У-у, душегуб проклятый!

Клара пьяно расхохоталась, а Павлу захотелось подойти к Бобенчиковым и обтесать кулаком наглые размалеванные физиономии. И он уже начал было вставать, как вдруг Матвей задиристо выкрикнул:

– От душегубов слышу!

Зловещая, тяжелая тишина повисла в шатре. Все взгляды были устремлены теперь на Матвея, но страшнее всех смотрели налитые кровью глаза клоунов.

– Ну-кась, повтори?

– Да-с, да-с! Слон что? Животина бессловесная, а вот вы с директором – как есть душегубы! Ну-ка, что там с Егоркой-то приключилось, расскажете?

Все трое братьев угрожающе поднялись на ноги. Но в тот же момент Клара соскочила со стола, бросилась Павлу на шею и прильнула губами к его губам.

Все закружилось перед глазами; словно издалека слышались смех и улюлюканье циркачей, но это казалось совершенно не важным – сейчас имел значение лишь хмельной вкус ее губ, жар ее тела, упругая мягкость груди… Дальше было как в тумане. Он слабо помнил, как

она тащила его за руку из шатра, потом они оказались в ее фургончике, лихорадочно срывая друг с друга одежду, а к окошку, тесня друг друга, приплюснулись ухмыляющиеся рожи. Павел глупо улыбался. Клара, хихикая, показала в окошко кукиш и задернула занавеску.

Они повалились на койку, Павел оказался сверху. Ощущая дурманящий запах и жар разгоряченного молодого тела, он как безумный принялся целовать ее волосы, лоб, глаза, губы, шею.

– Раздави меня… – выдохнула Клара, направляя его рукой.

11

Они долго лежали в темноте, не говоря ни слова. Клара прильнула к его груди, обдавая жарким дыханием его шею. Он скользил пальцами по крутому изгибу ее бедра.

Вот все и случилось, думал он. Как просто. Как внезапно…

Отчаянный крик разбил тишину. Павел сел, будто подброшенный. Крик повторился, пронзительный, полный ужаса. А потом раздались грязная брань и глухие звуки ударов.

Павел скатился с кровати, нашарил в темноте брюки.

– Не надо, не ходи! – крикнула Клара.

Но он уже выскочил из фургона. Силуэты шатров и повозок смутно вырисовывались в темноте, и где-то среди них верещал Матвей:

– Спасите, родненькие! Убивают!

Очертя голову Павел бросился на крик.

Матвей, жалкий, дрожащий, скорчился у повозки, прикрывая голову руками, а вокруг него приплясывали три пестрых фигуры, нанося ему безжалостные удары ногами в слишком больших башмаках. Вся троица обернулась на окрик Павла. Призрачно-белые рожи с багровыми носами расплылись в кроваво-красных ухмылках. В руках блеснули ножи. Тут только Павел осознал, что стоит один против троих головорезов, полуголый и безоружный.

– Ба, Любимчик нарисовался! – гоготнул один из них, поигрывая ножом. – Герой-любовничек! А не кажется ли вам, что для нашей Клары он недостаточно хорош? Не изукрасить ли ему перышками фронтон?

Остальные визгливо захихикали.

– Лучше пощекотать с торца!

– Загнать с черного хода!

Пользуясь случаем, Матвей извернулся ужом и исчез под повозкой, но троим белым призракам, похоже, и дела не было – они всецело увлеклись новой жертвой. Павел лихорадочно огляделся, ища хоть какого-нибудь оружия. И тут подоспела Клара, задыхаясь и на ходу затягивая поясок халата:

– Не троньте его, зверье!

– Клара, если сделают к нам еще хоть шаг, беги в полицию, – проговорил Павел, подавляя дрожь в голосе.

Это вызвало взрыв издевательского хохота:

– Да, Клара, беги в полицию!

– Беги-беги, да смотри, говори все, без утайки!

– Не то мы расскажем: одним, что ли, пропадать?

Клара замерла на месте, бледная, как смерть. В ее распахнутых глазах плескался ужас.

– Что здесь происходит? – Шульц выступил из темноты, спокойный и обманчиво хладнокровный, но при виде хлыста в его руке страшные белые призраки тотчас съежились, превратившись в пьяных и жалких клоунов.

– Мы ничего…

– Матвейке язык хотели укоротить слегонца…

– А тут этот…

Шульц перевел взгляд с Павла на Клару и сказал:

– Ты опять взялась за старое, дорогая сестра. А вы, – он повернулся к притихшим Бобенчиковым, – марш к себе, и чтоб до завтра я вас не видел!

Клоуны бросились наутек.

– Генрих, я… – начала Клара.

– Ничего страшного, лишь бы не черномазый, – бросил Шульц и пошел прочь.

Клара вздрогнула, словно он опять ударил ее. Когда Павел отвел ее обратно в фургон, она опустилась на банкетку перед зеркалом и закрыла лицо руками.

– Значит, твой ребенок был от Вилли? – спросил Павел.

– Я даже не знала, от кого, пока он не родился, – угрюмо ответила Клара. – Наверное, потому и умер. Кровь немцев плохо сочетается с кровью чернокожих.

– Кто сказал тебе такую чушь?

– Генрих.

– Генрих либо негодяй, либо невежа. Впрочем, я больше склоняюсь к первому. Негры ничем не отличаются от белых, это известно всякому приличному человеку.

– Может, он иногда бывает несправедлив, но не смей его оскорблять, – холодно произнесла Клара. – Ты не знаешь его. И потом, только что он спас твою жизнь.

– О, я узнал вас обоих достаточно! – Голос Павла дрожал от негодования. – Ты отвлекла меня, чтобы эти бандиты смогли заткнуть рот Матвею, я прав?

Голос Клары сделался совсем ледяным:

– Собирай вещички и вон из моего фургона.

– А все-таки, кто убил слоновщика? Львы? Слон? Клоуны? Твой братец? Может быть, ты, Клара? Или весь ваш проклятый цирк поучаствовал?

– Он уже не двигался! – В ее голосе звучали слезы. – Генрих сказал, что тело нужно бросить в клетку ко львам, иначе прозектор определит истинную причину смерти. Вызвались Бобенчиковы… Мы не знали, что он еще жив. А когда львы стали его рвать… он вдруг очнулся и закричал! Я до сих пор слышу этот крик…

Издав дрожащий вздох, она продолжала:

– Мы не могли поступить иначе… Год назад в Одессе расстреляли слона Ямбо. Его изрешетили разрывными пулями… полчаса он умирал в муках на глазах у зевак… Разве мы могли обречь на такое нашего единственного друга?

Теперь Павел понимал, почему бегут люди. Они боялись не слона, а его хозяина. Желая спасти Господина Элефанта, Шульц впал в безумие и обрек на гибель весь цирк.

– Но отвлекла ты меня нарочно? – настаивал он.

– Да, – призналась она. – Поверь, я не знала, что они задумали! Я лишь боялась, что Матвей расскажет тебе про Генриха… А из-за них ты и сам обо всем догадался.

Если она и лгала, он слишком хорошо понимал ее, чтобы осуждать. Разве он сам не готов был ради давно умершего брата лишить человека жизни?

Повинуясь порыву, он опустился перед ней на колени, взял ее за руку и заговорил с жаром:

– Теперь я все понимаю Клара… нам надо бежать! Подальше от этого страшного цирка! Мы могли бы жить вместе… я устроился бы на службу…

Клара высвободила руку и отстранилась:

– Если и я отвернусь от Генриха, он сойдет с ума, неужто не понимаешь?

– Пойми, Клара, ведь он уже безумен! Он погубит тебя…

– Будь что будет. Нам не по пути, дорогой сударь. Пусть лучше Господин Элефант раздавит меня.

– Если понадобится, я уведу тебя силой.

Она рассмеялась:

– В следующий раз тебе придется и брать меня силой. Я уже жалею, что отдалась тебе в первый.

Он вскочил, непроизвольно сжав кулаки. Клара дерзко усмехнулась сквозь слезы:

– Давай! Ударь меня, если тебе станет от этого легче. Ведь я гадкая, распутная, дерзкая, я плоть от плоти этого цирка! Бей! Генриху помогает. Мы могли бы одолжить у него хлыст…

Плечи Павла поникли. Он понял, что все кончено.

Неужели он едва не отрекся от цели ради этой наглой, бесстыжей, невежественной циркачки?

Молча собрал он свои вещи, наспех оделся и покинул ее фургон.

Цирк был тих, будто вымерший. В предрассветных сумерках Павел столкнулся с Матвеем. Лицо бедолаги превратилось в сплошной лиловый кровоподтек, один глаз заплыл, губы вздулись лепешками. Он затравленно глянул на Павла здоровым глазом и поспешил прочь, прижимая к груди узелок с вещами.

12

Послеполуденная жара укутала город изнуряющим покрывалом, но оказалась бессильна остановить стекающиеся в цирк толпы, привлеченные вчерашним парадом. Словно подтверждая известное выражение о «самом демократичном из искусств», перед куполом шапито вскоре собрался самый разнообразный люд.

Впрочем, иллюзию демократичности быстро развеял взвод солдат, проводивших досмотр посетителей на входе, и появление губернаторского экипажа, окруженного отрядом конной стражи.

Губернатор вышел из кареты в сопровождении двух дюжих румяных молодцев. Он поднял руку, приветствуя народ, офицеры опустили руки на тяжелые кобуры, предостерегая его. Неприязненный ропот прошел по толпе.

Павел, уже облачившийся в униформу, остановился у входа в слоновник. Массивная фигура губернатора с поднятой ладонью колебалась в знойной зыби, словно само солнце защищало его, искажая прицел для возможного стрелка. Рука Павла непроизвольно коснулась ливреи, за полой которой был припрятан наган.

Он вошел в слоновник.

Клара лежала на спине Господина Элефанта, поглаживая рукой его массивную голову, а слон, причудливо изогнув хобот, вытирал ей слезы. При виде этой трогательной картины у Павла защемило сердце. Он хотел сказать что-то, но не находил слов. Слишком многое было высказано прошлой ночью.

Они молча ждали, стараясь не смотреть друг на друга. Клара то и дело поглядывала на брегет, оставленный ей братом, – без Матвея некому было «слетать» к ним, чтобы вызвать на сцену. Из главного шатра доносились отголоски представления.

Так прошло около часа.

Брегет заиграл веселый мотивчик. Не говоря ни слова, Павел дрожащей рукой ухватил Господина Элефанта за узду и повел из слоновника.

Легкий ветерок гулял среди палаток, освежая взмокшие лица солдат, оцепивших входы в главный шатер с оружием в руках. Солнечные зайчики играли на стволах винтовок.

– Э, брат! – крикнул вдруг юный солдатик, переложив винтовку из руки в руку. – Не торопись!

Попался, подумал Павел почти с надеждой. Но солдатик разулыбался по-детски:

– Эх, как представление-то посмотреть охота! Хоть на слона вашего погляжу…

– Сашка зеленый у нас еще! – хмыкнул командир, крутнув ус. – Такая мамзель тут, а он, вишь-ты, слоном любуется!

Солдаты расхохотались, засмеялась и Клара, хоть и вымученно. Щеки паренька, едва тронутые пушком, залил румянец. Он махнул Павлу рукой – проходи, мол. Совсем ведь мальчишка, с горькой завистью подумал Павел. У него-то целая жизнь впереди… Еще подумал, что на губернаторе, должно быть, поставили крест даже свои, раз дают в охрану таких вот молокососов.

Наверное, волнение передалось и слону, который вдруг грузно переступил с ноги на ногу.

Но на самом деле Господин Элефант переживал сейчас свой собственный кошмар.

Он помнил. Помнил эти громовые палки в руках двуногих.

– Спокойно, дружок, спокойно, – шептала Клара, похлопывая его по шее, но слон не мог быть спокоен. Это был даже не страх, а то неистовое отчаяние, которое заставляет загнанного зверя бездумно кинуться на врага. Одно лишь присутствие Клары усмиряло его.

Он шел навстречу двуногим, ожидая, что в любой момент страшные палки в их руках сразят его громом, как когда-то сразили мать.

Но двуногие расступились, пропуская его.

13

За краткий момент до выхода на сцену Павел испытал все то, что чувствует приговоренный, восходя на эшафот… или на арену, где уже поджидает слон-палач, готовый раздробить ему голову.

– Дамы и господа, представляю вам Господина Элефанта, величайшего слона в мире! – донесся до него голос Шульца.

Павлу казалось, что ноги набиты мякиной; что брезентовые стенки судорожно сжимаются, норовя вытолкнуть их троих туда, где сверкают огни и ревут фанфары, где ему предстоит убить и быть убитым. Вот арена, вот зрители – звонко плещущие руки, восторженное мерцание глаз, вот директор в своем наряде индийского раджи, а вот и клоуны – кривляются, перекидываясь глупыми шуточками. Все будто сон, причудливый, яркий, страшный; сейчас он проснется, и окажется, что не было ни цирка, ни Клары, ни Шульца, ни Господина Элефанта, ни губернатора, будь он проклят; что лежит Павел в своей постели, а за окном под пение птиц пробуждается умытый росою мир. И Алексей скажет: «Здоров спать, братец!»

А потом они вместе будут долго смеяться над бредовым его сновидением.

Он повел слона вокруг арены, чувствуя, как дрожат ноги, а в горле разрастается тугой ком. Нет, он не проснется, и Алексея не будет больше, а виновник сидит в кресле, расстегивая ворот кителя, точно ему вдруг стало душно, и его молодые спутники пожирают глазами Клару…

Грохот аплодисментов оглушал.

…Клару, которая, когда он поднимался к свету, предательски столкнула его обратно в пропасть.

Сияние прожекторов резало глаза. Рука отказывалась подчиняться.

И тут Господин Элефант подмигнул ему.

Быть может, слона ослепил луч света или в глаз ему попала соринка, но Павлу в его лихорадочном состоянии почудилось: это знак.

Давай, говорил Господин Элефант, покажи им всем.

Поравнявшись с губернаторской ложей, Павел сунул руку за пазуху и выхватил револьвер.

14

Мгновения растянулись в бесконечности. Он видел, как офицеры разинули рты, одновременно потянувшись к кобурам, как губернатор с изумлением на лице начал подниматься… Первая пуля пробила старику горло, следующие две вошли в живот. Музыка, взвизгнув, захлебнулась, а губернатор рухнул обратно в кресло, уронив голову на грудь, точно сломанная марионетка.

Испуганные крики огласили цирк. Офицеры вскочили, выхватывая пистолеты, но в тот же миг кто-то прыгнул на Павла сверху, обхватил руками за шею и сбил с ног.

Клара!

Он упал, треснувшись подбородком и прикусив язык, рот наполнился металлическим привкусом крови. Пули, предназначенные ему, просвистели над головой Клары и наповал сразили опешивших братьев Бобенчиковых.

Еще несколько пуль поразили Господина Элефанта.

Огромный зверь на мгновение замер, точно каменное изваяние. Глаза его вращались от боли и ужаса. А потом он взметнул хобот и затрубил, и такая неистовая ярость была в его голосе, что публика умолкла, охваченная первобытным, животным страхом. Снова и снова ревел Господин Элефант, разевая треугольную розовую пасть. Он осознал, что подчинение бессмысленно, что даже Клара не защитит его, что пока он жив, двуногие будут причинять ему боль, и что он больше не намерен этого терпеть.

Он сделал несколько шагов вперед, туда, откуда в него стреляли, где застыли два потрясенных человека, так и не опустившие пистолетов.

Павел откатился подальше от раненого зверя, увлекая за собой Клару. Она на четвереньках отползла в сторону.

Господин Элефант вскинулся на дыбы, воздев ноги-колонны над головами офицеров, и один из них допустил роковую ошибку: разрядил пистолет в огромное серое брюхо.

Бешеный вопль вырвался у слона. Тяжелая нога обрушилась на голову стрелка, словно молот, разметав во все стороны осколки черепа и ошметки мозга. Второй офицер с удивительным проворством начал карабкаться по рядам, но хобот Господина Элефанта настиг его. Офицер взмыл под самый купол, описал в воздухе сальто-мортале на зависть любому акробату и мешком грянулся на арену, где и остался лежать, неестественно вывернув шею. Из его уха тоненькой струйкой побежала кровь.

Снова заревев, Господин Элефант развернулся и сделал несколько шагов к своему хозяину, но путь ему решительно преградила Клара.

Слон остановился, протягивая к ней хобот. Ноздри на конце его шумно раздувались, поднимая ветер, растрепавший волосы девушки.

Клара доверчиво протянула руку навстречу грозному хоботу.

– Господин Элефант, что же ты? – ласково приговаривала она. – Успокойся, милый… Это я, Клара…

Не выпуская из руки нагана, Павел как завороженный смотрел на гигантского зверя и маленькую женщину, застывших друг против друга. Краем глаза он видел и Шульца – тот тоже не сводил глаз с сестры.

Господин Элефант долго смотрел на девушку, будто решая, казнить или миловать. Неизвестно, к чему бы он в итоге пришел, если бы на манеже откуда ни возьмись не возник Вилли, занося над головой, словно копье, слоновий багор.

– Клара! – выкрикнул он и со всей своей недюжинной силой вогнал стальное острие в бок слона. – Спасайся!

С воплем визгливой ярости Господин Элефант круто развернулся и сшиб Вилли ногой. Глаза бедного негра вылезли из орбит, из раздавленного тела хлынули во все стороны склизкие змеи кишок. В последней судороге он вскинул руку, но могучий хобот тотчас перехватил ее и одним рывком выдрал из плеча, окропив кровавым фонтаном арену…

Перепуганные зрители рванули к выходу, опрокидывая скамьи и сшибая друг друга с ног. Несколько трибун с грохотом обрушились, упавшие смешались в кучу, а по их телам и головам уже безжалостно перли другие. Ворвавшиеся в шатер солдаты с винтовками наперевес тут же застряли в людской лавине, которая вынесла их обратно. Схватив кричащую сестру за плечи, Шульц потащил ее с залитой кровью арены, мимо неподвижных тел Бобенчиковых, подальше от взбесившегося зверя и ополоумевшей толпы.

Павел был поражен самопожертвованием силача, но печалиться не было времени: Господин Элефант уже шагал к нему, все еще держа в хоботе мускулистую черную руку с болтающимися обрывками мышц, и под ногами его влажно чавкало.

Вскочив, Павел два раза выстрелил слону в голову. Пули расплющились о толстый череп животного, но боль на мгновение ослепила его, и слон завертелся на месте. Этого Павлу хватило, чтобы добежать до выхода и выскочить из шатра вместе с последними зрителями. Перед шапито, сжимая в дрожащих руках винтовки, нестройной шеренгой сгрудились перепуганные солдаты.

– Бегите! – крикнул Павел и прыгнул в сторону. Он успел нырнуть под ближайшую повозку в тот самый момент, когда из шатра тяжелым галопом вырвался разъяренный Господин Элефант.

Оправившись от первого шока, солдаты открыли огонь по обезумевшему животному. Несколько пуль продырявили чувствительные уши гиганта, окончательно лишая его рассудка. Снова затрещали выстрелы. Пули с визгом впивались в бока слона, но не могли остановить его. Солдаты рассыпались в стороны, и когда ослепленный яростью зверь пронесся мимо, дали вслед ему еще один залп.

Гигант с разбегу врезался в фургон, разнеся его в щепки. Солдаты снова сомкнулись в шеренгу, перезаряжая винтовки. Но то, что случилось потом, стало для них полнейшей неожиданностью.

Изогнув хобот, Господин Элефант выдернул из своего бока слоновий багор и снова пошел в атаку, раздавая удары направо и налево. Стальной наконечник вспарывал животы, разбивал черепа. Люди разлетались, точно кегли. Уцелевшие в панике бросились врассыпную. Отшвырнув окровавленное орудие, слон пустился в погоню. Он настиг одного из солдат, поймал хоботом за ногу, с размаху ударил затылком об угол повозки, вдребезги размозжив череп, а потом швырнул еще бьющееся в конвульсиях тело вдогонку убегающим.

Теперь он видел, что их громовые палки лишились силы.

Двуногие перестали быть грозными и всемогущими. Точно перепуганные крысы метались они, отталкивая друг друга, топча своих же, истошно вопя… Запах страха витал над полем.

И эти жалкие твари столько лет держали его в подчинении?!

Отныне он сам себе хозяин. Он волен идти куда захочет и делать что пожелает.

А желает он, чтобы двуногие заплатили за все.

Ведь он не забывал ничего.

Он двинулся в город вслед за убегающими людьми.

15

– Зачем? Зачем он это сделал, Генрих? – всхлипнула Клара.

Шульц зажал ей рот рукой. И вовремя: фанерные стены киоска, где они прятались, затряслись мелкой испуганной дрожью. Свет в окошке померк, заслоненный – в самом прямом смысле! – громадной тушей Господина Элефанта.

Шульц стискивал сестру в объятиях, стараясь даже не дышать. У слонов ведь тончайший слух…

А ему пока рано умирать. Пусть его жизнь разрушена, осталось еще одно незавершенное дельце.

Ярость, которую он испытывал сейчас, не имела ничего общего с изводившими его буйными приступами. Эта ярость была холодной и острой, как отточенный клинок. Благородной. Очищающей.

Солнечные лучи снова хлынули в окошко. Земля снова задрожала – Господин Элефант удалялся.

Сестрица, стоило ее отпустить, опять запричитала, на сей раз оплакивая «бедного, бедного Вилли». Он почувствовал, как все закипает внутри. Держись. Держись. Только очередного припадка сейчас не хватало.

Почему Клара так падка на всякую сволочь? Он до сих пор помнил, как «бедный Вилли» надолго лишил ее возможности выступать. Шульц тогда с ужасом думал, что после рождения ребенка станет только хуже: кормление грудью, пеленки-распашонки, детские хвори – какая уж тут работа? Кормящие матери частенько еще и толстеют… Как ему хотелось узнать, что за подлец обрюхатил его сестру, осквернил ее своим гнусным семенем! Тайна раскрылась несколько месяцев спустя, когда Клара, взмокшая и охрипшая от крика, разрешилась от бремени у него на руках и тут же потеряла сознание. Скоты Бобенчиковы померли бы со смеху! Маленький орущий комочек весь был в крови и слизи, но даже это обстоятельство не могло скрыть черной кожи, курчавых волос и вывороченных губ.

К счастью, поставить простака Вилли на место не составило труда. Шульц знал, что в России к неграм относятся скорее с благодушным любопытством (по его мнению, русские сами недалеко ушли от них), но для Вилли за пределами цирка всегда был штат Миссисипи, так что слова «расовое преступление» и «суд Линча» оказали должное воздействие. Пришедшей в себя сестре Генрих сказал, что ребенок был все равно не жилец – забавно, учитывая, сколько времени ему пришлось держать маленькое тельце в бадье с водой, прежде чем оно перестало дергаться.

Он вспомнил, как сестра билась в истерике – глупое создание! – и губы его растянулись в злорадном оскале. Черномазый отправился вслед за своим выблядком. Господин Элефант отменно расправляется с предателями – уж не затесались ли в его роду слоны-палачи, служившие жестоким восточным владыкам? Впрочем, Шульц не хотел, чтобы человек, разрушивший его цирк, стал жертвой слона.

– Оставь его мне, – хрипло прошептал он, до боли в руке стискивая хлыст. – Оставь его мне.

16

– Бешеный слон! Бешеный слон!

Семилетняя Лизанька Ртищева от удивления приоткрыла рот, прекратив ненадолго истерику. Единственная и поздняя дочка коллежского советника не терпела запретов, а сегодня родители отказались взять ее с собой в цирк, оставив на попечение гувернантки Елены Платоновны, незамужней девицы тридцати семи лет, которая, несмотря на от природы незлобивый нрав, в тот вечер с трудом преодолевала желание удавить свою воспитанницу.

Елена Платоновна чеканным шагом подошла к окну и выглянула на улицу. По дороге, шатаясь, бежал Тришка – известный в городе забулдыга. Грязный и оборванный, с окровав-

ленным лицом, он размахивал руками над головой, точно свихнувшийся пророк, и орал дурным голосом:

– Бешеный слон! Спасайся кто может!

Досадливо фыркнув, Елена Платоновна задернула штору – чего не помстится дураку с пьяных глаз! – и противостояние возобновилось.

– Лизавета Сергеевна, душечка, успокойтесь Христа ради! Будто вас убивают! – увещевала она, таща визжащую и брыкающуюся барышню к столу.

– Пусти, пусти, гадкая! – верещала девочка. – Не хочу за стол! В цирк хочу-у-у!

Между тем цирк сам уже шел к Лизаньке. Господин Элефант, проходя по улице, услыхал детский визг, доносившийся из окна дома Ртищевых. Ярость снова овладела гигантом.

Ведь он не забывал ничего.

Он помнил, как маленьким слоненком спасался от сыновей офицера-плантатора, которые, вот так же визжа, гоняли его по саду, норовя выткнуть глаз самодельными копьями.

Он помнил, как сам офицер, отринувший при виде потоптанных цветников хваленое британское хладнокровие, остервенело колотил его палкой.

Жажда мести вспыхнула в нем с новой силой.

Между тем барышня с гувернанткой заключили мирное соглашение. Лизанька согласилась сесть за стол, но только в компании всех своих кукол. Теперь она накладывала себе в чай варенья из блюдечка, жалобясь фарфоровым подружкам на глупых взрослых. Елена Платоновна облегченно вздохнула и на мгновение прикрыла глаза.

Именно поэтому она не увидела, как в окне возник огромный темный силуэт.

Стекло брызнуло градом осколков. Порыв ветра взметнул к потолку тюлевые занавески. На глазах пораженной ужасом гувернантки что-то огромное, серое, страшное, похожее на изборожденную трещинами исполинскую змею, ворвалось в окно, обвило Лизаньку за талию и унесло с собой, прежде чем последние осколки осыпались на подоконник. Туфелька, слетевшая с детской ноги, брякнулась на стол, опрокинув чашку и расколов блюдечко. Варенье расплылось на скатерти багровой лужицей. На мгновение воцарилась тишина, а потом ее раскололо мучительный детский крик, тут же прерванный глухим ударом. И раздался рев – трубный, визгливый, исполненный неистовой ярости… Елена Платоновна почувствовала, как пол уходит у нее из-под ног, а сама она летит куда-то вниз, вниз…

Очнулась она на полу и сразу уставилась в зияющий проем окна, пытаясь сообразить, что же произошло. Наконец, дрожа, точно в лихорадке, она сумела подняться на ноги, шатаясь, подлетела к окну, ухватилась за раму с обеих сторон, не обращая внимания, что осколки стекла режут пальцы, и выглянула наружу.

Там, в палисаднике, который выглядел так, словно по нему прошелся ураган, среди растоптанных в пеструю кашу цветов лежала бесформенная куча тряпья и измочаленной плоти, из которой торчали обломки костей…

Долго смотрела Елена Платоновна, не в силах осознать, принять, смириться.

Куклы таращили на нее осуждающие стеклянные глаза.

Она раскрыла рот и завыла зверем.

Господин Элефант тем временем нашел себе новые жертвы. Ими стали двое влюбленных, на свою беду решившие в тот вечер прокатиться по бульвару в бричке. Огромный зверь, жгучая злоба которого к тому времени сменилась мстительным хладнокровием, подобрался к ним сзади так тихо и незаметно, что даже норовистая кляча не заметила его приближения.

Страшный удар разнес бричку в щепки. Одно из колес отлетело, вдребезги расколотив витрину ювелирного магазина. Молодому человеку несказанно повезло: его отшвырнуло в сторону. Свалившись в канаву, он потерял сознание и уже не видел, как его пораженная ужасом спутница, не издав ни звука, исчезла под ногами чудовища. Извозчик рухнул на мостовую; перепуганная лошадь шарахнулась, натягивая поводья, обмотанные вокруг его запястий.

Отчаянный вопль мужика оборвался, когда в лицо ему с размаху влепилось копыто, раздробив глазницу; выбитый глаз склизким сгустком повис на щеке. Лошадь поволокла несчастного прочь, ударяя головой о брусчатку и оставляя широкую кровавую полосу.

Господин Элефант ликующе протрубил им вслед.

Но торжествовать было рано. Уже со всех сторон бежали городовые, на ходу передергивая затворы винтовок. Снова засвистели пули, впиваясь в его плоть.

Слон распростер парусами кровоточащие уши и кинулся в узкий проулок. В пылу погони городовые устремились за ним. Они осознали свою ошибку, лишь когда в самом конце проулка Господин Элефант неожиданно развернулся им навстречу, и оказалось, что бежать можно только назад, причем противник бегает гораздо быстрее…

Бешеный рев зверя заглушил грохот, звуки ударов и душераздирающие крики гибнущих людей.

17

Павел вылез из своего укрытия и огляделся.

Огромный желтый купол как ни в чем не бывало высился посреди поля. Как и прежде змеиным языком трепетал над ним красный флажок. Но теперь часть фургонов была перевернута и разбита в щепки. Кругом рваными тряпками пестрели втоптанные в землю шатры и палатки. Громко кричали вороны, и где-то позади шатра жалобными голосами вторили им брошенные в клетках животные. А посреди всего этого разрушения, вывернув изломанные конечности, валялись мертвецы. Одни распластались лицом в грязи, другие слепо уставились в темнеющее небо, третьи были так изувечены, что и лиц не разберешь… Бросился в глаза давешний мальчишка-солдатик, который хотел поглядеть на слона и которому Павел так опрометчиво предсказывал в мыслях «многия лета»; лежал с развороченной грудью, цепляясь за воздух скрюченными пальцами, словно еще пытался ухватить ускользающую жизнь, кровь запеклась вокруг рта, застывшего в мучительном беззвучном крике. Павел зачем-то наклонился смежить убитому веки, но пальцы соскользнули, задев мертвые глаза, и от их студенистой стылости его пробила дрожь.

– Боже… – прошептал Павел. – Боже, что я наделал?

Боженька, разумеется, не отвечал. Наверное, его все-таки не было. За все случившееся придется отвечать только перед своей совестью, а он не знал ответов.

Черт возьми, лучше бы он воспользовался бомбами!

Впрочем, теперь-то, пожалуй, самое время.

Громовой студень остановит смертельное веселье Господина Элефанта. Бомбы раздробят слону колени, оторвут хобот, разворотят брюхо, выпустив наружу кишки… Он больше никому не сможет причинить зла.

Стараясь не наступать на мертвецов, Павел добрался до своего жилища.

Старый саквояж ждал его на привычном месте под койкой. Павел осторожно извлек его, взвесил в руке. Какая все же ирония: снаряды, от которых он отказался в пользу револьвера, чтобы не губить горожан, теперь для них же станут спасением. Френкель бы оценил.

С саквояжем в руке он шагнул из фургона.

Удар бича едва не ослепил его, наискось расчертив лицо безобразным алым рубцом. В глазах сверкнуло, и Павел разжал пальцы. Саквояж ухнул между ступенек, угрожающе брякнув содержимым, но взрыва так и не последовало.

Павел скатился с лесенки и рухнул навзничь. Он успел отползти достаточно далеко и даже подняться на колени, зажимая рукой окровавленное лицо, но тут бич звонко ударил по пальцам, разодрав их до костей, и все поглотила боль – нестерпимая, жгучая.

– Генрих, прошу, не надо! – донесся до него отчаянный вопль Клары.

Павел опрокинулся на спину, заходясь криком. Шульц навис над ним, его глаза под тюрбаном сверкали безудержным злым весельем. Он снова размахнулся хлыстом, но тут Клара набросилась на брата сзади и обхватила за плечи. Шульц вогнал локоть ей в живот, а когда она, охнув, разжала пальцы и скорчилась в три погибели, ударил кулаком в лицо. Захлебываясь кровью, Клара отлетела к фургону.

– Шлюха! – сплюнул Шульц.

Павла трясло. От боли, от страха, от ненависти, какой он никогда не испытывал даже к губернатору. Шульца, вот кого следовало пристрелить как бешеного зверя! Искалеченной рукой он сумел-таки выхватить из кармана наган с единственным уцелевшим патроном и направить его на безумца.

– Нет, брат, шалишь! – Удар бича разорвал Павлу щеку. Ослепленный болью, он выпалил наугад.

Звонкий, мучительный крик вонзился в уши.

Оцепенев от ужаса, Павел смотрел, как Клара, бедная маленькая Клара, которая до последнего пыталась его защитить, съезжает спиной по стене фургона, прижимая руку к животу. Под ее пальцами расползалось алое пятно. В широко раскрытых глазах застыло обиженное удивление.

– Клара… – хрипло выдавил Шульц. – Клара, ты что? – Он бросил хлыст и сделал несколько шагов к сестре, протягивая дрожащие руки.

И тут неожиданно сработали бомбы.

Словно бесплотная горячая рука оттолкнула Павла назад, а потом сверху обрушился град из комьев земли и обломков. Ни фургона, ни Шульца, ни Клары не было больше. Никто не опознал бы в дымящихся среди горящих досок ошметках плоти грозного директора цирка и его прекрасную сестру.

Много часов пролежал Павел скорчившись, устремив невидящий взор в никуда. Он не слышал ни карканья воронья, ни плача животных. Он вообще ничего не слышал, кроме низкого гудения в голове, ничего не видел, кроме какого-то багрового марева.

Медленно поднялся он на ноги и, шатаясь, побрел с поля. Сам не зная как, добрался до города. Слезы прочертили дорожки в кровянисто-земляной корке, покрывавшей его лицо, кровь ручейками бежала из ушей, исчезая за воротом разодранной грязной ливреи. Он бормотал себе под нос какую-то невнятицу – лишь бы приглушить хоть немного нестерпимый гул в голове.

Земля задрожала.

Господин Элефант бесшумно выплывал из переулка – темная гора в сгущающихся сумерках. При виде человека он издал угрожающий рокот.

Подняв голову, Павел шагнул навстречу надвигающейся громаде. Он видел злобу, горящую в маленьких глазках чудовища, видел кровь, струившуюся по его вздымающимся бокам из десятков пулевых дыр. Мертвенно белели во мраке страшные бивни с запекшимися на них темными брызгами. Павел понимал, что сейчас эта взбесившаяся махина казнит его. И знал, что так и должно быть.

– А я, брат, хотел убить губернатора, – сказал он.

Он почувствовал, как могучий хобот обвивается вокруг талии и отрывает его от земли. Бивень насквозь пробил грудь; боль огнем разлилась по телу и наполнила рот вкусом расплавленной меди. Господин Элефант дернул головой, высвобождая бивень, Павел рухнул ничком и успел еще увидеть, как кровь, хлынувшая изо рта, змеится между булыжниками мостовой. Огромная, мягкая, неумолимая тяжесть опустилась на затылок, надавила – и череп лопнул. Мир исчез в ослепительной белой вспышке, которая тут же угасла, сменившись дрожащей чернотой.

А потом не было ничего.

Господин Элефант двинулся дальше, оставив человека лежать позади, точно ненужный ворох тряпья.

Точно отброшенное воспоминанье.

Никто больше не пытался остановить его. Никто не осмелился бросить ему вызов. К тому времени, как поднятый в ружье гарнизон вошел на опустошенные страхом улицы города, Господин Элефант был уже далеко.

Он держал путь через степь. Теплый ветерок ласкал его израненное тело, и шелестел ковыль, усмиряя нежным шепотом его гнев. Впервые за бесконечно долгие годы Господин Элефант был счастлив. Время от времени он поднимал хобот и ликующим ревом оглашал темноту.

Опьяненный волей, он не чувствовал, как жизнь покидала его вместе с кровью, бегущей из множества ран. Шаг слона сделался нетвердым, его шатало, а он все шел и шел. Лишь когда над стеною леса далеко впереди забрезжил рассвет, слон-убийца наконец остановился.

Заря разливалась над горизонтом. В последний раз Господин Элефант воздел хобот и заревел, исторгнув в рдеющее небо кровавый фонтан. Черные птицы снялись с деревьев и с криком заметались в вышине. Эхо подхватило вопль, и уже сам гигант рухнул замертво, а его трубный глас еще долго гулял над дрожащей землей, словно предвестье чего-то великого, страшного, непостижимого…

Анатолий Уманский

Семечко

1

Дед прикрыл ладонью глаза от солнца и сквозь дрожащее, тяжелое марево различил вдалеке клубы пыли, вьющиеся по дороге.

Лето стояло жгучее – хоть помирай. Воздух словно налился свинцом, сделался плотным и тяжелым. Которую неделю не шел дождь, земля покрылась паутиной трещин, а деревья склонились к земле в слабой надежде укрыться от бесконечного зноя. Клубника пропадала.

От такой жары не избавиться. Ее надо пережить, укрывшись в прохладе дома. А если найдет нужда выйти на улицу, то следует перебегать от одного пятна спасительной тени к другому. Иначе дурно станет, как будто на раскаленную сковороду угодил.

Горячий воздух обжигал легкие. Глаза слезились. Налетела мелкая мошкара, от которой не было здесь спасенья.

Клубы пыли извивались в воздухе, точно повторяя изгибы дороги. Прошло несколько секунд, из-за рыжих холмов выскочил автомобиль, подъехал к забору и затормозил, брызгая в стороны мелкой галькой.

Хлопнула дверца, скрипнула калитка, и дед разглядел вошедшего во двор.

Вернее – вошедшую.

– Деда, здравствуй! Разрешишь?

Ленка почти не изменилась. Такая же бледнолицая, одетая черт те во что – очередная городская мода – и в черных очках на пол-лица. Когда он ее видел в последний раз? Около года назад. Приезжала на новенькой машине, просила о помощи. К старым родителям только за двумя вещами и приезжают – либо похвалиться, либо попросить чего-нибудь. Иной нужды нет.

– Заезжай. Защелка знаешь где, – сказал дед и, развернувшись, вернулся в дом.

За его спиной заскрипели ворота, горячий воздух тяжело вздохнул. Дед не обернулся, а только стряхнул пот со лба и, переступив порог, нырнул в спасительную прохладу.

Он как раз доставал из холодильника кастрюлю с окрошкой, когда через сени, пригнувшись, прошла Ленка, заглянула в комнатку и сказала:

– А я не одна… – В полумраке дома, под этими низкими потолками, среди побеленных известкой стен, старых кроватей, шкафов и столов ей явно было неуютно. Отвыкла. – Внучку привезла. Она по дороге заснула. Там, на заднем сиденье спит пока.

– Внучка, значит, – пробормотал дед.

Ленка потопталась на пороге, потом прошла в уголок, где сидела обычно, когда приезжала – и год, и пять лет назад, – опустилась на скрипучий деревянный стул, между столом и оконцем. Несколько минут наблюдала, как дед расставляет посуду, наливает окрошку и нарезает кусками хлеб.

– Ешь, – буркнул он, пододвигая тарелку. – Свежая, на кефире. Редиска с огорода, никакого этого вашего шлака.

Сам сел с противоположной стороны стола, налил из графина воду и принялся пить небольшими глотками, ощущая, как снова выступает на висках холодный мерзкий пот.

До вечера он старался из дома не выходить. В его возрасте схлопотать солнечный удар – плевое дело. А с недавних пор еще и заносить стало. Ощущение, будто внутри головы запускался волчок, и все тело приходило в движение, крутилось следом за ним. Не было сил сопро-

тивляться. Крутился, терял равновесие, падал. От последнего такого падения на губе осталась тонкая темная ссадина, было больно жевать.

Ленка сняла очки, и дед увидел мешки под глазами, а еще – бледный желтоватый синяк на скуле справа.

– Вкусная окрошка, – пробормотала Ленка, хотя успела съесть всего одну ложку.

– Другого не держим.

– Как ты тут?

– Потихоньку. Огород вон вычистил. Ни одного сорняка. Картошку собрал, огурцы тоже… Колодец выкопал новый. Вода в нем чистая, родниковая, холодная, аж зубы сводит.

– А я на работу перешла в администрацию. Надоела старая, плюнула, дай, думаю, посижу в кабинетах, с бумажками. Пусть на окладе, но зато тихо и спокойно. Свету надо нормально воспитать, а не как меня в свое время…

Ленка говорила еще минут десять, будто только и ехала затем, чтобы выговориться. Про работу, жизнь в Москве, столичную жару, затаившуюся среди многоэтажек, асфальта и на забитых автомобилями дорогах. Потом как-то резко замолчала, зачерпнула окрошку и посмотрела на деда исподлобья, выжидающе.

– Как голова? – спросил дед. – Беспокоит?

– Нет, а должна? – Ленка шевельнула плечом и сама не заметила, как ее рука потянулась к затылку, примяла волосы за левым ухом.

Дед проследил взглядом, потом отломил мякиш хлеба, забросил в рот и принялся жевать.

– Дело есть, – сказала Ленка. – Помощь нужна.

– Ты бы по другому поводу и не приехала, верно?

– Знаю, что виновата. После маминых похорон не заглядывала. Жизнь закрутила знаешь как?

– Рассказывай.

Ленка вздохнула, отодвинула тарелку с окрошкой.

– С Пашей не сложилось. Помнишь моего молодого человека? Отец Светы. Приезжали как-то.

– Бьет?

– И не только… – Ленка тряхнула головой. – Курить в доме можно?

– На крыльцо ступай. А я следом.

Он прихватил графин с водой. От проклятой жары всегда хотелось пить, а еще лучше – положить бы на голову влажное холодное полотенце и вздремнуть около печки, на деревянной лавочке. В доме пол земляной, стены отштукатурены – жара внутрь никогда не пробиралась.

Ленка спустилась к машине, стояла, облокотившись о багажник, и курила, разглядывая ухоженный чистый двор, с несколькими яблонями вдоль забора и аккуратным палисадом. Дед неторопливо подошел, ощущая плотную тяжесть воздуха. Снова закружилась мошкара, будто ждала.

Стекла у новенькой «мазды» были темные, не разглядеть, кто в салоне. Мягко урчал работающий двигатель. Такая машина, прикинул дед, миллиона два стоит, не меньше.

– Чтоб долго не объяснять, вот… – Ленка открыла багажник, и дед увидел лежащее внутри скрюченное тело.

Лица было не разглядеть – вместо него кровавая каша с желтыми и синеватыми подтеками. В согнутых ногах валялась пластиковая канистра. Руки на запястьях были связаны скотчем – кожа на пальцах потемнела и вздулась. Человек был одет в серый деловой костюм. Галстук плотно стянул шею. Брюки взбились, обнажая носки и волосатые лодыжки. На правом ботинке размазались кляксами капли крови.

– Кто это? – спросил дед.

– Пашка. Тот самый. – Голос у Лены был спокойный. Только дрожали пальцы с зажатой сигаретой.

– Что случилось?

Ленка выдохнула сизый дым:

– Ну, знаешь, как это и бывает… в фильмах или книгах… поссорились слегка. Слово за слово, он руки распустил, ну я и…

Было видно, что говорить ей тяжело, слова вязли в жарком воздухе, словно мухи в варенье.

– Не очень хорошо у вас жизнь сложилась.

Ленка посмотрела на деда, видимо, пытаясь понять, шутит он или нет. Выдохнула.

– Не очень, верно. Оказалось, знаешь ли, не судьба.

– Слегка поссорились, значит? – Дед склонился над телом. Из багажника дыхнуло спертым горячим воздухом, стало как-то совсем нехорошо. – Чтобы так человека, прости, конечно, изуродовать, надо было его молотком по голове минут десять бить. Ни одна домохозяйка бы не справилась.

– Ты же меня знаешь, – буркнула Ленка. – Долго терплю, а потом срываюсь. Он решил, что я изменяю. Начал проверять телефон, компьютер. Закатил скандал. Раз, другой. При ребенке. Потом руки распустил. Опять же, при Свете. Ну, я дождалась, пока уснет, взяла молоток… А дальше вот. К тебе поехала, больше не к кому.

– Ага. И руки спящему скотчем связала?

Ленка не ответила, лишь неопределенно пожала плечами.

– Сколько дочери лет? – спросил дед, все еще разглядывая труп.

– Что?

– Сколько лет, спрашиваю, дочери.

– Ты серьезно? – Ленка нахмурилась, будто пыталась вспомнить. С трудом выдавила: – Дед… У тебя все хорошо с памятью? Света, милая наша, пять лет ей. На похороны же мамы приезжали вместе. Забыл совсем?

Дед захлопнул багажник и направился к дому. Жара сковывала. Хотелось быстрее окунуться в прохладу.

– Деда! – спросила в спину Ленка. – Так ты поможешь или как?

– Помогу, – ответил он, не оборачиваясь. – Окрошку только доешь. Жалко выбрасывать.

Дед выстукивал костяшками пальцев дробь по столу, дожидаясь, пока дочь доест. Разглядывал ее синяк под глазом, приметил несколько царапин на щеке, пятно грязи на скуле; еще грязь под ногтями, а верхняя пуговка на блузке оторвана – торчат кусочки белых нитей.

– То есть ты его ночью?

Ленка кивнула, скребя ложкой по тарелке.

– Потом до утра ждала и сразу ко мне?

– Извини, что не позвонила. Не подумала. Свалилась как снег на голову.

Ленка принесла в дом едкий запах табака. Тотчас захотелось раскрыть окна и проветрить, но дед знал, что вместо ветра в дом ввалится маслянистая летняя жара, выдавит остатки свежего воздуха и станет здесь полноправной хозяйкой.

– Доела?

Ленка кивнула и, как в детстве, показала пустую тарелку с зелеными пятнышками укропа на дне.

Дед поднялся, поманил дочь за собой. Вдвоем они вышли на улицу, обогнули дом по узкой бетонной тропинке. Дед отметил мимолетом клочья рыжей травы, торчащей из трещин в бетоне. Надо бы выдрать к чертям.

За домом, в глубине двора, стояла саманная летняя кухня. Справа от нее пристроился летний же душ с ржавым баком от «КамАЗа» наверху. Сразу за душем – сарай с подвалом.

– Сначала избавляешься от этого мужика из машины, – сказал дед, снимая навесной замок с двери сарая. – Потом решаем, что делать с девочкой.

– То есть как – что делать? – не поняла Ленка и добавила быстро: – Она ничего не видела. Спала уже. Я тихонько все сама…

Дед молча отворил дверь. Сарай был забит хламом. Выбросить жалко, использовать незачем. Тут тебе и разобранные старые велосипеды, давно неработающий холодильник, сгоревший телевизор, ржавые обухи, запылившиеся ящики с одеждой, постельным бельем, рулоны обоев. Что-то от жены осталось, что-то от дочери. Отдельной большой кучей лежали автомобильные шины.

– Свету мы не тронем, – повторила Ленка нерешительно. – Это же внучка твоя!

– Ага. Не тронем, – буркнул дед, расчистил носком калоши мусор под ногами, поднял пыль и расчихался шумно, звонко, чувствуя, как закладывает уши и бьется гулко сердце. Перед глазами потемнело, пришло головокружение, даже вроде занесло немного в сторону – пришлось опереться о полку, чтобы удержать равновесие.

Ну почему именно сейчас, в жару, нужно было ей приезжать?

Дед злился. На Ленку, на мертвого человека в багажнике, но прежде всего – на себя. Потому что знал причину, по которой все это происходило. И изменить ничего было нельзя.

Жена говорила: главное – смирение. Бог не дает нам испытаний больше, чем мы можем вынести. Когда-нибудь Бог простит, и мы умрем с улыбкой на губах.

Она умерла без улыбки. Бог не простил. Дед был уверен, что не простит никогда.

Из пола торчал металлический загнутый крюк.

– Хватай и тяни, – распорядился дед.

Ленка безропотно бросилась выполнять приказ. Скрипя, распахнулась деревянная квадратная крышка, с которой ссыпались в черноту подвала опилки и песок. Изнутри дыхнуло спертой влагой и гнильем. Похоже, от жары лопнуло несколько закруток с помидорами.

– Лезь.

– Что там?

– Слева внизу выключатель. На полках надо найти свернутый брезент, серого цвета. Старый такой.

Ленка посмотрела в темноту, погладила неосознанно затылок, где под всклоченными волосами давным-давно была прилажена титановая пластина.

– Ну же, – поторопил дед. – Возиться тут с тобой до ночи, что ли?

Ленка нырнула в темноту. Зажегся свет.

– Компот прихвати! – посоветовал дед, вспомнив, что закручивал в прошлом году яблочный, четыре банки. Кислый, как муравьиная задница. Но полезный.

В квадрате света появилась Ленка, тащившая на плече сложенный брезент. Поднялась, тяжело перевалила его на пол, взбила пыль. Спустилась обратно. Подняла на поверхность запыленную и темную банку с компотом.

– Одной хватит?

– Вполне. Пошли.

Через калитку за забор, где высыхал под жарой огород. Овощи давно были собраны. Подвязанные хвосты огурцов и помидоров пожелтели и съежились. Трава тоже пожелтела и размазалась по земле, будто кто-то набрызгал кляксами чернила.

Ленка плелась сзади. В глубине огорода у деда росли фруктовые деревья. За двумя толстыми яблоневыми стволами высился оголовок старого кирпичного колодца. Верх был прикрыт железным листом и придавлен несколькими кирпичами. На вороте болтался обрывок ржавой цепи.

Дед поставил банку с компотом на землю, стал стаскивать кирпичи.

– Мы его… туда? – оторопело спросила Ленка.

– Нет тела – нет дела, – ответил дед. – Помощи просила? Получай. Вечером поедешь домой, к себе на квартирку, а завтра как ни в чем не бывало отправишься на работу, будешь строить карьеру, забудешь об отце еще на какое-то время. Я все равно трубку не беру, на письма не отвечаю, на праздники не езжу. Да?

Дед стащил железный лист, посмотрел в черное нутро старого колодца. В который уже раз за много лет пытался разглядеть дно, хотя бы блики света в мутной воде, движение. Не видел ничего.

– Сиди и жди, – велел он Ленке и вернулся к машине, прихватив брезент.

Солнце стояло в зените, пекло нещадно, прожаривало старые косточки. Пот сначала катился градом, потом высох, оставшись только под мышками и в области паха. Дед зашел в дом, поставил банку с компотом на стол, приник к графину с водой и долго, жадно пил. Знал, что скоро почувствует себя еще хуже, потому что нельзя вот так сразу много пить, вредно; но не останавливался, пока не заныло внизу живота.

Наконец он вышел к автомобилю. Подошел к багажнику, распахнул его. Похлопал руками по карманам мертвеца, стараясь смотреть куда угодно, только не на размозженное до осколков черепа лицо. Вытащил из нагрудного кармана пиджака документы – паспорт, водительские права. Еще там лежало несколько пятитысячных купюр, пара кредитных карточек. Все это засунул себе в карман. Потом расстелил старый брезент, густо усеянный темными разводами, обхватил тело, перевалил его через багажник.

– Бог простит, – буркнул дед, взялся за край брезента и потащил через двор к колодцу.

Ленка ждала под деревьями, суетливо нарезая круги, не в силах успокоиться. То и дело чесала затылок, но не замечала этого.

– Хватайся, – кивнул дед на брезент. – Надо сбросить вниз. Как обычно.

Ленка посмотрела странно, как на безумца. Впрочем, деду было все равно. Вместе они подняли тело и сбросили в нутро колодца.

– Займись уборкой, – сказал дед. – Сложи, как надо. И обратно в подвал.

Он отошел в сторону и, пока Ленка возилась с брезентом, достал паспорт, пролистал.

С фотографии смотрело молодое лицо, все в веснушках, с небольшой рыжей бородой.

Пареньку едва стукнуло двадцать четыре. Молодой еще совсем. На десять лет младше Ленки, но по возрасту – как ее парень, который пропал пять лет назад.

Он даже похож был немного на того самого Пашку. Улыбкой, что ли. Ямочками на щеках. Цветом глаз… Но звали его по-другому – Леонидом.

– Деда, а где звуки? – спросила Ленка. – Когда упало тело?

– Об этом, дочка, лучше не спрашивай, – ответил дед, убирая паспорт обратно в карман. – Пойдем, займемся девочкой.

2

Пять лет назад Ленка тоже прикатила в такую вот несусветную жару, на закате лета, на каком-то дорогом автомобиле. Залетела, не поздоровавшись, закрыла ворота и бросилась к деду, испуганно тараторя:

– Я не хотела! Я правда не хотела! Как-то само собой получилось. Понимаешь… не хотела! Не знала, что делать. Не поехала в больницу. Не собиралась. Подумала, вы поможете! Поможете ведь? Поможете?

А потом рухнула у дедовых ног без сознания.

Низ живота – край джинсов и выбившийся ворот рубашки – будто окунули в красную краску. Кровь. Вся рубашка была в мелких частых каплях. Руки тоже заляпаны. Лицо в ссадинах, а над правой бровью глубокая рваная рана.

Бабка запричитала, крестясь. С крыльца ей было тяжело спускаться, поэтому она торопила:

– Тащи живее в хату! Забинтовать надо! Отпоить! Промыть! Что творится, прости господи, что творится!..

Дед приобнял дочь, поволок по ступенькам. Угодил пятерней во влажную дыру на затылке, разглядел между волос кровь, а еще – кусочки черепа, будто кто-то разбил Ленке голову, как фарфоровую вазу. Как она вообще сюда добралась живая?

В груди гулко колотилось сердце, и с каждым его ударом дед чувствовал, как уходят силы. Сердце могло не выдержать. С ним уже случались перебои. Будет тогда у бабки в доме два трупа разом.

Все же справился, затащил. Пронес сквозь сени в комнатку, уложил на диван, а сам растянулся на полу, тяжело дыша. Пот катился по глазам, жег.

– Что стряслось-то? Что случилось? – причитала бабка, суетясь вокруг дочери.

Нашла где-то йод, шмат ваты. Принесла влажную тряпицу. Принялась вытирать кровь. Дед то и дело ловил бабкин испуганный взгляд. Она боялась произнести вслух то, что и так было видно.

– Ребенка нет, – подтвердил дед. – Нет внучки, видишь?

Бабка застыла, тревожно жуя губами. Глаза вращались в желтых морщинистых глазницах.

– Я не перенесу, – наконец сказала она. – Ей же рожать через три месяца только…

– Проверю в машине. Отдышусь и проверю. Ты на затылок посмотри. Там пробито.

Бабка когда-то давно проходила фельдшерские курсы, а потом работала в сельской школе медсестрой: бинтовала разбитые коленки детям, смазывала зеленкой ссадины, закапывала в носы капли. Кое в чем разбиралась, одним словом. Она тут же раздвинула волосы, охнула, принялась суетиться еще больше.

Дед же пытался осознать случившееся.

Дочка стабильно приезжала раз в месяц, проведать. Много лет назад она уехала из села в город, поступила учиться на PR-менеджера – современная, непонятная профессия, – закрутилась в студенческой жизни, потом быстро нашла работу, взяла в ипотеку квартирку и вроде как стала совсем взрослой.

Где-то около двух лет назад случился в ее жизни мужчина, какой-то знакомый по Интернету. Влюбилась, значит, начала привозить его тоже. Мужчину звали Пашей, был он бизнесмен средней руки – выкупал вокруг города земельные участки и сдавал фермерам в аренду.

Паша сюда ездить не любил, и это было видно. Держался отстраненно, все время, что называется, сидел в телефоне и при удобном случае предпочитал уезжать «по делам». Оставлял Ленке деньги на такси, забирал автомобиль и мчался в город.

Ленка ночами сиживала с бабкой в летней кухне. Пили чай, откровенничали. Дочь вываливала на мать все свои городские проблемы. Ну, а кто еще выслушает?

У Пашки был скверный, тяжелый характер. Мог вспылить просто так, мог наорать, оперировал шаблонами поведения из Интернета – считал, что девушка должна готовить, убираться, стирать, ждать своего мужчину у окна, денно и нощно тоскуя о любимом. Иногда запрещал общаться с подругами, иногда – проверял переписки в телефоне и устраивал скандалы, если начинал подозревать Ленку в измене. Такое поведение вскрылось не сразу, а походило на тягучий, желтоватый гной, вытекающий из вздувшегося пузыря. Сначала вспышки гнева носили локальный характер, потом их становилось больше, а затем Ленка не успела оглянуться, а уже погрузилась в вонючую жижу подозрений, скандалов и ссор с головой.

Однажды во время такой ссоры Пашка не удержался и отвесил Ленке звонкую оплеуху за то, что она приготовила окрошку не так, как надо.

Вареной морковки не добавила!

Ленка тут же собрала вещи и съехала к подруге. Два дня Пашка искал, звонил, извинялся, просил вернуться, а потом написал: «Прощай, дурочка», – и удалил ее из всех социальных сетей, заблокировал во всех мессенджерах и вроде бы пропал навсегда.

Через несколько дней после ухода Ленку начало тошнить, появилась слабость во всем теле, разрослась непонятная ломота без температуры. Уже в больнице ей сообщили, что это токсикоз, шестая неделя беременности.

Если проблемы приходят, говаривала бабка, то сразу все вместе.

Ленка размышляла, надо ли оставлять ребенка. Стандартная мысль: «ребенок ни в чем не виноват» накладывалась на другую: «а зачем он вообще нужен в ее жизни?». Вечное напоминание о несчастной любви? Постоянные мысли о том, каким отцом был бы Пашка? Растерянная Ленка решила пока не торопиться, подождать немного, собраться с силами.

Первый месяц провела в раздумьях. А потом в ее жизнь внезапно вновь вернулся Пашка. Кто-то ему рассказал о беременности (наверняка подруга, кто же еще?).

Он остановил Ленку около работы – вышел из машины с огромным букетом роз, в дорогущем костюме, прилизанный, вкусно пахнущий, красивый. Упал перед Ленкой на колено, признался в любви, просил прощения, чуть ли не рыдал. У Ленки на душе было тяжело. Она сказала, что подумает, и с того момента Пашка уже не отступал.

Прошло две или три недели, они сблизились: сначала вместе обедали, потом Пашка сводил Ленку в кино. Потом она вдруг оказалась у него в квартире и провела там ночь. Вернулись старые эмоции, старые чувства. Как будто не было скандалов, мелких придирок, тяжелого Пашкиного характера. Как будто он действительно изменился.

Где-то через два месяца Пашка вдруг задал вопрос:

– А ребенок действительно мой?

Ленка от удивления не нашлась сразу что ответить – и это ее неловкое молчание стремительно, как выбитая из камня искра, взорвало Пашку.

Он устроил Ленке допрос с пристрастием: с кем встречалась в последний год, с кем дружила, с кем спала? Заставил показать всех ее коллег по работе – нашел каждого в социальной сети и долго прикидывал, могла ли Ленка изменить с тем или иным. Пашка был подозрителен, едок, резок. Тот самый старый Пашка вернулся. Экзекуция длилась целую ночь, а под утро Пашка ушел «проветриться». Ленка лежала в кровати, закрывшись одеялом до подбородка, и понимала, как же она сильно, до безумия, боится Пашкиного возвращения. Ей хотелось собрать вещи и снова съехать, сбежать как можно дальше.

В какой-то момент она вскочила и принялась лихорадочно набивать сумки платьями, обувью, смела из ванной все свои полотенца, крема, шампуни. Торопилась. Но не успела. Пашка застал ее в дверях. В руках у него был букет роз. Пашка снова извинялся и ползал в ногах. Он отчаянно хотел сыграть свадьбу в ближайшее время. Ленка же, присев на край кровати, закрыла лицо руками и боялась смотреть на Пашку, боялась что-то сказать, потому что теперь-то она знала наверняка, что старый Пашка, отвесивший ей оплеуху, может вернуться в любой момент.

Ленка просила у бабки совета – как быть дальше, что делать? Ленка редко обращалась за помощью. Она старалась быть самостоятельной по жизни, ни в чем ни от кого не зависимой. Бабка ответила по-простому: у ребенка должен быть отец, а хочешь ты или нет – это вопрос не важный. Все в свое время терпели. Потерпишь и ты.

Непонятно, что в итоге решила Ленка, но вот итог – лежала сейчас с проломленной головой на кровати, избитая и без ребенка.

Дед все стоял в тесном дверном проеме, отирая плечом потрескавшуюся краску, прокручивал в голове Ленкины ночные беседы (у бабки не было тайн, она давно все рассказала) и ловил себя на мысли, что не хочет идти к машине. Никакими силами не может себя заставить.

Бабка крутилась вокруг Ленки. Поглаживала, заматывала, смазывала. Бормотала под нос: «В больничку надо везти. И чем быстрее, тем лучше». Дед и сам знал, что надо. Но прежде все же другое… развернулся, тяжело вздохнув, побрел через сени на улицу, выбрался в духоту. Что-то будто держало его за ноги, тормозило. В груди стало тяжело. Дед подошел к машине, дернул ручку передней левой двери. Дверь открылась плавно, дыхнуло прохладой, но запах был спертый, гнилой, дурной. У деда перехватило дыхание. Он заглянул в салон и в ярких лучах дневного жаркого солнца увидел то, чего бы никогда в жизни не хотел видеть.

На заднем сиденье скрючился мертвый (без сомнения) Пашка. Голова его была разбита, лицо – изломано. Будто били по этому лицу чем-то тяжелым много-много раз. Сквозь порванные губы вывалился темный набухший, похожий на губку язык.

А на переднем, пассажирском, лежал крохотный окровавленный сверток.

Дед отлично помнил, что происходило дальше. Память, коварная дама, не дала забыть ни секунды. Подбрасывала воспоминания, разбавляла запахами, чувствами, эмоциями.

Помнил, помнил от и до.

Сквозь призму духоты и палящего солнца. Сквозь туман и грохот сердца в ушах – будто в груди перекатывались камни. Тогда он впервые почувствовал головокружение, утратил опору и чуть не «улетел» вместе с миром в бессознательное.

Вернулся в дом и сказал бабке, чтобы вызывала скорую. Несчастный случай. Пашка избил их дочь, она вырвалась, сбежала. Больше никто ничего не знает. Понятно?

Подошел к Ленке, похлопал ее по щекам, всматривался, стараясь поймать миг, когда дочь придет в себя. Она не пришла. Только под веками лихорадочно бегали туда-сюда глаза. Дыхание у Ленки было горячее, тяжелое.

Тогда дед сам принял решение.

Он занялся сначала Пашкой. Вытащил из салона, положил на заранее расстеленный кусок брезента от старой палатки, завернул и потащил на задний двор. Плана никакого не было, но в голове крутились варианты. Закопать. Сжечь. Выбросить. Что там еще можно сделать с трупом, чтобы его никто больше никогда не нашел?

Пока тащил, ощущая дрожь в ногах от напряжения, а еще колющую боль в пояснице, вспомнил про старый колодец, который вырыл еще до революции его прадед – самый первый житель этой деревни. Сколько дед себя помнил, колодцем никто никогда не пользовался. Воды там тоже давно не было. Место обросло деревьями, колодец был неприметный и заброшенный.

Дед протащил брезент через огород к колодцу. Стащил ржавый металлический лист и – не задумываясь особо, что делает, – сбросил Пашку вниз, в прохладную черноту. Было слышно, как тело несколько раз ударилось о стенки колодца, а затем наступила тишина. Мягкая и пугливая. Не было слышно ни всплеска, ни звука удара. Будто тело никуда в итоге и не упало. Дед посмотрел вниз, но ничего не разглядел. Возможно, темнота шевелилась. Возможно, дедовское сердце вот-вот выскочит из груди.

Он вернулся к машине и минут двадцать отмывал задние сиденья, стараясь не смотреть на сверток, лежащий спереди. Менял воду, которая сначала была темно-красной, потом сделалась розовой, а затем и вовсе посветлела.

Тут вышла бабка, позвала. Ленка очнулась – шипела и царапалась, просила помощи. Кажется, бредила. Дед склонился над ней, дал воды из спешно протянутого бабкой стакана. Спросил шепотом:

– Что делать с девочкой? Что мне с ней делать?

Глаза Ленки – до этого беспорядочно мечущиеся в глазницах, вдруг вперились в деда.

– Забыть о ней надо, – сказала Ленка. – Навсегда!

– Это твой выбор, – сказал дед.

– Я знаю. Сделай так.

Спустя секунду-две она снова заметалась в бреду, принялась кашлять кровью, просила помощи, чтобы кто-нибудь пришел, чтобы Пашка перестал бить, бить, бить…

…Дед шел в сторону колодца, когда из района приехала наконец скорая помощь. Он слышал, как бабка переговаривается с медиками, повторяя сочиненную историю. Дед свернул за дом, и мир вокруг снова окутала тяжелая жаркая тишина.

В колодце было черно. Сердце выпрыгивало из груди. Вот бы свалиться и больше никогда не вставать.

Пальцы не слушались, не хотели разжиматься. Со свертка капала кровь.

Наконец – сделал то, что должен. Не услышал вновь ни всплеска, ни звуков удара. Постоял у колодца, в прохладной тени деревьев, бессмысленно разглядывая голубое небо. Медленно побрел обратно, во двор.

Ленку как раз выносили из дома. Она металась и кричала, звала на помощь. Хорошо, что в малолюдной деревне мало кто услышит ее крики. Дед прислонился к винограднику, запустив руки в карманы, чтобы никто не видел, как трясутся от напряжения пальцы.

После того дня он несколько дней не мог спать. Бродил по тихому дому, терзаясь мыслью, которая не давала покоя: шевелился ли сверток в его руках, или просто показалось?

Через два дня после случившегося приехали районные полицейские. Расспрашивали. Дед отвечал угрюмо, односложно. Мол, дочь примчалась на машине своего парня, вся в крови, голова разбита, еле живая. Успела рассказать, как Пашка ее чуть не убил, а она вырвалась из квартиры, каким-то чудом доехала до деревни к единственным родным, близким.

Говорил, переводя тяжелый взгляд с одного милиционера на другого. За эти два дня под глазами у деда вспухли темно-синие мешки, которые так больше никогда и не рассосались. Руки стали мелко дрожать, а подушечки пальцев покалывали, будто завелся под кожей невидимый паразит.

Бабка поддакивала, но помалкивала. Врать она не умела. А еще постоянно начинала рыдать, чем неимоверно смущала молоденького лейтенанта. Он доверительно сообщил, что ведется розыск Пашки как виновного в «покушении на убийство». Нигде Пашку найти не могут. Видимо, сбежал, когда понял, что натворил.

– Вылечат вашу дочь, – говорил лейтенант утешительно. – Не переживайте. Молодая еще, здоровая. Такие выкарабкиваются.

Еще через два дня он приехал вновь, вместе с двумя следователями. Нужно было провести плановый обыск, чтобы закрыть одну из разработок. Все же нельзя исключать разные варианты.

Следователи осмотрели дом, летнюю кухню, спустились в подвал в сарае. Потом добрались до старого колодца, стащили металлический лист, долго светили фонариками в темноту, но ничего не разглядели.

– Надо спуститься, – предложил лейтенант.

Дед принес моток тяжелой маслянистой веревки, которой много лет назад вытаскивал трактором из грязи застревающие грузовики при сборе урожая. Лейтенант скинул китель, обмотал живот, начал спускаться. Следователи помогли ему, удерживая другой конец веревки.

Где-то во дворе охала бабка. Дед едва сдерживался, чтобы не кинуться на милиционеров с кулаками. В груди у него дрожало. Лейтенант исчез в колодце по пояс, потом целиком. Дед подошел ближе, заметил, как лейтенант исчезает в темноте. Сейчас она его сожрет. И никто не услышит звука падения. Или – наоборот – колодец разверзнет свою шевелящуюся утробу и обнажит следы преступления. Покажет сверток, лежащий в глинистой жиже.

Темнота и правда расступилась, но не просто так, а под светом фонарика. Колодец оказался неглубоким, метров пять или шесть. Лейтенант быстро достиг влажного потрескавшегося дна, скользнул лучом по каменным стенкам и стал выбираться обратно. Исследовать на дне колодца было нечего.

Когда полицейские уехали, дед вернулся к колодцу. Поднял с земли камень, бросил вниз.

Темнота беззвучно проглотила подарок.

3

С тех пор прошло два года. Снова стоял жаркий август, солнце вспахивало землю раскаленными лучами, воздух был вязкий, его тяжело было вдыхать.

Снова застучали в ворота, и когда дед открыл, увидел Ленку за рулем автомобиля.

Ленка въехала во двор, вышла, смущенно поправляя темные очки, закрывающие пол-лица. Торопливо и сбивчиво, в своей манере, принялась извиняться, что долго не звонила и не навещала. Забегалась. Новая работа, новые отношения, карьера, суета большого города. Увидела на крыльце бабку, бросилась к ней в объятия. Щебетала:

– Я так по вам соскучилась! Так соскучилась!

Густые длинные волосы скрывали титановую пластину на затылке, которой заменили кусочки разбитого черепа. Шрам на левой скуле превратился в тонкую белую полоску.

– Проходи, – пригласил дед. – Обедать будешь? Надолго к нам или как всегда?

Последний раз они видели ее в больнице, при выписке. Ленка была молчаливая и бледная, почти ничего не говорила и хотела скорее вернуться в город, отлежаться и прийти в себя. С тех пор иногда звонила, но не приезжала ни разу.

– Как всегда, – сказала Ленка. – Я по делу вообще-то… можно тебя? Один на один, пожалуйста.

Она отвела деда на задний двор. Закурила, нервно подергивая тонкой сигаретой в губах. Сразу исчезли улыбка и хорошее настроение, будто их стерли небрежным движением.

«Сейчас спросит про ребенка, – подумал дед, ощущая ломоту в висках из-за жары. – И я поведу ее к колодцу, дам веревку, пусть проверяет».

– Я Пашку убила, – сказала Ленка. – Понимаешь, да?

– Понимаю.

– У него тяжелый характер. Ревнует. Телефон проверяет. Не разрешает общаться с другими мужчинами. Ну, я сначала не обращала внимания. Это вообще нормально, когда мужик деньги зарабатывает, женщину свою содержит. Имеет права, значит, проверять, чтобы она налево не бегала. Но потом стал палку перегибать. Раз за разом. Один раз ударил меня. Пощечину отвесил. При подругах. Назвал шлюхой. И потом еще один раз схватил за волосы и потаскал хорошенько по квартире… Я от него уходить хотела, понимаешь? С мыслями собиралась…

Дед кивал. В ноздри лез сладковатый запах сигаретного дыма. Хотелось вернуться в прохладу дома. Непонятно было, почему Ленка вдруг приехала спустя два года и начала откровенничать. Совесть замучила? Высказаться захотела? Так она всегда высказывалась бабке. Дед-то ей на что сдался?

– Я думала, когда он уйдет на работу, перевезу вещи к подруге, отключу телефон и неделю вообще никуда выходить не буду, пока не успокоится. В наше время только так, – тараторила Ленка, не глядя на деда, а глядя на деревья, на небо, на черепичную крышу летней кухни. – И вот сегодня решилась. Он уехал, я стала вещи собирать. Два чемодана. Позвонила подруге, предупредила. Вышла на порог – а Пашка там. Заподозрил что-то. Интуиция. На встречу, говорит, ехал и решил заглянуть. Вот и заглянул…

– То есть как – сегодня? – спросил дед. – Пашка? Еще один?

– Почему еще один? Он же и был. Я вам его привозила знакомиться. Ну. Ямочки на щеках. Милый такой, но молчаливый. На самом деле он ни фига не милый. Набросился на меня с кулаками. Начал избивать. Думала, не остановится, так и убьет. Вырвалась. Побежала на кухню, схватила стеклянную бутылку из-под оливкового масла и ударила его тоже, а потом…

Они сняла очки, под которыми обнаружился набухающий свежий синяк – желтый, с фиолетовыми прожилками. Сказала:

– Пойдем покажу, – и повела деда к машине.

Дед шел на негнущихся ногах. Вспотел. Соленые едкие капли заливали глаза. Солнце казалось размытой жирной кляксой.

Ленка открыла багажник. Внутри лежал незнакомый мужчина, мертвый, окровавленный, с выпученными глазами, смотрящими в никуда. Был он одет в спортивные шорты и футболку, на ногах кроссовки. Особенно ярко почему-то выделялись загорелые волосатые лодыжки. На груди спутались провода от наушников.

– Я его ударила, – сказала Ленка. – И когда он упал, я еще несколько раз, по виску, вот здесь, пока не хрустнуло. Не удержалась.

Дед молчал, разглядывая сначала труп, а потом Ленку. Она неосознанно, инстинктивно растирала затылок в том месте, где в череп была вставлена пластина.

Закружилась голова.

– Это же… – он хотел объяснить, что в багажнике не Пашка, а кто-то другой, незнакомый. Что-то всколыхнулось в животе, обожгло горячим. Обернулся, почувствовав, будто зовет его кто-то. Двор был пуст. Ветер гнал по траве первые опавшие листья. Из-за дома, из самых глубин сада донесся едва слышный звук, похожий на неразборчивый шепот.

– Есть хочет, – сказала Ленка не своим голосом.

– Что?

– Есть, говорю, хочется. С утра крошки во рту не было. С ума сойду скоро…

Ленка продолжала остервенело расчесывать затылок. Сигарета выпала из губ и тлела под ногами.

– Ты встречалась с ним? – спросил дед. – Жила?

– Конечно. Забыли совсем? Не могла же я так надолго уехать от вас, – Ленка сдавленно хихикнула, будто что-то держало ее за горло.

Человек в багажнике был похож на Пашку – почти такого же телосложения, такой же овал лица, те же темные волосы…

Дед похлопал его по карманам, вытащил бумажник, обнаружил водительские права на имя Ярослава Перепелкина, восемьдесят девятого года рождения. Машина, на которой приехала Ленка, была оформлена на него.

– Отдай его мне, – сказала Ленка из-за плеча тем самым голосом.

У деда по коже пробежали мурашки.

– Зачем? – спросил он.

– Много будешь знать – совсем старым станешь, – ответила Ленка, потом вздохнула с присвистом и добавила уже своим голосом: – Странно, что у него фотография какой-то другой девушки в бумажнике. Сестра, наверное.

– Иди в сарай, – велел дед хмуро. – Брезент возьми. Тащи сюда. Решим вопрос.

Ленка нацепила очки на нос и исчезла за домом.

– Есть хочет… – пробормотал дед, разглядывая фото. – Ну, конечно…

В этот раз все закончилось быстро. Дед смотрел в темноту колодца, ожидая звука падения тела, но снова ничего не услышал. Ленка сразу же начала улыбаться и рассказывать о своей новой работе, о том, как хочет снять квартиру просторнее, выветрить из головы воспоминания о Пашке.

Этим же вечером она отправилась в город, не проронив ни слова о случившемся. Машину оставила во дворе, а сама пошла к трассе, к старой бетонной остановке, мимо которой раз в час проезжали рейсовые автобусы.

Дед и бабка тоже старательно обходили эту тему. Разве что иногда бабка вдруг начинала шумно креститься да заводила разговор о местном священнике.

– Два трупа и младенец! – говорила бабка. – Нет сил моих такое терпеть под сердцем! Как глаза закрою, так сразу и вижу! Снятся они мне.

– А что же ты два года молчала? – угрюмо спрашивал дед. – Раньше не снились, что ли?

– И раньше снились! Но теперь совсем страшно. А вдруг повторится? А вдруг искать будут у нас?

Никто, однако, к ним не приехал. Через неделю дед съездил в город, купил несколько газет и поискал объявления о пропаже Ярослава Перепелкина. Наткнулся на одну небольшую заметку: «Вышел из дома… был одет в… уехал на встречу на машине… Последний раз его видели…»

Потом еще увидел два объявления, приклеенных на остановках. С фото смотрело лицо Ярослава. Как они встретились с Ленкой? Что он сделал такого, что она его убила? А главное – был ли вообще мотив?

Вопросы посложнее дед старался сам себе не задавать. Боялся, что копнет так, что сойдет с ума. Отгонял назойливые мысли, как мух, и злился, что не наберется храбрости и не спустится в проклятый колодец, не проверит. Ему стало бы спокойнее, если бы на дне среди ила и грязи нашлись бы трупы и сгнивший сверток. Парадоксально – но легче.

Он отогнал машину на задний двор и неторопливо разобрал. В какой-то момент это занятие начало его успокаивать, позволило собраться с мыслями.

В третий раз Ленка приехала через полтора года.

Снова на чужой машине, снова нервная, с синяками и ссадинами на лице. Снова извинялась за долгое молчание, рассказывала о суетливой жизни в городе, которая замотала и не давала приехать погостить.

Снова позвала деда, открыла багажник и показала труп незнакомого мужчины, похожего на Пашку.

– Дай догадаюсь, – сказал дед. – Ты хотела от него уйти, он начал тебя избивать, ты взяла бутылку и разбила ему голову.

– Ножом, – сказала Ленка. – Нож, кухонный. Как раз лежал на столе. Но в целом ты прав.

Февраль выдался морозным, колючим. То и дело срывался снег. Солнце показывалось редко. В густой маслянистой хмари от уличного фонаря дед разглядывал документы мертвого человека из багажника, но уже не запоминал имени и фамилии. На заднем дворе, издалека, задребезжал металлический лист, и тотчас ветер швырнул сухой снег деду в лицо, обжег холодом.

– Есть хочет? – спросил дед у Ленки. Взгляд у нее был стеклянный и чужой.

Та кивнула, пытаясь дрожащими руками воткнуть в угол губ сигарету. Сказала не своим голосом:

– Растет.

– Тащи брезент из сарая, – вздохнул дед.

На крыльце крестилась бабка. Стояла она в старом халате, босиком, седые волосы растрепались.

Дело заняло около часа. Ветер хлестал по щекам, вышибал из глаз холодные слезы. Внутри колодца как будто что-то шевелилось – нетерпеливое, жадное.

Едва тело исчезло в темноте, Ленка направилась в дом, отогреваться. Выпила с бабкой чай, односложно отвечая на короткие вопросы, а потом быстро собралась и уехала.

Дед проводил ее до остановки. Вдвоем они стояли среди разыгравшейся февральской метели, выглядывая в снежной кутерьме блики фар.

– Это ведь был не Пашка, – сказал дед. – И в прошлый раз тоже. Ты знаешь об этом?

– Какой прошлый раз? – спросила Ленка после едва уловимой запинки. – Не было прошлого раза. Ты что-то запутался.

– Ты его убила по-настоящему, Пашку, три с половиной года назад. И еще ребенок у тебя был. Девочка. Не успела родиться. Помнишь?

Ленка не ответила, а только кусала остервенело губы. Капли крови набухали и медленно стекали по влажному подбородку.

– Я не хочу, чтобы ты приезжала, – произнес дед. – Никогда. Ни на чужой машине, ни на своей. Ни с трупом, ни без.

– Она родилась, – сказала Ленка едва слышно. – Светой зовут. Разве ты не помнишь?

– Не говори ерунды. Я сам нес сверток. Вот этими самыми руками. Трясутся теперь. И покалывает под кожей… как будто грызет меня что-то.

– Не буду приезжать, – легко согласилась Ленка.

Подъехал автобус, она забралась в салон, не обернувшись. Дед постоял у дороги, пока автобус не исчез в темноте, и после этого зашагал к дому.

Он примотал один конец веревки к дереву и стал медленно спускаться вниз. В узкой круглой черноте подвывал ветер. На лице оседали и тут же таяли снежинки. Дыхание было горячим, неровным. Дед размышлял, как у него замерзнут пальцы, он разожмет веревку и полетит вниз, к трупам. Или провалится в черноту, не издав ни звука.

Между зубов был зажат старый пластмассовый фонарик на батарейках. Пятно света выхватывало из темноты фрагменты старой кирпичной кладки. Куски ее кое-где покрошились, обнажая комья земли. Торчали корни, нарос сизый губчатый мох, похожий на множество языков.

Дед спустился на метр или два, мир сузился, а сверху в пятаке мелькали снежинки. Звук ветра здесь был приглушенный и тяжелый. В ушах колотилось сердце.

Уперев колено в стену, он высвободил руку, взял фонарик, посветил вниз и ничего не увидел. Стал медленно спускаться дальше. Еще метр, два, а то и все десять. В какой-то момент ощущение времени стерлось. Пятак неба превратился в копеечную монетку. Чернота вокруг сделалась гуще и как будто плотнее. Стены колодца здесь уже были не кирпичные, а земляные. А еще казалось, что колодец делается шире.

Дед попытался еще раз упереться коленом в стену, но не смог – пришлось вытягивать ногу, и то он едва коснулся стенки носком ботинка. Спиной оперся о неровную стену. Снова посветил вниз.

А внизу шевелилось что-то. Огромное, рыхлое, влажное. Оно было как будто грубо слеплено из шариков пластилина. Ему было тесно здесь, на дне колодца. Его мягкие бока терлись о стены, крошки земли ссыпались в глубокие морщины слизистой кожи.

У деда сперло дыхание. Луч света затрясся следом за фонариком, зажатым в старческой руке.

Нечто на дне колодца выгнулось и вдруг задрало вверх округлую морду. Дед увидел множество мелких белых глаз. А еще увидел несколько ртов, и зубы внутри – мелкие, несомненно острые, окровавленные. Эти рты перемалывали пищу: торчала мужская кисть, свисал рваный кусок рубашки, прилип пучок темных волос.

В этот момент дед понял, что звук ветра давно уже сменился другим звуком – хрустом, треском, перемалыванием костей.

– Отстань от моей дочери! – заорал дед, хотя понимал, что крик этот – всего лишь облаченный в слова вопль ужаса.

Существо смотрело, продолжая жрать. Оно походило на гусеницу.

– Не лезь к ней! Не заставляй! Она уже и так много пережила!

Кисть исчезла между зубов, а следом раздался сухой звонкий треск.

Показалось, что существо кивнуло. Наверное, просто показалось.

Дед швырнул вниз фонарик и начал тяжело подниматься сквозь плотную темноту. Руки дрожали. Сил не оставалось. Если тварь задумает сейчас подняться и сцапать его – проблем не будет. Дед уже не сможет сопротивляться.

Снизу мелькнул и погас короткий блик света. Дед затылком ощущал, как что-то приближается из темноты. Что-то ползет. Раздался звук ссыпающейся земли. Как будто терлись друг о дружку камешки.

– Не лезь к нам! – дед вытолкнул горячие слова с остатками воздуха.

– Уже поздно. Семечко посажено, – сказал он другим голосом, и непослушный язык заворочался внутри рта, ощупывая зубы, небо, щеки.

Показалось, что стены колодца превратились в зубы. Сейчас они медленно сожмутся и…

Дед перевалился через край колодца и упал лицом в снег.

Он лежал минут десять, пытаясь отдышаться. Поднялся и побрел к дому, не оглядываясь. Прошел мимо бабки, которая все еще стояла на крыльце, будто надеялась разглядеть на дороге вернувшуюся Ленку, и лег спать. Всю ночь ему снились кошмары. Да и последующие полтора года – тоже.

4

Дед думал, что все закончилось. Ленка приезжала иногда, ненадолго. Звонила. С работой у нее все было в порядке, с личной жизнью вроде бы тоже. Время от времени она рассказывала о новых знакомствах, но к серьезным отношениям не переходила.

Когда умерла бабка, Ленка приехала на похороны, помогла с организацией и оплатой, устроила поминки. Суетилась, хлопотала.

Еще около полугода она не приезжала и даже почти не звонила. А затем появилась с очередным трупом в машине и ребенком в салоне. Разом вернулось все – кошмары и воспоминания…

Дед шел от колодца неторопливо, почти физически ощущая вязкую жару, будто угодил в желе из солнечного света. За ним шла Ленка, пытающаяся закурить. Спички ломались в дрожащих руках одна за одной.

– То есть и дочку туда? – бормотала она. – Не понимаю. Ее-то зачем? Она же не видела ничего. Она не виновата. Не скажет…

Дед не отвечал. Вспоминал тугой окровавленный комочек, исчезнувший в темноте колодца пять лет назад.

– Я не дам, – сказала Ленка. – Не позволю, слышишь? Ладно Пашка! Но внучку-то за что?

– Лень объяснять, – ответил дед.

Ну как рассказать ей, что внучка в машине ненастоящая и наверняка мертвая? Никого живого Ленка не привозила. Существо из колодца, похоже, не любило живых. Не могло быть там никакой Светы, потому что внучка не родилась.

Они пересекли огород, мимо летней кухни вышли на задний двор. Дед услышал, как за спиной что-то звякнуло, обернулся. Ленка держала в руках топор, который до этого был воткнут в пень у сарая. За сетчатым забором суетливо бегали курицы.

– Дочку не дам, – повторила Ленка.

– Ты же сама все это начала.

– Я просила помочь… но не таким же способом.

– А каким? – устало спросил дед. Закружилась голова. Очень не вовремя подступила темнота. – Как, ты думала, я разберусь с мертвым мужиком в твоей машине? Почему вообще решила приехать сюда? Почему не в полицию, не к каким-нибудь друзьям? У тебя же вроде как самооборона, все дела. Никто бы тебя не посадил.

– Потому что… – Ленка свободной рукой начала растирать затылок. – Потому что так надо. К тебе. Всегда так было.

– Когда – всегда?

Ленкино лицо искривилось, будто она все разом вспомнила. Вереницу трупов, новые машины, колодец.

– Ты всегда помогал, если мне что-то надо было. С самого первого раза!

Дед махнул рукой.

– Хватит, – сказал он. – Если хочешь меня остановить – валяй.

Он развернулся и пошел к машине. Ожидал удара в спину, ощущал затылком, как холодная сталь топора вонзится между лопаток. Что ж, еще одно лакомство для твари из колодца.

Ленка не ударила. Дед подошел к машине, рывком распахнул заднюю боковую дверцу. Из салона ударило холодом, да так, что на лбу проступила испарина. Играло радио. Что-то детское и веселое. На заднем сиденье скрутилась калачиком девочка лет пяти. Красивая, длинноволосая. Сонно заморгала от яркого света. Увидев деда, улыбнулась, протянула руки, сказала негромко:

– Привет! Я соскучилась!

– Соскучилась? – переспросил дед.

Контраст жары и холода ударил по вискам. Перед глазами на мгновение потемнело. Проклятое головокружение.

– Маму просила приехать пораньше… А она все отказывалась.

Дед поднял голову, посмотрел широко раскрытыми глазами на подошедшую Ленку. Топор она оставила на заднем дворе.

– Не узнал родную внучку? – спросила Ленка, растирая затылок.

– Моя внучка… – дед сглотнул. – Мою внучку я…

– Что? Убить хочешь? В колодец, к ее тупому отцу?

Дед мотнул головой. Тугой комочек, завернутый в окровавленные тряпки, снова выплыл из глубин памяти.

– А кого же я тогда?..

– Меня, – сказала Ленка чужим голосом. – Меня ты тогда. Бросил семечко. Вскормил и вырастил. Дочь привезла из города, а ты все сделал. Хорошо я провернул, не так ли?

Воспоминания вдруг взорвались яркими красками внутри головы.

Беременная Ленка в больнице. Показания свидетелей. Полиция.

Ленка с двухлетней дочкой, приехавшая на старенькой «Шкоде». Труп в багажнике. Бабка, кормящая внучку окрошкой, пока дед и Ленка тащили брезент с телом через двор.

Еще одна машина, внучке уже три с половиной. Жгучий лохматый февраль. Испуганная бабка, спрятавшая внучку в доме, загородившая двери, крестившаяся бесконечно долго.

Все это стиралось потом из памяти. Замещалось. Как у Ленки с этим ее вечным повторением…

Что-то заставляло его забыть. Не помогали ни Бог, ни бабкины молитвы, ни вера во что-то еще:

– Ты всегда приезжала с ней. Каждый раз.

– Конечно, всегда, – сказала Ленка. – Я к вам ее который год вожу. Природа ведь, а не город. Полезно.

Потом вздохнула и добавила другим голосом:

– А теперь пора ее тоже ко мне. Выросла и настоялась.

Дед замотал головой.

– Пора. Ты не можешь отказаться. Или ты, или я сам возьму, – повторила Ленка.

Жара обволакивала, делала движения замедленными и вялыми. Но дед все же нашел силы. Шагнул к Ленке, ударил ее по лицу, и, не дав сообразить, повалил на землю. Развернул, прижал голову к горячему асфальту. Ленка возилась и шипела. Дед нащупал в спутавшихся волосах пластину, вцепился пальцами в ее края и принялся отрывать. Ленка закричала. Из машины выскочила внучка и закричала тоже. Дед сопел от напряжения, не отвлекаясь. Потянул, рванул на себя. Раздался чавкающий треск, потекла под пальцами густая черная кровь.

– Давай же, давай!

Еще один рывок, пластина с хрустом отклеилась. Дед встал и, не оглядываясь, заторопился через двор, к колодцу. Его пошатывало. Из-за спины закричала внучка:

– Мама! Мамочка!

По дороге пришла в голову отчаянная, злая мысль. Дед рванул к сараю, сорвал цепь с двери, зашел внутрь. Раскаленный воздух выталкивал его обратно. Тяжело было дышать и двигаться. Перед глазами мельтешили черные пятнышки.

В углу стояли баллоны с газом, для летней кухни. Три штуки. Старые, про запас. Поволок их по очереди к колодцу.

Увидел во дворе Ленку. Она стояла, пошатываясь, держала в руках тот самый топор. Сил не было разговаривать с ней, объяснять. Сердце и так скакало дикой лошадью. Лишь бы не свалиться прямо здесь, под солнцем. Лишь бы не забыть ничего снова…

Торопливо набрал сухое тряпье, какие-то старые рубашки и истлевшие простыни. Взял канистру с бензином. Все, что горит. Все, что можно сжечь.

Облитые бензином бока газовых баллонов воняли, вызывали тошноту. Дед поливал обильно, потом рвал зубами тряпье, обматывал плотно, снова поливал.

– Вот сейчас! – говорил дед. – Будет тебе внучка, ага. Три внучки. Семечко, говоришь, забросил? Подменил, значит? Обыграл, да? Давай посмотрим, кто кого!

В какой-то момент снова увидел Ленку совсем рядом. Обернулся. За Ленкиной спиной стояла перепуганная внучка.

– Все равно не поможет, – сказала Ленка и ударила топором.

Дед попробовал увернуться, но лезвие тяжело вошло ему в левое плечо, чиркнуло по кости. Сразу же по шее, к челюсти, рванулась острая боль. Дед закричал, перехватил правой рукой топор, потянул на себя. Ленка пошатнулась, шагнула вперед. Света тоже закричала. Изнутри колодца раздался клокочущий звук, будто кто-то поднимался наружу, всаживая когти в кирпичные стены.

Дед понимал, что если остановится, потеряет время, то – конец. Сил не хватит. Он толкнул Ленку, а сам навалился на нее сверху, схватил что-то из груды тряпья и принялся крепко обматывать ее запястья. Левое плечо похрустывало и болело. Рука почти не слушалась.

Клокочущий звук становился громче и ближе. Дед оглянулся. Из колодца потянулась в неподвижный воздух струйка сизого дыма.

– Я все равно приду! – бормотала Ленка, звонко клацая зубами. – Все равно заберу!

– Заберешь, заберешь, – ответил дед, выгнулся, подобрал с земли окровавленную металлическую пластину и швырнул в колодец.

Он поднес зажигалку к тряпке, намотанной на первый газовый баллон, поджег. Пламя пожирало ее нехотя, медленно. Потом дед приоткрыл вентиль, перевалил баллон через край колодца.

Перед глазами потемнело. Ноги подкосились. Дед едва удержал равновесие.

– Пойдем, – сказал он внучке. – Живее. Спасаться надо.

Девочка смотрела на колодец. Стенки его тряслись. Дым становился глуше. Звук нарастал.

Времени оставалось немного. Дед поджег тряпье на двух оставшихся баллонах, пустил газ. Поднял Ленку под мышки, потащил. Света побежала впереди.

Как и раньше, он чувствовал затылком приближение чего-то ужасного, огромного, страшного.

Пересек двор, положил Ленку на заднее сиденье автомобиля. Рядом забралась внучка.

Ленка притихла, только безумно шевелила выпученными глазами.

Дед сел за руль. Последний раз водил машину лет тридцать назад… В салоне было прохладно. На месте ручки переключения скоростей стоял пластиковый стаканчик из-под кофе. Ага, автомат. Еще проще.

Из-за летней кухни рвануло в небо ярко-рыжее пламя вперемешку с густым дымом. Деду показалось, что он расслышал болезненный вопль сквозь накативший раскат грохота.

Сдал назад, высаживая старенькие деревянные ворота. Развернулся и помчался прочь от дома по песчаной извилистой дороге.

Из радио играла какая-то детская песенка. Левое плечо онемело. Через полкилометра автомобиль выскочил на трассу и помчался в сторону города. Дед взял стаканчик, встряхнул и выпил остатки холодного горького кофе, смывая налет жары, песка и сажи из горла. Поймал взглядом в зеркальце заднего вида взгляд внучки и подмигнул ей.

– Кажется, вырвались, – пробормотал он.

– Все равно вернетесь, – раздался глухой чужой голос. – Не сегодня, так позже. Когда все забудете.

Внучка закричала, смотря куда-то вниз, на сиденье, на Ленку.

Внутри салона раздался тот самый громкий клокочущий звук. В этот момент дед понял, что теряет сознание. Темнота обволокла его, сделала движения мягкими и непослушными. Мир закружился. Дед куда-то падал, слыша крики, скрежет металла, звон разбитого стекла.

Он падал в колодец, полный острых мелких зубов.

Нажал на тормоз. Почувствовал, как вильнуло машину, давление сдавило виски. Дед помнил, как крепко держался за руль. Кричала Света. Кто-то смеялся.

Потом наступила темнота.

5

Пахло гарью. Тонкая пепельная дымка расстелилась над землей – не было ветра, чтобы разогнать ее.

Дед прикрыл ладонью глаза и сквозь дрожащее, тяжелое марево различил на дороге крохотный силуэт.

Силуэт приближался, петляя и покачиваясь. Через минуту стало понятно, что это женщина, держащая на руках ребенка.

Дед торопливо спустился с крыльца, вышел со двора, прихрамывая, направился к женщине.

– Ленка! Ленка! – бормотал он, что-то вспоминая. Перед глазами бегали темные пятнышки. Кружилась голова. Чувствовал дед себя отвратительно. Будто изломали ему все косточки, разорвали мышцы, да так и бросили в духоту лета, будто цыпленка в гриль.

Левое плечо почему-то болело. Одежда оказалась залита кровью.

Ленка, впрочем, выглядела еще хуже. С ее носа свисали темные очки, левое стекло которых было выдавлено, а правое – потрескалось. Джинсы порвались, блузка тоже была порвана, на обнаженной коже кровоточило множество порезов.

– Возьми… Свету, – пробормотала Ленка, едва дед приблизился. – Помочь надо. Поможешь?

Дел перехватил внучку. Она была без сознания, а еще от нее пахло гарью.

– Что случилось?

– Пашка, – сказала Ленка и вдруг плюхнулась на сухую землю, будто кто-то ударил ее по ногам. – Мы поссорились, понимаешь? Слово за слово, ну и… Я машину взяла, помчалась к тебе, но по дороге, там… мы разбились, в общем. Надо помочь.

Голова болела так сильно, что дед плохо понимал смысл слов. Хотелось быстрее убраться с жары в тень, нырнуть в прохладу комнаты, выпить воды из графина.

– Пойдем, – сказал он, – в дом. Там хорошо.

Он направился к открытым воротам, разглядывая под ногами свежую колею от колес какой-то машины. Пытался вспомнить, кто вообще приезжал сюда в последнее время. Не вспомнил.

На руках зашевелилась внучка. Открыла глаза.

– Деда, – пробормотала она слабо. – Не отдавай меня, ладно?

Дед обернулся. Ленка все еще сидела, уперев руки в землю, задрала голову и, щурясь, смотрела в безоблачное небо.

– Не отдам, конечно, – ответил он. – Мать у тебя совсем рехнулась. Что она вообще такое натворила? Где машина? Где твой отец? Что происходит?

Дед почему-то торопился. Вошел во двор. За крышей летней кухни поднимался густой черный дым. Нужно было пойти туда и посмотреть. Обязательно посмотреть. Заглянуть в старый колодец. Поздороваться. Семечко проросло. Ему надо много питаться.

Внучка шевельнулась снова. Дед смотрел то на крыльцо, то на дым. Ему нужно было принять решение. Он не мог вспомнить какое. Пот заливал лицо. А еще вдруг снова потемнело перед глазами.

Он очень хотел вспомнить, почему оказался здесь с внучкой на руках и почему откуда-то из-за спины доносится странный клокочущий звук.

– Не отдавай, хорошо? – попросила Света, но дед так и не понял, о чем вообще речь.

В голове болезненно гудело. Дым на заднем дворе как будто стал гуще, плотнее, закрывал небо, солнце, нагнетал огромную извивающуюся тень. Будто бы в воздухе парила гигантская гусеница.

Эти ее глаза. Эти челюсти…

Дед стоял перед домом, смотрел на дым сухими, раскрасневшимися глазами. В горле пересохло. На руках шевелилась внучка. Порыв ветра швырнул к ногам старую окровавленную ткань.

Очень тяжело было сделать выбор.

– Деда? – спросили из-за спины.

Он обернулся и увидел нечто, отдаленно похожее на его дочь.

– Деда, – сказало оно. – Давай я помогу. Отнесу куда надо. Дальше сама. А ты ступай в дом. Жарко тут.

Жара надавила и окончательно сломила волю. Действительно… в доме графин с водой. Тишина, прохлада, без суеты. Выбор, стало быть, очевиден.

Александр Матюхин

Зовущая тьму

Есть в том лесе стары дороги: камнем мощены – углем толчены, солью присыпаны – кровью умытые, нет им начала и нет им конца, к кладу в логове мертвеца…
Муромские поверья

Руситская деревня горела. Оранжевое пламя жадно лизало низкие срубы, с воем рвалось из крохотных окон, нестерпимым жаром растапливая охвостья весеннего снега. Черные ручейки стекали к дороге, превращая землю в кровавую грязь. Кровли, крытые гнилой отсыревшей соломой, занимались нехотя, долго тлели, фыркали струйками горького дыма, а потом резко вспыхивали и оседали в полыхающее нутро, вздымая тучи пепла и искр. Едко воняло жжеными тряпками, шкурами и костями. В воздухе стоял сладкий аромат горящей плоти и медный привкус пролитой крови, липнущей к губам.

Сотник Сохор с наслаждением втягивал запахи, раздувая широкие ноздри на резко очерченном, скуластом, выдубленном до черноты ветрами и морозом лице. Пахло победой, одной из тысяч, на пути Великой Орды. Монгольские тумены пришли холодной зимой, всесметающей лавиной вырвались из травяного моря Дешт-и-Кипчак и предали огню деревянные крепости и города. Руситские каганы убиты или склонились, их рати рассеяны и разбиты. Этого желал сам Чингиз. Великий хан умер, но внук его, Бату, продолжил славное дело. Русь упала к ногам. Теперь все здесь принадлежало всадникам на низких мохнатых конях. Нет силы, способной противостоять великой Орде. Хурра-хур!

Непокоренным остался богатый торговый Новгород, спасенный вспухшими реками и жадными пастями бездонных трясин. Курултай совещался два дня и две ночи, шаманы сотрясали небо грохотом бубнов и треском гадальных костей, невольников закалывали на радость Тенгри, духи неистово плясали и выли, а человеческий жир плавился и шкворчал на жертвенных алтарях. Совет велел окончить поход и объявил начало Великой облавы. Орда потекла обратно на юг, выжигая деревеньки и города, спрятавшиеся вдалеке от рек и торных дорог. Стоном, кровью и дымом пожаров отмечалась железная поступь туменов.

Сохор не стал искать легкой добычи и увел воинов в черную глушь бескрайних лесов, раскинувшихся на полдень от опустошенного Мурома. Сохора называли безумцем, пророчили ему скорую смерть, но он лишь смеялся. Сохор лишился покоя с тех пор, как воинам попалась полубезумная, косматая старуха. «Там, в чаще, скрыты сокровища! – вопила полоумная эмэгтэй, тыкая корявым, негнущимся пальцем. – Золото, золото!» – тряслась она в исступлении, когда ее прибивали к дверям. Отныне Сохор искал путь в сердце дикого края. Следом за отрядом шли разжиревшие волки, наполняя студеную тишину тоскливым, пронзительным воем.

От восьмидесяти трех воинов сотни, начавших поход, остались четырнадцать. Два десятка Сохор потерял до Владимира. На четыре десятка сотня уменьшилась при штурме руситской столицы. Тела батыров устлали ледяные валы и доверху заполнили ров. Монгольская ярость перехлестнула за стены; женщин, детей и мужчин предавали мечу; последние защитники сгинули в огне горящего дома распятого бога. Выжженный город три ночи сочился кровью. Пресытившиеся вороны брезговали мясом и выклевывали у трупов только глаза, столько было там мертвецов. Еще три воина погибли в последние дни, подлые урусы прикрывали тропы самострелами и ловчими ямами. Остатки сотни Сохора упорно стремились вперед.

В деревню ворвались на рассвете, едва блеклое солнце отлипло от горизонта. Пятерых стариков и мальчишек, вооруженных копьями и слабыми луками, посекли. Здоровых и сильных мужчин не осталось – руситские мужчины погибли под знаменами кагана Юрия. Дальше пошла потеха. Ловили женщин, тешили плоть, резали животы. Воины не гнушались и стару-

хами. Младенцам разбивали головы и ломали хребты. Когда приходит Орда, духи дают выбор – покориться или погибнуть. Гордые урусы выбрали второе. Отныне их ждала только смерть.

Застоявшаяся кобыла ударила копытом, игриво вскинула зад. Сохор провел ладонью по бархатистой лоснящейся шее.

– Дэлгээн Хуранцэг, дэлгээн.

Лошадь всхрапнула и успокоилась, чутко ловя слова хозяина фигурно подрезанными по китайской моде ушами.

Послышался знакомый вкрадчивый перезвон, и к сотнику на рыжей лошади, разрисованной цветными кругами, подъехал шаман Хулгана. Тот Кто Видит Все, и Все Видит Его, в шубе, расшитой костяными трещотками, цепями и нитями колокольчиков. Правая рука шамана висела вдоль тела. Шаман прятал ее, баюкая на привалах и держа поближе к огню. Рука была иссохшей, почерневшей, сгнившей до кости, с длинными завитками желтых ногтей. Через нее, много зим назад, в шамана вселился дух Мангий-хор. Все боялись шамана, даже Сохор. Ему доставались лучшие куски мяса и доля добычи. А как иначе? Не у каждой сотни есть свой шаман. Шаман предсказывает погоду, привлекает удачу и задабривает духов – огу, дающих сотне ровную дорогу, спасение от мечей и болезней, резвость и здоровье коням.

– Эти люди нищие, нукур, – проскрипел шаман, с трудом раздирая синие губы, за которыми блестели выкрашенные красной охрой, хищно заостренные зубы. – Их богатство – деревянные чашки, рваная одежда и глиняные статуэтки оглоев.

На черной, сморщенной ладони шамана лежала фигурка: получеловек-полузверь, с кривыми лапами и ощеренной пастью. Игрушка, слепленная нарочито грубо, внушала омерзительный страх.

– Выброс, – посоветовал сотник.

– Пригодится. – Зверь исчез в складках засаленной шубы. – Воины недовольны, добычи нет, скоро они пресытятся кровью. Ты обещал золото и женщин, нукур.

– Тебе мало золота, Хулгана?

– Хох-хо, – смех шамана походил на карканье старого ворона.

Свою часть добычи шаман высыпал в болота и реки, а рабам резал глотки во славу Тенгри, пил горячую кровь, а потом бился в пепле костров, неразборчиво вещая чужими страшными голосами. Хулгану влекли эти мрачные северные леса, он чувствовал скрытую снегами и болотами силу. Хулгана хотел овладеть этой силой. Золото ему ни к чему.

– Я спросил руситов, взятых живьем, – проворчал, отсмеявшись, шаман. – Ни один не указал мне пути. Они боятся леса, трусливые выродки.

Сохор тяжко вздохнул. Всюду одно и то же. Урусы скрывают дорогу в глубь леса, к тайным святилищам, где, по слухам, высятся идолы из чистого золота, с глазами из крупных рубинов и серебренными бородами. Проводника не удавалось найти ни подкупом, ни пытками, ни угрозой. Порой Сохор сам не знал, зачем ему это богатство. В обозе, что шел за туменом, у него было три арбы, полных добра, и два десятка руситских невольников. Угрюмых бородатых мужчин и непокорных, дивно прекрасных женщин он продаст, оставив себе для услады голубоглазую, едва распустившуюся девчонку, чей сладкий сок он собрал первым, на трупах отца и матери, рядом с пепелищем сгоревшей Рязани. Насытившись, Сохор продаст и ее. Персидские купцы платят золотом за белокожих светловолосых рабынь. Ммм… надо было взять девку с собой, она хорошо грела холодными вечерами. Кусачая, правда, – сотник сладко зажмурился, потирая прокушенное плечо. Под пальцами масляно звякнул кольчужный панцирь ильчирбилиг.

За пылающими избами хлестко защелкала плеть, донеслись грубые гортанные голоса. Всадники-дайчины в мохнатых шапках гнали по дороге женщину. Она семенила, припадая на левую ногу, поскальзываясь и спотыкаясь в грязи. Едва прикрытые рубищем плечи подраги-

вали под секущими ударами сыромятной витой ташурдах. К груди женщина прижимала сверток из гнилой ткани и шкур.

Очир, первый лучник отряда, осадил скакуна и с легким поклоном сказал:

– Хухна пряталась за деревней, нукур. Воняет, как сотня дохлых чонынов.

Женщина смахивала на бродяжку. Измызганную рванину, наброшенную на искривленное тело, покрывали пятна соли и грязи, в многочисленных прорехах просматривалось немытое тело. Лицо изможденное, узкое, бледное, в потеках сажи и копоти. Черные смоляные волосы слиплись в колтун и падали на глаза, в нечесаные пряди набились еловые веточки и сухая хвоя. Пахло от нее мокрой псиной и прелым листом.

Сохор брезгливо скорчил рассеченные мелкими шрамами губы. Эти отметины он получил мальчишкой, когда на стойбище напали чжурчжэни. Воин, убивший родителей, саданул латной рукавицей семилетнего Сохора в лицо. Начались годы рабства, унижений и голода. Свободу ему вернул великий Чингиз, отец всех монголов, истребивший чжурчжэней и сровнявший с землей их древние города. Хозяину Сохор выдавил глаза и волоком тащил по степи, пока тот не превратился в кусок пыльного, склизкого мяса.

Грязная женщина стояла, не смея поднять головы. Голые ноги покрывали рубцы и язвы, ступни были замотаны тряпками.

– Зачем пряталась? – спросил сотник. Он хорошо говорил по-руситски, два года перед вторжением под видом торговца проведя на полуденных границах Руси. Было там и множество других, подобных ему. Глаза и уши Орды.

– Вы монголы, – просто ответила женщина, переминаясь на грязном снегу.

– А ты осторожна, – улыбнулся Сохор улыбкой, напоминавшей взмах сабли, мимолетной и хищной.

– Потому и жива до сих пор, господин.

Женщина начинала нравиться сотнику. Она стояла, покачиваясь, и равнодушно рассматривала жутко изувеченные тела. Он передумал ее убивать.

– Почему не оплакиваешь свой народ?

– Это не мой народ, – женщина ожгла сотника вспыхнувшим взглядом. Она и правда совсем не походила на золотоволосых, светлооких руситок, рожденных среди снега и бескрайних лесов.

Сохор наклонился и концом плети подцепил нищенку за подбородок. На него глянули огромные, расширенные, черные словно деготь глаза. В этих глазах жила пустота. Такие бывают у людей, видевших смерть.

– Ты не руситка?

– Я алия-нуи. – На лице бродяжки появилось и сразу же исчезло горделивое выражение. Словно жемчужница раскрылась и тотчас захлопнулась, оберегая спрятанную внутри драгоценность. – Я ненавижу урусов.

Женщина пнула лежащий на обочине труп с рассеченной спиной. Сохору показалось, что грязный сверток у нее на руках шевельнулся.

– Мой народ жил здесь за тысячи лет до того, как с заката пришел первый урус. За ним еще и еще. Они были слабы – мы сильны. Очень скоро все изменилось. Урусы гнали нас, преследовали, убивали, травили, словно диких зверей, выжигали огнем. Кроме нас, тут обитали хаэры, мангвэки, ситуроны и саари-долэны. Всем хватало места и пищи. Где они? Исчезли, а нас, алия-нуи, осталось так мало.

– Значит, мы помогли вам, – усмехнулся Сохор. – Города руситов разрушены, множество перебито, тысячи бредут на невольничьи рынки. Вороны и волки пируют. Бату-хан отныне владеет этой землей. Руситы победили вас, мы победили руситов. Монгол-улус сила!

– Ты прав, господин, – женщина склонилась в поклоне. – Но теперь нам нечего есть. Мои дети голодают.

Она приоткрыла сверток. Сохор сипло вздохнул. В сальной шкуре ворочался голый ребенок: уродливый, запаршивевший, безносый, с огромной головой на ломкой, худенькой шейке, пронизанной болезненной сеточкой тоненьких вен. На сотника уставились мутные, вздернутые к вискам глаза. Таких надо убивать сразу после рождения и сжигать. Во время беременности мать видела демонов. Ребенок пялился на всадников и обсасывал воронью лапку морщинистым старушечьим ртом.

– Мне нужен этот хухэд, – проскрипел Хулгана.

– Дай ребенка, – потребовал Сохор у женщины.

– Нет, господин, умоляю, – мать отшатнулась, прикрывая уродца. – У меня нет ничего, кроме детей и вот этого.

Она выпрямилась и протянула руку. Завораживающе и мягко блеснуло. Сохор замер. На ладони нищенки переливалась и сверкала золотая брошь дивной тонкой работы.

– Отдай, – жадно потребовал сотник, завороженный невиданной красотой.

– Возьми, господин, она твоя, – женщина легко рассталась с сокровищем.

– Не левой рукой – правой, – поморщился недовольный задержкой Сохор. Глупая баба.

– Мне незнакомы ваши обычаи, прости, господин, – оборванка переложила брошку в правую руку, неловко поддерживая грязный сверток с ребенком.

– Левая рука приносит несчастье, остерегайся приносить ею дары, если не хочешь навлечь на человека беду. В следующий раз я не буду столь добр и отрублю тебе эту руку, – снисходительно пояснил Сохор и осторожно принял грубыми черными пальцами изумительное кружево ажурчатой скани с вплетенным в середину чистейшим изумрудом размером с косточку сладкого миндаля. Одно неловкое движение, и казалось, чудо рассыплется в прах. Брошь была ледяной.

– Откуда? – изумился Сохор.

– Из сердца Леса, – бродяжка мельком указала на неровную гряду еловых вершин. – Урусы зовут его Злым, мы нарекли его Каш-ан-Рвааг, Лес тысячи танцующих демонов.

«Вот оно», – по спине сотника пробежала легкая дрожь, как у охотничьего пса при виде добычи. Сам Тенгри послал ему это благословение.

– И много там безделушек? – спросил сотник нарочито безразлично.

– Легче сосчитать звезды на небе, – откликнулась женщина. – И все они будут твоими, о господин. Я проведу, я знаю дорогу. Взамен прошу только немного еды для себя и моих несчастных детей.

– Зачем тебе я? – удивился Сохор. – На одну эту брошь можно купить табун лошадей, вволю есть парного мяса и пить кобыльего молока.

– Раньше я так и делала, господин, брала немножечко, чтобы Лес не обиделся, и выменивала в уруских деревнях на еду. Но пришли вы. Теперь нет урусов, нет деревень, нет еды. А золотом не насытишься, господин. Я отдам тебе все, господин, ты станешь богаче королей закатного моря.

Утро, начавшееся скучно и серо, обернулось удачей.

– Так ли тебе нужен ребенок? – повернулся к шаману Сохор.

– Этот хухэд отмечен духами, – Хулгана хищно клацнул подпиленными зубами. – Хулгана будет гадать на внутренностях и узрит будущее, скрытое темной пеленой Хаан-Танагэ.

– Эмэгтэй знает дорогу в Лес, Хулгана.

– Она проведет нас? – шаман замер в седле.

– Вряд ли, если ты выпустишь ее ублюдку кишки.

– Оозгойн толгой, улу хем, бу шода, – сыпанул ругательствами шаман. – Хулгана подождет, пускай ведьма-шулма укажет нам путь.

– Ты получишь хухэда, когда мы доберемся до места, – пообещал Сохор и перевел взгляд на женщину. – Как твое имя?

– Верея, мой господин.

– Ты приведешь меня к золоту и получишь столько еды, сколько захочешь.

– Я все сделаю, господин, но поклянись жизнью, душой и великим богом Тенгри, что ты не причинишь мне и моим детям вреда.

«Умная, сука», – отметил Сохор. Клятва Тенгри нерушима, если не хочешь навлечь на себя сто несчастий и обратиться в полночного духа – огу, вынужденного вечно скитаться среди умертвий и ведьм.

– Клянусь Тенгри, жизнью и душой, тебя и твоих детей я не трону, – смежил веки Сохор. За него это сделает Хулгана.

– Слово вылетело, о господин, – Верея тряхнула колтуном черных волос. – Я проведу тебя в Каш-ан-Рвааг, ты накормишь меня и моих голодных детей. Торопись, господин, нужно выступить прямо сейчас.

– Очир, – позвал Сохор, – собирай воинов.

Очир кивнул и умчался, настегивая коня. Послышались призывные крики. Монголы бросали копаться в нищих пожитках, добивали пленников и прыгали в седла. Деревня догорала в облаке сажи и копоти. Звонко щелкали угли, горький дым в сыром мозглом воздухе стелился к земле, вихрясь вокруг деревьев с опаленными ветками и конских копыт. Лошади осторожно переступали тела. Сколько таких селений было на пути Сохора? Он не считал.

Верея заковыляла вперед, прижимая ребенка к груди. Грязная тряпка, перевязанная через плечо, стала подобием люльки. Сохор одним движением коленей пустил Хуранцэг шагом. Сердце билось размеренно, гулко. Чавкала размытая весенняя жижа, прихваченная тоненьким, хрупким ледком.

Верея свернула с дороги на межу дремлющего снежного поля. По белоснежной целине тянулись стежки лисьих следов. Сохор улыбался. В этих землях так мало открытых пространств. Урусы выгрызают у леса клочки, корчуют пни, сеют зерно и собирают скудные урожаи, живя впроголодь. Рыться в земле – удел слабаков и рабов. Судьба настоящего мужчины – война и охота. Поэтому руситы слабы и беспомощны, скоро всякая память о них рассеется, и только Монгол-улус вечен и нерушим. Теперь не скоро эту землю взрежет борона или плуг. Трава встанет по пояс. Нет картины отраднее сердцу кочевника.

Неровная гряда леса медленно приближалась. Сохор сотни раз бывал на его краю и сотни раз отступал. Лес всегда обманывал, в свисте ветра слышался хохот. Лес приглашал, лес заманивал и звал в никуда. Обещался открыться, но через сотню шагов приводил к стене сомкнувшихся бок о бок столетних стволов, хлюпал трясинами, грозился утопить в толще снегов. Сегодня Сохор хотел победить. Он не доверял этой грязной, оборванной женщине, он не доверял никому, кроме себя, он слишком хорошо знал своих воинов. Законы Чингиза и железная дисциплина делали их лучшими воинами на свете, но при виде крови и золота они обращались в диких зверей. Сохор бросил взгляд за спину. Следом ехал, мерно покачиваясь, нахохленный Хулгана. Глаза шамана были полузакрыты, колокольчики, вплетенные в черную, намазанную салом косу, мелодично позвякивали, прогоняя злых духов. Спокойствие шамана было обманчивым, он жаждал скорее прикоснуться к тайнам и силе, сокрытым в непроходимой, мертвенной чаще.

Послышались молодые звонкие голоса: неунывающие братья Гунжур и Жаргал затянули песню о древних героях и подвигах. Жаргал подыгрывал на сладкозвучном ятаге, имеющем двадцать одну струну.

На краю поля вытаял огромный окатанный камень с высеченной картиной охоты. Худые, длинноногие люди преследовали горбатого зверя с исполинскими, загнутыми кверху рогами. Тропа кончилась, под копытами затрещал смерзшийся наст, откалываясь кусками и сверкая в лучах пригревшего солнца. Вереница всадников спустилась в неглубокий овраг. Застоявшаяся на дне мутная талая вода щетинилась ломким сухим камышом.

Сохор, моргнув, обнаружил вдруг, что лес теперь за спиной. Он недобро уставился на Верею. Что задумала эта шулма? Кружит, играет. Через сотню шагов лес оказался по правую руку, мелкий рябинник сменился березовой рощей, полукольцом уходящей в сторону сгоревшей деревни. Там в небо до сих пор сочились струйки черного дыма. Тянуло сырым деревом и пресным запахом осевших снегов.

Чаща подкралась как волк. Березняк отхлынул, к небу взметнулись громадные, в пару обхватов, ели, склонившие тяжелые мохнатые лапы до самой земли. На опушке Сохор увидел молельное место. Густо стояли вкопанные кресты распятого бога, потемневшие и из свежего дерева. Расшатанными зубами старика торчали осклизлые идолы-охранители, слепыми ликами обращенные в лес. Ветки елок густо унизывали разноцветные ленты. Обрывки ткани вились и хлопали на ветру.

Монголы остановились, песня утихла. Хулгана сполз с коня и засеменил, проваливаясь по колено в снег. Он шел, касаясь идолов и крестов. Остановился у деревьев, потрогал ветви, нашептывая молитву, оборвал с шубы серебряный колокольчик и подвязал среди лент.

– Чего это он? – удивилась Верея.

– Чужих богов надо чтить, – посмотрел на нее свысока Сохор. – Так велит Яса – закон Чингисхана. Иначе чужие боги могут разгневаться и отомстить.

– Урусы жгли чужих богов на кострах, а на святилищах строили церкви, – проворчала Верея. – Вы лучше урусов.

– Мы монголы, – гордо подбоченился Сохор. – Народ, избранный великим Тенгри. Ты обещала показать мне дорогу, шулма.

– Разве ты не видишь ее? – удивилась Верея.

– Смеешься, женщина? – Сохор бросил ладонь на рукоять сабли.

Шаман вернулся, переваливаясь на кривых коротких ногах, и взобрался на лошадь.

– Пускай ты и твои славные воины закроют глаза, – промурлыкала ведьма. – Доверься мне, господин. И пусть никто не подсматривает, особенно хитрый колдун, который вроде бы спит, но я задом чувствую похотливый, огненный взгляд.

Сохор подчинился, хоть ему это и не понравилось. Лес был насторожен и тих, свежих следов не видать. Если дрянная баба завела сыновей степи в засаду, она пожалеет. Сотник отдал распоряжение и закрыл глаза. Воины подчинялись беспрекословно, даже шаман.

– Я сосчитаю пальцы на руках и открою глаза, шулма.

– Времени хватит с лихвой, господин.

Сохор поерзал в седле. Его подмывало приоткрыть один глаз. Он сдержался. Верея бормотала рядом на непонятном языке, напоминавшем клекот орла.

– Готово, мой господин.

Сохор открыл глаза. Воины изумленно загомонили. Перед ними открылась дорога. Лес был словно разрублен ударом меча, просвет терялся в сумрачной чаще. По этой дороге могли проехать четыре всадника в ряд.

– Я поймала для тебя Блуждающую дорогу, мой господин, – улыбнулась Верея, заматывая руку тряпицей. Снег возле ее ног окрасился красным. – Кровь и древнее слово. Идем, врата скоро закроются.

Женщина смело перешагнула невидимую границу, воздух дрожал и пульсировал. Сохор тронул кобылу. Лес принял его. Вершины сомкнулись над головой, не пропуская солнечный свет. Снег на дороге растаял, но под деревьями лежал, ноздреватый, усеянный еловыми иглами, ямами просев у корней. Они не проехали и сотни шагов, как Хулгана кубарем скатился с коня, упал на колени и принялся разгребать снежное крошево, мох и гнилую траву, обнажая потрескавшуюся серую кладку.

– Я говорил! Я говорил! – Хулгана вскочил и пустился в пляс. – Хулгана чувствует силу! Ох-ох! Хулгана станет величайшим слугою Тенгри! – он погрозил в пустоту кулаком и вновь залился радостным смехом. Так радуется ребенок, которого отец первый раз сажает в седло.

Сохор оглянулся. Опушка, с идолами и крестами, исчезла. Деревья сомкнулись в неподвижном строю.

– Ох-ох, – глаза шамана блестели ярким огнем. – Прикажи ведьме идти быстрее, нукур.

– Откуда в лесу взяться мощеной дороге, шулма? – изумился Сохор.

Верея пошла у стремени, ее голос был чарующ и тих.

– Здесь не всегда был лес, господин. Много тысячелетий назад этими землями правили могучие колдуны. Они строили города и прокладывали пути, по которым шли могучие армии. Могуществом они не уступали богам. Боги разгневались и наслали с полуночи лед. Он был выше самых высоких деревьев и вершиной касался небес. Все живое бежало. Кроме колдунов. Они приняли вызов. Слишком заносчивые, слишком гордые. Они пытались остановить лед. Глупцы. Колдуны погибли, и белая стена стерла их города. Потом лед уполз и растаял, вода поднялась и поглотила огромный остров в океане, далеко на закате. Королевство колдунов исчезло, остались только фундаменты крепостей и храмов в лесу, мертвые камни, облизанные льдом и водой. Остались дыры в склонах оврагов, ведущие в запретную глубину и подземелья, где лежат древние книги на непонятных языках и сокровища.

Сохор передал разговор шаману. Сокровища Хулгану не интересовали. Хулгана затрясся при упоминании книг. Сумасшедший. Зачем книги не умеющему читать?

Лес по правую руку начал редеть. Деревья без коры стремились к облакам мертвыми, окостеневшими пиками. В прогалинах мелькала вода. Несло тиной и гнилью. Зловонная трясина в беззубой ярости грызла дорогу. Среди погибших осин раскорячилось старое городище. Раньше селение стояло на острове, но теперь болото пожирало его. Угадывались остатки бревенчатой гати. Земляные валы оплыли, убогие землянки обрушились. На кольях сгнившего, плесневелого частокола торчали позеленевшие черепа – звериные и человечьи. Некоторые из человеческих были совсем свежими – белыми, а один, с жуткой ухмылкой, отдавал краснотой, словно плоть содрали только сейчас. Сохор слышал о диких лесных племенах, чьи воины забирают в качестве трофеев лица врагов.

– На месте королевства колдунов вырос Лес, – продолжала Верея. – Урусы обходят его стороной, Лес убивает чужих.

– Почему Лес не убивает тебя? – внутри Сохора похолодело.

– Рожденные в Лесу принадлежат Лесу. Каждое третье дитя я отдаю Каш-ан-Рвааг. Когда я умру, мое тело будет питать корни деревьев. Этот Лес стоит на костях. Сдери мох, разбросай листья, всюду будут кости и черепа. Пока вы со мной, Лес не тронет и вас.

Солнце поблекло и съежилось, утонув в мутной розовой дымке. Болото отступило. По обочинам вздымались груды гнилого валежника. В кронах попадались свитые из прутьев гнезда чуткуртов. Свисающие с ветвей космы лишайника покачивались, словно живые. Ветра не было. Сохор чувствовал, как страх костлявыми пальцами ползет по хребту. Изредка в дебрях вздыхало: тяжело, надрывно и страшно. Но больше всего пугала дорога – прямая, черная, ледяная. Дорога не зарастала, Лес боялся вступить на нее, умершие деревья не падали на стезю, хотя по сторонам громоздились гниющие трупы лесных исполинов, дыбя вырванными корнями и распуская ребра острых, высохших сучьев. Зарослями владела обманчивая недобрая тишина. Не пели птицы, путь не пересекали животные. Лес затаился. Сохор затылком чувствовал следящий из чащи злой немигающий взгляд.

– Нукур.

Сохор вздрогнул, увидев десятника Тургэна. При штурме Бухары Тургэн попал под струю кипятка. Его правый глаз выкипел, вар прожег плоть на щеке до кости, оголив зубы в вечной жуткой усмешке, затек под панцирь и проложил на спине вздувшиеся багровые полосы. Сохор

помнил крики десятника, катавшегося под стеной среди горящих, залитых нефтью таранов и скорченных тел. Тургэн выл и рвал с себя одежду и хатагу. Монгольские тысячи лезли наверх. В тот кровавый день Сохор первым взобрался на стену и поднял ханский бунчук. Бухара пала. Ночью, оранжевой от пожаров, под свист дудок из человеческой кости и вопли умирающих жителей, Сохор получил звание сотника, черного жеребца и золотую пайцзе. А на рассвете в лагерь победителей приполз похожий на мертвеца Тургэн…

– Слушаю.

– Воины ропщут, нукур, Лес пугает сыновей степи, – просипел десятник, корча изуродованное лицо и плохо выговаривая слова. – Зря ты доверился ведьме. Ее нужно убить.

– Воины степей ничего не боятся, – возразил Сохор. – Ты знаешь меня, Тургэн, давал ли я повод усомниться в себе?

– Нет, нукур. Но воины говорят, ведьма обманула тебя, – десятник плюнул в сторону женщины.

– Успокой воинов, шулма под моей защитой. Ведьма ведет нас к несметным сокровищам, которые мы поделим поровну. Ступай, старый друг.

Десятник приложил руку к груди и унесся, нахлестывая коня.

– Злой человек, – обронила Верея. – Он хочет моей смерти, я вижу.

– Если обманешь, я убью тебя сам.

– Справедливо, – кивнула шулма. Ребенок у нее на груди забарахтался, вереща огромным птенцом. Мать принялась убаюкивать, приговаривая на непонятном чужом языке.

– Энивха имвала-млово, энивха имвала-млово, исундха хар.

В голосе ее было море нежности и любви. Ребенок орал.

– На, пусть заткнется, – Сохор достал из седельной сумки кусочек вяленого мяса и бросил Верее.

Та поймала на лету, как собака, мясо исчезло в складках засаленных шкур. Визг прекратился, мерзко зачавкало. Сохор получил благодарственный взгляд. Дорога мерно текла под копыта, деревья сплетались огромной ветвистой аркой, закрыв небо и отбрасывая длинные, зыбкие тени. «У этой дороги нет конца», – неожиданно подумал Сохор. Есть только начало. Это дорога духов.

Он увидел на обочине круг из черных камней шириной локтя в три и высотой по колено. Камни хранили следы обработки и были пригнаны так плотно, что не осталось щелей. Внутри разлилась темная, кажущаяся черной вода. Сюда не вели звериные тропы, деревья и кустарники вокруг искривились и покрылись серым налетом. Елки завязались болезненными узлами и потеряли хвою. Воины обрадованно заголосили, разворачивая коней.

– Не надо пить эту воду, о господин, – предупредила Верея. – Раньше, до ледника, тут была купальня для ведьм. Злая вода.

– Стоять! – рявкнул Сохор. – Шулма не велела пить эту воду!

– Твоя ведьма лжет, нукур, – возразил низенький кривоногий меркит по имени Баяр, вечно попадающий в неприятности. То шубу прожжет у костра, то потеряет саблю и получит плетей. Во время грабежа одной деревеньки на Баяра напала злобная руситская собака. Воины валились от смеха, когда из сарая на четвереньках, воя и вереща, выскочил Баяр с разорванными штанами и вцепившимся в задницу псом. Голову пса он долго таскал, подвесив к седлу, пока та не стала совсем уж жутко вонять. С тех пор к нему приклеилось прозвище Гроза Псов.

– Наши меха опустели! – упрямо крикнул Баяр.

– Воды!

– Мы с рассвета в пути!

– Ведьма уморит нас жаждой! – поддержали Грозу Псов остальные.

– В этой воде скрыта смерть, – спокойно ответил Сохор.

– Я ничего не чую, – внезапно проскрипел Хулгана, потянув воздух носом. – Шулме нельзя доверять. Кто хочет, пусть пьет.

Сохор подозрительно посмотрел на шамана. Что за игру он ведет? Сотник развернул кобылу и обронил в пустоту:

– Хорошо. Можете пить.

Воины не двинулись с места, боясь нарушить волю нукура. Их горящие глаза были устремлены на источник. Притих даже неугомонный Баяр.

– Ну чего застыли? Уходим, – приказал десятник Тургэн, жутко щерясь оголенной челюстью и пустой впадиной на месте глазницы.

– Я не боюсь слов шулмы! – Гунжур, молодой и стройный, легко спрыгнул с седла и шагнул к каменному кругу.

– Останови его, господин! – Верея коршуном метнулась наперерез.

– Уйди с пути, ведьма! – Гунжур отшвырнул женщину, она упала.

– Я с тобой, – поддержал старшего брата Жаргал.

– Умоляю! – кричала Верея и билась в грязи. Кто ее слушал?

Гунжур зачерпнул в ладони воды, понюхал, отдернулся с омерзением и счастливо рассмеялся, увидев, как испугались воины. Он напился, умыл лицо и возвестил:

– Ух, ледяная! Вкусней воды я не пробовал по эту сторону Икх-хээр!

Братья пили, брызгались, хохотали, поили коней. Лошади тянули воду сквозь зубы, фыркали и пряли ушами. Больше желающих не было. Угомонился даже Баяр. Воины хранили тревожное, сдержанное молчание.

– Почему бы тебе самому не напиться, а, Хулгана? – озлобленно поинтересовался Сохор.

– Ох-ох, Хулгана хватает воды, – шаман, неотрывно следящий за братьями, хлопнул по весело булькнувшей фляге из тыквы. – Хулгана слишком стар, чтобы спускаться.

Кавалькада продолжила путь.

– Безумцы, не ведают, что творят, – шептала Верея, заплетаясь в ногах. – Плохая, злая вода. Безумцы.

Гунжур и Жаргал смеялись, мелодично затренькал ятаг. Братья опьянели от собственной смелости. «Герои, хуз ам ухкун», – выругался Сохор про себя.

Ущербное солнце медленно шло на закат. Лошади беспокоились и храпели. Издали доносился приглушенный, тягостный вой. Воины озирались, лязгали клинками, ожидая нападения с любой стороны.

– Успеем до темноты? – нахмурился Сохор.

– Если не будем пить в каждой луже, – ощерилась Верея, ускоряя шаг.

То ли от странных воплей, то ли от спертого, тяжелого воздуха кружилась голова. «Сохор. Сохор, – стучал в висках тихий, смутно знакомый голос. – Сохор. Иржэнэ». Сотника начинало подташнивать. Чтобы немного отвлечься, он спросил:

– У тебя есть муж, замарашка?

– У меня было много мужей, – Верея сдула с лица упрямую прядь и обольстительно подмигнула. Ну, она так считала. – Ты можешь стать последним из них.

Сотник утробно забулькал, изображая смех. «Сохор, Сохор, иржэнэ», – стонало в затылке.

– Скорей я возлягу с овцой, она симпатичней и куда лучше пахнет.

– Может статься, рядом не будет даже овцы, – парировала Верея. – Тогда поглядим. А этого не слушай, обманет.

– Кто? – по-дурацки открыл рот Сохор.

– Голос в твоей голове. Это зов Леса. Не слушай.

Беседу прервал испуганный крик за спиной:

– Баяр!

– Куда ты, Баяр?!

– Стой!

Сохор развернулся. Голос в голове поутих. Воины сгрудились и возбужденно вопили. Сиротливо и жалко стояла лошадь без седока. Рядом валялось копье, круглый щит и украшенный конским волосом шлем. Баяр Гроза Псов сполз с дороги и враскачку шел в темнеющий лес дерганой, неловкой походкой.

– Баяр! – окликнул сотник.

Воин не обернулся; спускаясь в овражек, он хватался за ломкие, мертвые руки кустарника, по пояс проваливаясь в сырой подтаявший снег.

– Баяр!

Гроза Псов замер и медленно повернулся. Его глаза были безумны и черны, зрачки неимоверно расширены.

– Матушка, – выдохнул он. – Матушка Сэргэлэн зовет меня. Восемь зим я не видел ее.

Среди монголов побежал сдержанный шепоток:

– Духи манят Баяра.

– Пропал Баяр.

– Смилуйся, Великий Тенгри.

Гроза Псов дернулся, с трудом переставляя окоченевшие ноги. Беззвучный, настойчивый зов влек его в трясину.

– Останови его, господин, – взмолилась Верея. – Лес проглотит несчастного, переварит и выплюнет желтые кости.

– Нельзя вмешиваться в дела духов, женщина, – удивленно отозвался Сохор. – Духи всегда забирают того, кого выбрали. Если им помешать, будет беда.

– Разве это не твой воин, господин? Разве все вы не сражались бок о бок?

– Духи, женщина. Они всегда получают свое.

– Я иду, матушка Сэргэлэн, – хрипел Баяр, продираясь сквозь чащу. – Подожди, матушка!

Быстрая тень метнулась наперерез. Сохор увидел Верею. Черная женщина сбежала с дороги, догнала Грозу Псов и, схватив за плечи, навалилась всем телом. Монголы зароптали, понеслись гневные возгласы. Молчал и недобро хмурился Хулгана.

Баяр забился, завопил неразборчиво, пытаясь освободиться. Верея не отпускала. Она с неожиданной силой притянула голову воина к себе и горячо зашептала ему на ухо. Баяр врос в землю, затих. Спустя мгновение воин, прошедший десятки сражений, зарыдал, его плечи мелко затряслись. Шулма взяла Грозу Псов за руку и повела обратно, словно новорожденного жеребенка: послушного, недоуменного, дивно спокойного. Всадники спешили убраться с пути. Безумец, посмевший вырвать жертву у духов, проклят, к нему нельзя прикасаться, с ним нельзя говорить. Сохор однажды видел такое. Отец спас тонущего ребенка. Обоих забили камнями на берегу.

Верея подошла и сказала:

– Прости, господин. Лес хотел забрать этого человека, я не позволила, ваши духи тут ни при чем. На севере они бессильны, здесь все еще правят старые боги.

Баяр улыбался, как дурачок, и крутил головой.

– Ты прогневала чонов, – уперся Сохор. – Говоря с тобой, я подставляю шею под меч Моний-хор.

– Тогда убей меня! – Верея рванула хламиду на груди, обнажая иссиня-бледную плоть. – Руби, господин. А сокровища ищи сам.

– Обезумела, ведьма. Хочешь плетей?

– Секи!

Баяр пускал слюни и жался к Верее огромным преданным кобелем. Разве хвостом дорогу не мел.

Сохор замахнулся плетью-ташурдах и опустил руку. Хитрая проклятая баба. Не успел опомниться – схватила за горло, а хватка на зависть иному волчаре.

– Ты пожалеешь, шулма, а теперь веди меня, куда обещала.

– А как же гнев духов, о господин? Лучше гони меня прочь.

– К четгеру духов, – Сохор приподнялся на стременах и возвестил: – Эта женщина нарушила закон, но она под моей защитой, слышите?

Воины не ответили, храня угрюмое, злое молчание. Хулгана открыл синий рот, но сказать ничего не успел. Строй, рассыпавшийся неровным полукольцом, внезапно распался. Конь под Гунжуром выгнул шею назад, всхрапнул и повалился. Всадник успел соскочить, перекатившись через плечо. Передние ноги животного подломились, задние рыли мох и гнилую траву.

– Хух, проклятая кляча, вставай! – закричал разозленный Гунжур. – Ах хар ишэра!

Конь с жутким хрустом костей дернулся и затих. Из пасти, ноздрей, глаз и ушей текла черно-зеленая вонючая жижа. Вены под бархатистой кожей надулись и лопнули.

– Хот малэ! – Гунжур пнул мертвую тушу. – Скакал быстрее птицы, а теперь взял и подох!

– Что у тебя с лицом, Гунжур? – спросил сотник, увидев вокруг губ воина в редкой бороде россыпь мелких, сочащихся гноем язв.

– Где? – воин провел рукой по щекам, кожа под пальцами лопнула и поползла лоскутом.

– Я предупреждала, – зло прошипела Верея. – Плохая вода. Прикажи ему снять рукавицы, господин.

– Тебе не жарко в рукавицах, Гунжур? – поинтересовался Сохор. – Сними.

– Зачем? – оскалился Гунжур.

– Я приказал.

Гунжур медленно стащил рукавицу. Воины ахнули. Рука была словно ошпарена в кипящем жиру. Красная вспухшая кожа облезла лохмотьями.

– Совсем не больно, – пробормотал, криво улыбаясь, Гунжур и упал.

– Брат! – Жаргал вихрем слетел с седла, выхватил топорик и завопил: – Ведьма наслала харал!

Волдыри и гнойные язвы усеяли его подбородок. Левый глаз помутнел и покрылся черной паутиной.

– Убей, господин, убей! – заверещала Верея, прячась за сотника.

Сохор принял удар. Сталь встретила сталь. Он рубанул наотмашь, Жаргал попятился и упал. А когда поднялся, это был уже не Жаргал. Лицо исказилось и застыло в ужасающей маске, плоть на щеке лопнула, рана хлюпала гноем, зубы угрожающе щелкнули. Лошадь под Сохором фыркнула и заплясала, выбросив тонкую ногу. Копыто ударило Жаргала в плечо. Звякнула кольчуга, рука Жаргала повисла, но он этого не заметил, переставляя отяжелевшие ноги и клацая челюстью. Цус сорочч, – понял Сохор. Оживший мертвец. Спаси нас, Тенгри!

Хлопнула тетива, в загривок сорочча вонзилась стрела, Очир уже рвал из колчана другую. Храпели испуганные лошади, кричали воины. Неподвижный Гунжур ожил, царапая камни дороги и глухо ворча.

– Руби голову, господин! – вопила Верея. – Не дай мертвяку ранить себя!

Сохор выждал мгновение и рубанул. Клинок смахнул Жаргалу башку, звякнув о железо наплечника. Тело сделало пару нетвердых, пьяных шагов и рухнуло навзничь.

Гунжур поднялся на четвереньки и выхаркивал кровь. Ближайший воин пришпилил умерца копьем. Наконечник вошел между лопаток. Сорочч возился, дергался и стонал. В следующее мгновение сабля снесла ему голову.

Сохор выдохнул. Затея с походом в сердце леса перестала казаться ему привлекательной. Там, где властвует черная магия, нет места людям.

Сочно чавкнуло, пошла волна нестерпимого смрада. Конь Жаргала стоял недвижно и тоскливо смотрел в пустоту. Его живот лопнул, внутренности, превратившиеся в склизкое месиво, шмякнулись под копыта. От вони слезились глаза. Жеребец вступил копытом в собственные кишки и недоуменно скосил подернутый серой пленкой немигающий глаз.

– Шэб мэну тах, – выругался десятник Тургэн, и с маху обрушил на голову дохлому коню булаву. Ребристый железный шар проломил череп, жеребец покачнулся и беззвучно упал.

– Надо уходить, господин, надо уходить, – запричитала Верея. – Ночь близко, в темноте на запах смерти сползутся хорхеи и мерзкие скользкие карны.

– Уходим! – зло крикнул Сохор, разворачивая кобылу. Выяснять, что за хорхеи и карны, не было никакого желания. Хотелось оказаться как можно дальше отсюда. Он дождался шамана и сказал:

– Доволен, Хулгана? Они погибли из-за тебя.

– Хулгана не виноват, – мерзко захихикал шаман. – Духи приказали им пить. Так было нужно, нукур. Иначе как я проверю? Теперь Хулгана знает – старое колдовство до сих пор живет в этом лесу. Я ухвачу эту силу и заставлю служить.

– Мои воины умерли, не видя врага. Что я скажу их матерям?

– А что ты сказал матери Унура? Помнишь его? Вы не поделили пленницу в Мераге. Бедный Унур хотел познать свою первую женщину. Ты проломил ему голову. Какое тебе дело до их матерей? Меньше воинов – больше золота, разве не так?

– Так, – Сохор отвернулся, погрузившись в беспокойные мысли. Эта женщина… Почему заботится об отряде, будто она одна из нас? Предупредила о воде, спасла дурака Баяра, искренне переживала, как бы сорочч не цапнул живых… Что у нее на уме?

Голова раскалывалась, ныло в висках. Больное, исхудалое солнце, подернутое рваными лохмами туч, сорвалось за иззубренную гряду облезлых пожелтевших елей. На лес опустились зыбкие, бледные сумерки, меняя очертания предметов и играя с воображением. В чаще тягуче стонало и охало. Трещали сухие валежины. Холод струился из недр черных, бездонных оврагов. Дыхание превращалось в пар. Лес редел и расплывался. В просветах клубилась бледная, туманная марь. Видимость упала до пары десятков шагов. Навстречу из тягуче густеющей тьмы выплыла большая поляна.

– Пришли, господин, – в голосе Вереи промелькнуло удовлетворение.

Снег на поляне растаял, лишь кое-где гнездясь неряшливыми грязными кочками. В тумане проглядывались кривые деревья. Лошадь предостерегающе всхрапнула и дернулась. Задняя нога осыпала край бездонной дыры.

– Осторожно, – предупредила Верея. – Эти ямы ведут в древние каменоломни и шахты. И большую часть создали не люди.

Сохор огляделся, увидев еще с полдюжины похожих колодцев в венцах осыпавшихся склизких камней. Земля под копытами Хуранцэг была выстлана истлевшими костяками. В сухой полыни и космах огневки валялись продавленные грудные клетки, разбитые позвоночники, пялились пустыми глазницами пожелтевшие черепа. Ковром рассыпались осколки клинков, рассеченные щиты, обрывки кольчуг. Побежденные остались непогребенными, а победители были так богаты, что не собрали добычу. Или победителей не было…

Сохор задышал возбужденно и часто при виде позолоченных панцирей, резных шлемов с тонкой насечкой и сверкающих драгоценностями рукоятей мечей. Руситские, франкские и половецкие доспехи лежали вперемешку. Что за битва была здесь? Когда? Да какая разница! Главное, проклятая баба не обманула. Вот они, сокровища, достаточно протянуть руку и взять.

Сохор скатился с седла, под каблуком затрещали старые кости. Из рогатого шлема выкатился череп с остатками огненно-рыжих волос. В обветшавших лохмотьях сверкнула золотая фибула – олень, застывший в прыжке. Сотник схватил побрякушку негнущимися холодными пальцами. Рыжеволосый череп наблюдал за ним и насмешливо скалился. Ничего, ухмыляйся,

мертвецам сокровища не нужны. Дальше блеснуло золото, в сумерках жаром переливались драгоценные камни. Воины слезали с коней, ползли на коленях, собирали сокровища горстями, вороша и разбрасывая мертвые кости.

Сохор потерял голову, заметался по поляне и счастливо закричал:

– Ох шулма, благодарность моя будет безмерна! У тебя и твоих детей отныне будет вволю еды!

– Ты прав, сотник! – голос Вереи изменился, из него исчезли подобострастные нотки. – Сделка завершена, тебе золото, моим детям еда! Ах уэн таргалэв!

Сохор обомлел. Женщина прыгнула к шаману, в полутьме жутко сверкнула сталь. Хулгана дернулся и заорал, кровь из распоротого брюха плеснула Верее в лицо.

– Придите, дети мои. Время пировать! – Верея выпрямилась, жалкая хламида упала с плеч, обнажая крупную тяжелую грудь. Баяр ползал у ее ног и протяжно скулил.

Хулгана шмякнулся на землю и сдавленно выл в стремительно набухающей луже. Из свертка, оброненного ведьмой, выкатился ребенок. Его мать не видела демонов, она совокуплялась с ними, и сама была демоном. Выше пояса дитя еще походило на человеческое, пусть и уродливое, но ниже пояса вилась бахрома из тонких черных присосок, блестела чешуя, сочилась вонючая слизь и жадно шарила вторая пара недоразвитых рук. Страшилище подползло к еще живому шаману и принялось жадно, взахлеб лакать свежую, дымящую кровь. В темном лесу одновременно зажглись десятки холодных безжизненных глаз. Совсем рядом зашуршало, заклацало. Звук шел из колодца. Застоявшийся воздух резанул протяжный душераздирающий вой, исполненный злобы, голода и лютой тоски. Пахнуло мертвечиной и гнилью. За край уцепилась тощая когтистая лапа. Кто-то заорал, вроде Очир, но Сохор уже убегал. Крики ужаса за спиной сменились рычанием, визгом лошадей, воем, стонами, треском рвущейся плоти, сломанных костей и сминаемого железа. Сохору было плевать. Он ворвался в лес, едва не упал, зацепившись за корень, и вломился в колючий кустарник. Оцарапал лицо, ветки хватали кольчугу, рукавицы и шлем куда-то пропали. Вечерняя полутьма приняла сотника, деревья прыгали и кружили дьявольский хоровод. В голове возникали обрывки мыслей: вот откуда эти сокровища, вот почему ведьма истово охраняла отряд! Лживая тварь! Так пастух бережет свое стадо, ведя его на убой.

Сохор бежал, крики утихли, взошла зловещая, торжествующая луна. Гибкие зловонные тени скользили по сторонам. Он задыхался, кололо в боку. Ночное светило гналось следом за сотником, деревья скрипели и ныли, хлопьями пепла повалил бархатный снег.

– Сохор! – ласково позвал мертвый голос из темноты. – Зачем ты бежишь?

Сотник с размаху врезался в огромный морщинистый дуб и повернулся, прижавшись спиною к стволу. Верея шла за ним, высокая, обнаженная, дивно прекрасная. Глаза пылали, с алых губ на вздернутые соски капала кровь.

Сотник окоченел. Он грабил города и по приказу ханов вырезал народы под корень, меряя детей по тележному колесу. Видел горы трупов и горящие города. Он никогда не боялся. До этого дня. Ярость степи оказалась бессильна, столкнувшись с ужасом, таящимся в этих лесах. Монголы сами выпустили этот кошмар, загнанный непокорными урусами в глубь молчаливых проклятых чащ.

– Будешь моим мужем, храбрый Сохор? – ведьма приближалась, покачивая широкими бедрами. Манящая, желанная, отвратительная и смертельно опасная. Ее лицо неуловимо менялось, от мерзкой хари до прекрасного лика.

Сохор рванул саблю из ножен. Тварь скалилась. В следующее мгновение сотник полоснул дымчатым лезвием по горлу, харкнул кровью и рухнул лицом в подтаявший снег. Ничьим мужем он быть не хотел.

Отряд нойона Мундхалая неделю рыскал по раскисшим дорогам, натыкаясь на пепелища, разбухшие трупы и стаи крикливого воронья. Удача покинула Мундхалая, родича самого Батухана, корня Чингиза, да пребудет с ним вовеки милость Тенгри. Селения и деревеньки в округе были разорены, деревья на пожарищах сгибались под грузом вздернутых тел. Орда уходила, подгоняемая ранней весной, оставляя за собой безлюдье, пепел и тлен. Ничего не осталось, кроме остывших угольев, тряпья и втоптанных в грязь горстей зерна.

Юный нойон задержался на снежных перевалах Кауказ-куирши, упустив лучшее время, когда исчезали в пламени руситские города, а худшие из воинов пихали в тороки резные чаши и золотые оклады с почерневших намоленных досок руситских богов. Теперь Мундхалаю было нестерпимо стыдно возвращаться без добычи и пленников, на посмешище беззубым старухам. Злые, незнающие пощады языки прилепят обидное прозвище: «Горе-воин», «Пустые руки» или хуже того: «Нойон, который всегда позади». Кто пойдет с таким ханом в поход? Отец, старый, полуослепший, потерявший в битвах руку и глаз, отвернется, велит надеть платье и отошлет младшего сына жить в женскую половину юрты, следить за скотиной и очагом. Останется только бежать или броситься чревом на меч. Незавидная судьба для молодого батыра, грезящего битвой и подвигом.

От позора юного Мундхалая спасла случайность. Сам Тенгри смилостивился над ним. Вчера в лагерь пришел оборванный монгольский воин и посулил нойону сокровища. Воин плохо выговаривал слова и горло его украшал багровый, жутко вздувшийся шрам. Сегодня он повел отряд Мундхалая в лес. Взамен он просил пустяка – еды для своих голодных детей и беременной жены-эхнэрэ.

Иван Белов

Лепила

– Жри таракана, урод! Жри, кому говорю…

Жанна изо всех сил сжала тонкие пальцы на шее Жирунделя, пригибая его голову к пластиковому контейнеру из-под морковки по-корейски – с тройкой дохлых, крупных рыжих тараканов на дне. В карих глазах Кислоты – верховода и заводилы небольшой компании – крепла злость. Жанна очень не любила, когда ей перечили – особенно те, кого она считала «ссыклом и никчемышами». А уж если вдобавок они были толстомясыми, как Ленька, стоящий на коленях возле серого бетонного кольца с бледно-красной надписью «ГАЗ», криво торчащего из пыльной земли окраинного пустыря, то Жанна запросто могла прийти в бешенство.

– Жри, падла! Ну!

Ленька отчаянно замотал головой, с губ сорвалось: «Кхы-ы, не, не».

– Кислота, а ты их это… сиропом полей, – хихикнул Илья, щурясь на полуденном июньском солнце. – Клубничным. Он еще и добавки попросит!

Стоящие рядом с ним Костя и Денис промолчали. Происходящее им совсем не нравилось, но перечить Жанне не хотели ни один, ни другой. Дело было даже не во втором месте по рукопашному бою, которое она заняла на областных соревнованиях полтора месяца назад, а в том, что Ленька сказал про нее такое, чего говорить – никак не стоило…

Жанна скосила глаза на Илью:

– Ты предложил, ты за сиропом и вали! Чего тормозишь?!

– Кислота, ты че? Я же это… приколоться хотел. Че ты сразу, а?

Он знал – если Жанна шутку не поддержала, то лучше отыграть назад. Иначе может прилететь и ему. Бывали случаи…

– Не хочешь жрать? – Жанна снова переключилась на Леньку. – Ла-а-адно, полудурок… Тогда собачьим дерьмом рожу намажу. Тюфяк сегодня целую кучу навалил, как знал, что пригодится. Дэн, пакет дай. Ну, быстрей!

Цыганистый, низкорослый и прихрамывающий на левую ногу Денис с явной неохотой сделал три шага, протянул Жанне желтый пакет-«майку». Она достала из него длинную резиновую перчатку и старательно завязанный прозрачный пакетик с собачьими фекалиями.

Положила его на ребро кольца, возле контейнера, и без спешки начала натягивать перчатку.

– Когда я ее надену, будет поздно. Лучше жри.

– Я н-н-не… – Ленька с ужасом переводил взгляд с пакетика на контейнер. – Па-а-ачему? Я н-н-ниче-е-его…

– А, ты белый и пушистый, оказывается? Ниче-го-о-о, скоро будешь коричневый и некрасивый… Лучше ням-ням, Жирундель: время кончается. Ну?!

Ленька громко всхлипнул и потянулся к тараканам.

Ребята слаженно отвернулись в тот момент, когда Ленька положил насекомое на язык. Закрыл рот и начал медленно жевать. Илья почувствовал, как желудок выталкивает к горлу тугой ком тошноты. Отвернулся и обильно сплюнул – раз, другой, часто и глубоко дыша ртом.

Плечистый неповоротливый Костя спасовал секунд через десять. Глуповатая веснушчатая физиономия застыла в гримасе нерешительного протеста.

– Кислота, может, харэ? Ну его…

– Не харэ. Пусть жрет. По одному за уродку, дуру и гадину. В другой раз подумает, прежде чем сказать… Все пускай думают.

Илья сдавленно закашлялся. Затею Жанны он не одобрял, но признаваться в том, что упомянутые ею ругательства всецело были его выдумкой – не собирался. Не стоило даже давать

повод для подозрения, потому что в таких случаях она становилась еще тем клещом: вцепится и не угомонится, пока не узнает всю подноготную…

Жрать вместо Леньки тараканов вперемешку с дерьмом Илья не желал. А ведь придется, если настоящий расклад вдруг выплывет наружу. При далеко не ангельском характере Жанна люто, отчаянно ненавидела ложь, карая за нее жестко и беспощадно, не делая различий между приятелями и недругами.

Леньку она шпыняла уже давненько, но в основном по мелочам, походя. Толстый, «плюшевый», с задержкой развития Жирундель вызывал у нее глухое раздражение, потому что напоминал младшего брата – пухлую, вконец избалованную скотину, почти без остатка забравшую себе родительскую любовь и внимание. Вот и срывалась время от времени, но без последствий…

Ленька безропотно сносил ее плевки, издевки, тычки. Словно Жанна была для него неизбежным и неодолимым злом, на которое не имело смысла жаловаться Ольге Андреевне, единственной живой родственнице, которая стала опекуншей Леньки после гибели родителей, бездетной и самозабвенно любившей племянника.

Честно говоря, сейчас Илья напрочь не мог упомнить, что дернуло его наклепать на Леньку. То ли скука, то ли плохое настроение: а может – все вместе…

Правда, он думал, что Жанна сорвет злость обычным способом, разве что тычков с подзатыльниками будет в два-три раза больше. Но она в тот день вдребезги разругалась с родителями и потому уготовила другую месть.

Илья мысленно костерил себя последними словами, но молчал. Оцепенело глядя, как Ленька глотает таракана, неверными движениями засовывает между посеревших губ следующего… Как будто что-то заставляло смотреть, не отводя взгляда. Во рту возник и не мог исчезнуть странный привкус, словно Илья сам только что размолол зубами хрусткую хитиновую оболочку цвета свежей ржавчины…

Он часто сплевывал вязкую, клейкую слюну, и с каждым мигом ему все сильнее мнилось, что Жанна обо всем догадается – и рассвирепеет вконец. Но минуты шли, а все оставалось по-прежнему.

Ленька сунул в рот последнего таракана, тяжело задвигал челюстью. А потом произошло то, чего Илья никак не ожидал.

Жанна резко надорвала пакетик с дерьмом и впечатала его в лицо Леньки. Растерла парой скупых, яростных движений.

– На, скотина жирная! Гарнир!

– Не, ну зачем, Кислота? – Костя покачал наголо бритой головой, с неприязнью глядя на Жанну. – Зря ты, епырь-жопырь, так…

– Да, зачем? – нахмурился Денис. – И так наказала уже…

Илья замер, выжидая, что будет дальше.

– Да пошли вы… Он не на вас пасть разинул. Я сама разберусь, чего ему до хрена, а чего – добавить…

Голос Жанны был страшен: приглушенный рык перемежался с шипением, от которого в груди заерзал шершавый холодный сгусток. Ненависть вылепила из симпатичной мордашки страшноватую маску, бесновалась во взгляде.

«Опять со своими поругалась, – понял Илья. – Сука, быстрее бы это все закончилось».

– Заткнись!

Он обмер, лихорадочно пытаясь сообразить, не произнес ли последнюю мысль вслух… И тут же с облегчением понял, что приказ Жанны относился не к нему. Ленька тоненько подвывал, часто вздрагивая всем телом. Изо рта тянулась ниточка слюны с рыжеватыми вкраплениями.

– Заткнись, урод!

– Да пошла ты… – с неожиданной злостью буркнул Денис. Шагнул к Леньке, доставая из кармана спортивных штанов мятый носовой платок. – Слышь, щас вытрем…

И – осекся, замер. Илья увидел, как в светло-карих глазах приятеля ворохнулось недоумение, тотчас же сменившееся испугом. Причину его Илья осознал через пару секунд, и холодный сгусток в груди взорвался, нашинковывая мышцы и мозг ледяной шрапнелью.

Ленька перестал выть и теперь хихикал, размазывая дерьмо по лицу. Илья медленно сглотнул, пытаясь убедить себя, что в хихиканье нет жутковатых, болезненных ноток, говорящих лишь об одном…

– Спятил, кажись, – Костя хрипло первым произнес то, что читалось на лицах у всех. – Жирундель, хорош, ну… Кислота, епырь-жопырь, ты че наделала?

– Тихо, тихо, – процедила Жанна, но Илья уловил в ее голосе ростки страха. – Притворяется, небось, урод… Заткнулся, кому сказали?!

Она схватила Леньку за подбородок и сжала что есть сил, заставляя замереть.

Вгляделась.

Илья следил за ней с дикой, вытеснившей остальные чувства надеждой. И в то же время – почему-то не сомневался, что надеется зря. Присосалась к душе обреченная уверенность, что Ленька точно тронулся умом, сбрендил… И это уже не исправить.

– Платок дай! – Жанна вдруг повернулась к Денису. – Быстрее!

Лицо у нее было бледное и отчаянное, но в глазах не мелькало и тени раскаяния. Жанна взяла платок и начала быстро, старательно вытирать Леньке лицо. Тот не сопротивлялся, продолжая хихикать. Жанна не затыкала его, негромко матерясь сквозь зубы, но Илья видел, как подрагивают ее руки.

Спустя минуту она побросала в пакет контейнер, платок, разорванный пакетик, перчатку.

– Все, уходим!

– А он как? – Денис угрюмо кивнул на Леньку.

– Он? – Жанна колебалась всего секунду. Потом подскочила к Леньке и сильно хлопнула его по спине.

– Домой вали! Пошел!

Тот вдруг умолк, заморгал, словно вникая в сказанное, а потом грузно, неторопливо потопал с пустыря, не оглядываясь на четверку.

– Вопросы кончились? Будем считать, что не было ничего.

Ребята молчали, глядя на уходящего Леньку. Жанна выдохнула сквозь зубы и чуть смягчила тон:

– Ладно, согласна, перегнула. Но назад уже не отмотаем, не кино. Да и так подумать: а что такого-то? Он и так с прибабахом был, а сейчас еще немного добавилось. Не убили же.

– Зря… – обронил Костя, не поворачиваясь к ней. Денис кивнул.

Жанна обвела друзей разочарованным взглядом.

– В общем, делайте что хотите. А я пошла. Надеюсь, вы со мной.

Она спокойно зашагала в другую от Леньки сторону, слегка покачивая пакетом.

Илья почесал нос, протяжно вздохнул:

– Пацаны, это… Ну, в самом-то деле, уже все. А я на Кислоту стучать не буду: в натуре, не убили же… Пошли, а?

Он шагнул вслед за Жанной, и этот шаг переломил угрюмую нерешительность друзей. Через минуту на пустыре никого не осталось.

Неделю спустя.

Новость принес Костя.

Сгрузил на горячий песок крохотного пляжа, целиком занятого их компанией, три запотевших «полторашки» дешевого «Буратино» и невесело оповестил:

– Тетка Жирунделя к Игнатьевне ходила. Сейчас слышал, бабки у магаза болтали… Епырь-жопырь, чего теперь делать, а?

Рука Жанны замерла на полпути к бутылке. На закаменевшем лице резко обозначились скулы: в жестком и – одновременно – растерянном прищуре коротко плеснулся испуг.

Денис и Илья царапнулись взглядами, колода карт в пальцах последнего мгновенно перестала быть послушной, тасовка сбилась с привычного ритма.

– И все? – сдавленно уточнил Денис.

– Ага.

Жанна все-таки дотянулась до бутылки. С хрустом свернула пробку, глотнула, закрыла бутылку, положила на песок.

– Подумай, может, чего забыл… – в ее голосе не было ничего, кроме равнодушия, но Илье показалось, что оно – как задернутые кулисы. За которыми набирают силу совсем другие чувства.

Костя помотал головой:

– Не, все сказал.

– Па-а-анятно… – Жанна мазнула взглядом по Денису, Илье. – И чего вы рожи-то как у покойников слепили? Страшно стало?

– А тебе не стало? – огрызнулся Денис.

– А может, и не стало! Вот если подумать, что мы про Игнатьевну знаем? Что она с нечистой силой тра-ля-ля? То ли ведьма, то ли еще какая-то фигня фигнянская…

Илья бросил колоду на песок, нервно защелкал суставами пальцев.

– Так и говорят…

– То-то, что – го-во-рят! А кто-нибудь видел, что она с чертями или демонами тусуется? Говорить что угодно можно. Я вот сейчас скажу, что Костян на самом деле – Человек-паук. Поверите?

Ответа не последовало. Жанна выдержала недолгую паузу и улыбнулась – широко, победно.

– Да, кстати! Кто помнит, с чего про Игнатьевну такие слухи идут?

Илья неуверенно пожал плечами:

– Лечит она, что врачам слабо́… Почти с того света вытягивает иногда.

– Точно! Потому и считают, что ведьма. Типа, если медицина ручками развела, а Игнатьевна помогла, то без нечистой силы не обошлось. Точно никто не знает, но все языками треплют! Правильно, что еще в нашем захолустье делать, как не чушь всякую выдумывать…

– А как же этот… Старченко или Сварченко? – встрял Денис. – Который зарплату рабочим на лесопилке зажимал, а потом за одну ночь поседел. Говорят, Игнатьевна ему показала, что за грехи бывает.

– Сколько это лет назад было? Пять-шесть где-то? А еще я слышала, что его тогда менты за что-то прессовали, посадить хотели. Думаю, что он из-за них поседел, а не Игнатьевна помогла…

– А Галька Мартышка?!

– Которая наркотой торговала? Обычная передозировка… Или ты поверишь, что она от собственных мозгов в горле задохнулась? Бред же. Ты побольше наших бабок слушай, они тебе еще чего-нибудь расскажут. Например… да чего угодно.

– А… – Денис беспомощно посмотрел на друзей, ища поддержки. Жанна ухмыльнулась с явным превосходством:

– Что, ничего не вспоминается? Вот и прикиньте, за столько лет, и – всего два случая, которые и без чертовщины легко объясняются. Против Игнатьевны-целительницы я возражать не буду, тут нормальных примеров хватает, что все так и есть. А все остальное…

Она говорила спокойно, неторопливо, словно разъясняя очевидное. Но Илья не сомневался: Жанна убеждает не их – себя. Ее испуг никуда не делся, он отодвинулся вглубь, потесненный «простыми и правдивыми» доводами, за которые Жанна будет держаться до последнего…

– Думаю, что тетка к Игнатьевне ходила, чтобы Жируделю мозги на место вставить. Вот и все. А вы тут большой жим-жим устроили… Согласны?

– Фиг его знает… – пробормотал Костя.

Остальные промолчали.

– Ну вас! – фыркнула Жанна. – Очкуйте дальше, а я купаться.

С речки они засобирались часа через два, когда горизонт неожиданно превратился в сплошную темно-серую опухоль, быстро наплывавшую на городок.

– На весь вечер зарядит, – пробурчала Жанна, застегивая босоножки. – И завтра тоже обещали. А я так надеялась, что нет…

Натягивающий шорты Денис внезапно замер в нелепой позе, звучно хрипнул горлом, словно отхаркиваясь. Жанна смерила его удивленным взглядом:

– Ты чего?

Вместо ответа он судорожно кивнул в сторону тропы, бегущей к заброшенной железнодорожной ветке. Все уставились туда.

Ленькина тетка осторожно спускалась по крутой насыпи, балансируя пухлыми руками, вымахавшие сорняки до пояса скрывали невысокую фигуру в голубом сарафане. Ее и четверку разделяло около полусотни шагов, но даже с такого расстояния Илья рассмотрел лицо Ольги Андреевны: застывшее, пугающее… Маска. От прежнего добродушия не осталось ничего.

– Братва, бежим, не? – сыпанул растерянной скороговоркой Костя.

– Стоять, – приказала Жанна свистящим шепотом. – Кто слиняет, гнидой буду считать… Запомните намертво – мы не при делах. Если что, молчите: я сама как-нибудь. Одеваемся, спокойно.

– А вдруг бить будет? – сдавленно проговорил Илья.

– Не очкуй, прорвемся…

Илья покорно принялся натягивать футболку, стараясь глядеть в землю, но взгляд неумолимо тянуло в сторону насыпи. Денис надел шорты, и теперь бездумно управлялся с завязками. Один узел, второй, третий…

– Харэ! – шикнула на него Жанна, и он испуганно замер. – Кроссовки не забудь…

Они закончили сборы, когда Ольга Андреевна была всего в десятке шагов.

– Ну, все? – спросила Жанна с деланой беззаботностью, как будто не замечая женщину. – Двинули, пока не ливануло.

Илья помедлил, желая пристроиться к ней за спину, стараясь не смотреть на тропу.

– Лепила-лепила, кривое рыло…

Тетка Жируделя заговорила нараспев, и в то же время – без малейших эмоций, мертво. Это сочетание пробрало Илью сильнее всего, и он застыл на месте, прикипев взглядом к невысокой фигуре в нескольких метрах от них.

– Глазки – врозь, зубки – врозь, приходи-ка как гость…

Слева от Ильи прерывисто и громко дышал Денис, сзади послышалось и тут же сгинуло неуверенное «а-а-аы-ы» Кости. Жанна превратилась в изваяние, чуть приподняв напряженные плечи, словно готовясь к рывку, драке. Ольга Андреевна поочередно переводила взгляд – такой же неживой, как и голос – с Жанны на Дениса, на Илью, на Костю. Как будто отмечала каждого печатью, от которой нет избавления…

– Была плата богатой, отработай же плату. Не врагом и не другом, воздавай по заслугам. День ли, ночь во дворе: приходи поскорей…

Ольга Андреевна замолчала. Илья со страхом ждал, что будет дальше.

Губы женщины внезапно дрогнули, в глазах мелькнуло подобие сожаления, словно она хотела что-то сказать или заплакать. Маска дала трещинку, но та осталась первой и единственной.

Тетка Леньки повернулась и быстро зашагала обратно к насыпи, провожаемая тревожным молчанием четверки.

– Никто не обоссался? – с фальшивой тревогой спросила Жанна, когда фигура в голубом сарафане скрылась за насыпью. – А то показалось мне – журчало что-то… Дэн, не ты?

– А ты самая смелая, что ли? – прошипел Денис. – Ты же говорила…

Жанна угрожающе сжала кулаки, шагнула к нему.

– Что я говорила?! Что все хорошо будет, и нам по миллиону подарят? Нет?!

– А это что было?! – Денис махнул рукой в сторону тропы.

– У тебя с ушами проблемы? Ладно, для глухих: стишок про какого-то лепилу с кривым рылом.

– Леха Шаман трындел, что так на зоне врачей называют, – вклинился в перепалку Костя. – Или, епырь-жопырь, лечилы… Не, лепилы, точно.

– Врачи тут с какого хрена? – опешил Денис.

Жанна развела руками:

– Может, у тетки Жирунделя тоже крыша поехала?

– Ты сама-то в это веришь? Сука, из-за тебя все…

Жанна ударила его кулаком в нос: коротко, умело. Денис вскрикнул, попятился, пряча нос в ладони. Нога угодила в ямку, он оступился, упал. Но сразу же начал подниматься, упрямо прогнусавив:

– Сука. Правильно тебя Ленька назвал…

Жанна молча прыгнула к нему, целясь ногой в лицо. Денис в последний момент убрал голову, и ребро босоножки чиркнуло его по уху. Жанна сумела не «провалиться», спружинила на носочках, развернулась, собираясь атаковать снова. В потемневших глазах крепла даже не злость – ярость.

– Э, завязывайте! – Костя сгреб ее обеими руками поперек живота, потащил назад. Второй пинок чуть-чуть не достал до подбородка Дениса.

Жанна яростно барахталась в захвате, локоть ее правой руки едва не расплющил Косте нос. Он громко матюгнулся, поднатужился и отшвырнул Жанну подальше от себя и друзей.

– Уймись! А то подеремся!

– Ну, давайте! Трое на одну! Ссыте?!

Илья прыжком очутился между ними. Растопырил руки, не давая Жанне сцепиться с Костей и побаиваясь, что вот-вот огребет сам. Отчаянно заорал:

– Заткнулись на хрен! Совсем, что ли?!

Он не ждал, что его послушают, но крик неожиданно подействовал. Жанна медленно разжала кулаки, презрительно сплюнула:

– Друзья называется. Да пошли вы вместе с лепилой, кто бы он там ни был.

– Кислота, погоди… – начал Илья, но Жанна показала ему «фак» и стремительно зашагала к тропе. Останавливать ее никто не стал.

– И что теперь делать? – растерянно бросил Костя, перескакивая взглядом с парней на Жанну и обратно.

– Прощения просить, – сказал Денис. Сочащаяся между пальцев кровь капала на камуфляжную майку.

Илья озадаченно посмотрел на него:

– У Кислоты?

– У Ленькиной тетки… Скажем, не хотели такого, это все Кислота. Нет, виноваты, конечно, но с другой стороны… Зараза, как бы сказать-то получше?

– Может, сразу перед Игнатьевной извиниться? – угрюмо проворчал Костя.

– Не… Говорят, если она что-то начала делать, то заднюю не включит, хоть ты обосрись…

– Если не включит, зачем тогда к тетке идти?

Денис с надеждой посмотрел на друзей.

– Ольга Андреевна добрая. Может, пожалеет, и к Игнатьевне сходит… Что-то же надо делать?

– Пожалеет, ага. Ты ее глаза видел? Мне стремно было…

– А вдруг она реально с ума сошла? – Илья обрадовался, что вместо него это спросил Костя. – И, епырь-жопырь, получится хрень какая-нибудь…

– А что ж она тогда не в психушке? – процедил Денис.

– Может, она только в этом совсем ку-ку стала… А так – нормальная. Бывает же такое?

Илья развел руками.

– Да фиг его знает… Может, и бывает.

На несколько секунд повисла тишина. Денис стащил майку, приложил ее к носу, невесело оглядел друзей.

– Пошли, чего стоять-то? Польет скоро. По дороге сообразим что-нибудь…

Сообразить ничего не получилось. Все десять минут до расставания шли в тягостном молчании, как будто затронувший их четверку раскол продолжал шириться, грозя новой ссорой. Илья втайне надеялся увидеть поджидающую их Жанну, но увы…

Дошли до перекрестка, на котором обычно расходились в разные стороны, неловко затоптались на месте.

– Ладно, пацаны… – первым нарушил молчание Костя. – До завтра.

Денис зябко повел плечами, отнял майку от носа.

– А с теткой как быть?

– Может, завтра решим? – вздохнул Илья. – Я, это… Думал, с Кислотой все-таки надо вместе, раз уж так вышло. Попробовать уболтать. Если не захочет, то – другое дело.

– А почему – кривое рыло? – внезапно спросил Денис. – Ну, лепила – кривое рыло…

– Это врач, который набухался в жопу, – грустно пошутил Илья. – Засечешь пьяного перца в белом халате – щемись куда попало.

Денис даже не улыбнулся. Скупо, задумчиво кивнул:

– Ладно, увидимся. Звоните, если что…

И они разошлись.

Дома Илья первым делом набрал в Гугле «лепила, кривое рыло». Ему хватило полчаса, чтобы понять – ничего внятного он не найдет. Разве что несколько сайтов подтвердили правоту Кости насчет жаргонного названия врачей.

Ближе к концу поисков он поймал себя на мысли, что всерьез хочет, чтобы тетка Леньки повредилась рассудком. Ведь нет ничего хуже, чем ждать и бояться чего-то непонятного…

Потом он почти безвылазно сидел «Вконтакте», время от времени скидывая в личку Денису и Косте «все ок?». Ответы были такими же скупыми, не дававшими повода для тревоги. Илья написал и Жанне, та прислала в ответ злющий смайлик.

В половину первого друзья одновременно вышли из Сети. Жанна еще была онлайн, Илья написал ей: «завтра надо поговорить, очень важно», но сообщение осталось непрочитанным.

Спать он собрался в начале третьего, перед этим взяв с кухни нож побольше и поострее. Лег на бок, прижался спиной к стене и сунул нож под подушку, крепко сжав в ладони темно-коричневую деревянную ручку.

Засыпал Илья плохо, часто разлепляя тяжелеющие веки и беспокойно обшаривая взглядом тесноватое пространство десятиметровой комнаты. Ища любой намек на нечто выбивающееся из намозолившей глаза обстановки, но наконец соскользнул в тягучее, липкое забытье. В нем не было ничего, кроме каркающего усталого голоса, раз за разом повторяющего уже знакомые слова. «Лепила-лепила, кривое рыло. Глазки врозь, зубки врозь, приходи-ка как гость…»

«Игнатьевна, хватит!» – Илья затыкал уши и бежал – медленно, как под водой, надеясь найти место, где жутковатый стишок будет не слышен. Но слова, казалось, просачивались сквозь плоть, лезли в голову, неторопливо, но верно подталкивая к безумию…

Он хотел проснуться, и не мог, – трепыхался во сне, как мошка в паутине. Потом вдалеке возникла кособокая, нескладная человеческая фигура в белом, щедро забрызганном кровью халате. Она бросилась к Илье, протягивая неестественно длинные худые руки с хищно растопыренными пальцами к его груди, как будто собираясь вырвать сердце. Вместо головы над воротником халата торчал такой же – белый с красным – бугристый ком размером со средний арбуз, без носа, глаз, рта…

Звонок лежащего на подоконнике мобильного разбудил Илью за миг до того, как пальцы лепилы уперлись ему в грудь. Илья судорожно рыскнул по комнате взглядом без единой капли сна, убеждаясь, что он в ней один, что все без изменений, и схватил старенький «Самсунг». Номер был незнакомый, но Илья без раздумий нажал кнопку, принимая вызов.

– Але!

– Кирюха, не разберу, это ты, что ли? – протараторил в ухо молодой, чуть картавящий женский голос. – Это теть Зина Шашенина, мамку мне покличь…

– Вы это… ошиблись, – выдохнул Илья. – Нет здесь таких.

– Точно ошиблась? – огорчилась женщина.

– Да.

– Генка, стервец, номер неправильно записал, поди. Ладно уж, извини, что побеспокоила…

– Не страшно. И, это… спасибо.

– За что?

– За то, что разбудили…

Он нажал отбой, положил телефон на место. И только сейчас осознал, что ухитрился взять его, не выпуская из руки нож. Вымученно улыбнулся:

– Кривое, сука, рыло… Хрен тебе, а не мое сердце.

Старенькие электронные часы на компьютерном столе показывали без четверти десять. Илья вернул нож на кухню и сразу же сел за компьютер, зашел «ВКонтакт».

Никто из троицы в Сети не появлялся. Илья кинул им в личку «все ок?» и потопал в туалет. Вяло позавтракал, полтора часа погонял в «танчики», снова зашел «ВКонтакт». Все три сообщения остались непросмотренными.

«Начало первого уже… – Илья взял телефон, набрал Костю. – Не могут же все дрыхнуть?»

Мелко, противно задрожали пальцы. Длинные гудки вселили надежду, оказавшуюся недолгой. Костя не ответил. Дозвониться до остальных тоже не получилось. Илья чертыхнулся и начал одеваться.

Жанна жила ближе всех, в паре минут ходьбы. На детской площадке во дворе дома Илья увидел ее брата – Ярослава. Тот с ногами забрался на скамейку и кормил голубей, отщипывая кусочки от батона. Птицам доставалась половина, каждый второй кусочек Ярослав кидал себе в рот.

Илья направился к нему.

– Яр, привет! Сестра дома?

Десятилетний, большеглазый и похожий на филина толстячок лениво кивнул.

– Привет… Дома, да. Мама с папой в райцентр уехали, а я с Тюфяком погулять вышел. Но он удрал куда-то: жду, когда прибежит.

– Давно гуляешь?

– С час где-то. А ты зайти хочешь? Жанка вчера злющая была, вообще как зверюга. Думаю, сегодня тоже будет.

– Ничего, я быстро. Два слова сказать.

– Иди, дверь не закрыта. – Ярослав отправил в рот очередной кусочек мякиша и снова уставился на голубей. – Фиг ли смотрите, жопы с перьями? Нате, лопайте. Гули-гули…

Илья быстро зашагал к ближайшему подъезду недлинной панельной пятиэтажки, мгновенно найдя взглядом окна нужной квартиры на третьем этаже.

Никакого шевеления за стеклами. Правда, комната Жанны была на другой стороне, но Илья не стал тратить время на беготню вокруг дома. Домофон в подъезде не работал уже давно, и парень шустро одолел пять лестничных пролетов: замешкался у двери, решая – стоит ли входить без предупреждения.

Нетерпеливо нажал серую клавишу звонка.

«Плям-плям… Плям-плям…»

Чуть-чуть выждал, снова позвонил, следя за дверным глазком: не потемнеет ли. Прислушался. Вроде тихо.

«В туалете, что ли? Или в ванной?»

Новый звонок и полминуты ожидания перемен не принесли. Илья решительно повернул серебристую узорчатую – под старину – ручку, толкнул дверь от себя. Перешагнул порог.

– Кислота, это я! Разговор есть.

В комнате Жанны раздался слабый не то стон, не то всхлип. Страх набросил удавку на шею и начал затягивать ее. Илья замер, до боли сжав дверную ручку, борясь с желанием выскочить обратно в подъезд.

Сдавленно позвал, не сводя взгляда с дверного проема Жанкиной комнаты:

– Кислота… Это ты?

Шлепанье босых ног по линолеуму было неторопливым и сбивчивым, как будто идущий в коридор человек плохо держал равновесие. Или топтался на месте, раздумывая – стоит ли вообще показываться Жанне на глаза.

Илья напрягся, безуспешно пытаясь унять ожившую в теле дрожь. И снова выдавил, готовясь в любой миг рвануть подальше:

– Кислота… Ты че?

Тень, пересекшая порог комнаты, выглядела совершенно нормальной, человеческой, и Илье чуть полегчало. Раздавшийся следом стон-всхлип вернул все на свои места, удавка страха затянулась до предела, сделав тело ватным, неуклюжим…

В этом звуке отчетливо сквозила та же самая болезненность, которую Илья слышал на прошлой неделе в хихиканье Леньки. Спустя секунду Жанна вышла из комнаты и повернулась к приятелю лицом.

Что это именно она, Илья понял по короткой мальчишеской стрижке и ее любимой черной майке с изображением Призрачного гонщика на полыхающем байке.

Потому что узнать Жанну по лицу было невозможно.

В нескольких шагах от Ильи стояла уродина. Похожую он видел в ужастике про мутантов, название которого уже вылетело из головы…

Небольшой курносый нос Жанны задрался еще больше и скривился вправо, притягивая взгляд провалом пугающе огромной ноздри: как будто в нее запихнули невидимый палец и вдобавок – оттянули в сторону. Второй ноздри не было видно, словно ее приплющили к носовой перегородке.

Губы приоткрытого и перекошенного рта растянулись так, что из нескольких трещинок выступила кровь. От прежней ровности мелких зубов пропал и след, они либо наползали друг на друга, либо выгибались вперед…

Левый глаз сильно косил к переносице, а правый был немного утоплен в глазницу. Но совсем страшным его делало верхнее веко – задранное, неподвижное, не позволяющее скрыть уродство.

Аккуратный подбородок с ямочкой расплюснулся, съехал вправо. Скулы остались прежними, но уши выглядели так, словно лишились хрящей. С полторы дюжины глубоких длинных шрамов-рытвин перепахали щеки, виски, лоб.

Шея, плечи и все остальное было нетронутым, изменения коснулись только лица. Полное впечатление, что кто-то перелепил его на новый, кошмарный лад.

Лишь сейчас до Ильи дошло, что Жанна не кричит от боли. А ведь такие перемены не могли обойтись без нее, никак не могли! Если только их виновник не обладал особыми возможностями. Запредельными, потусторонними…

Жанна подняла руки к лицу, ощупала его кончиками пальцев: нервно, дергано. Опять простонала-всхлипнула и шагнула к Илье.

– Не-е-е… – тот отпустил ручку, попятился. Запнулся о порог, но не упал, успев схватиться за дверной косяк.

– Эугуэу… – сказала Жанна, ее глаза светились чистым безумием. – Аопыогыы…

Она открыла рот еще шире, и Илья увидел язык подруги – страшный, искореженный. Илья молча, отчаянно замотал головой. «Не подходи!»

Жанна медленно пошла вперед, и это помогло ему избавиться от жуткого, набирающего силу оцепенения. Он отпустил косяк, качнулся назад, ломая протест собственного тела: сделал шажок, второй…

И без оглядки бросился вниз по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек. Выскочил из подъезда, на секунду замер, решая – что дальше.

Побежал к детской площадке, лихорадочно пытаясь придумать, что скажет Ярославу. Почему-то крепло убеждение, что если брат Жанны явится домой один, то она обязательно сделает с ним что-нибудь страшное, непоправимое…

Илья добрался до скамейки, распугав голубей, встал напротив Ярослава. Тот испуганно сжался, побледнел.

– Т-ты чего?

Илья понял, что вид у него еще тот. Конечно, после увиденного в квартире…

– Яр, Яр… – он пробовал улыбнуться, но губы не слушались. – Ты, это… домой не ходи. Родителям позвони, чтобы побыстрее ехали. И сам подальше куда-нибудь уйди.

– А-а что такое? – боязливо спросил толстяк. – Жанка еще больше разозлилась?

Илья торопливо закивал, агрессивными жестами изобразив что-то непонятное самому себе.

– Как черт! Чуть лицо мне не разодрала. Не ходи!

– Ладно, ага… Все расскажу про эту заразу психическую…

Илье внезапно захотелось врезать ему по носу. Со всей дури, чтобы кровавые сопли широким веером – отсюда и до подъезда. Ведь если вдуматься, Ярослав как никто другой виноват в жестокости сестры. Не будь брат такой эгоистичной тварью, Жанна не срывала бы зло на Леньке: и не было бы тараканов, собачьего дерьма, стишка про лепилу. Того, что Илья видел минуту назад.

Казалось, Ярослав прочитал его мысли. Слез со скамейки и проворно засеменил с площадки, оглядываясь – часто, с опаской. Илья кое-как унял желание метнуться за ним, пнуть в копчик…

«Да все, на хрен, виноваты», – выдохнул он сквозь зубы и поспешно зашагал прочь, доставая телефон.

Звонок Косте закончился точно так же, как и четверть часа назад. Денис тоже не отвечал.

Илья сломя голову побежал к дому Кости.

На долгий суматошный трезвон, перемежаемый стуком в дверь, никто не откликнулся. Илья выскочил из единственного подъезда старой бревенчатой двухэтажки, растерянно огляделся.

– Внучек, потерял чегой-то? – дребезжащий голос был полон жгучего любопытства. Илья обернулся, посмотрел вверх. Из окна второго этажа выжидающе глазела узколицая остроносая старуха в очках, явно из племени «высоко сижу, на всех гляжу, обо всем расскажу».

– Бабушка, Костю не видели?! – не раздумывая, выпалил он.

– С первого этажа, что ль?

– Да!

– Ой, внучек! Дык его ишшо по утречку на скорой увезли! И мамка его с ним туда же!

Мир в глазах Ильи пошатнулся, потемнел и размылся.

– Что с ними?!

– Мамка-то ладом! У Костика с рукой чтой-то беда. Прям кошмар, как искривилась! Я такое первый раз видела, а скоро ужо девятый десяток выйдет-то, как живу…

– А с лицом у него все нормально?! – перебил ее Илья.

Старуха озадаченно моргнула, зачем-то потерла ухо.

– С лицом, говоришь? А чегой-то с ним не так должно быть? Лицо как лицо…

Она говорила что-то еще, но Илья сорвался с места, побежал к Денису, чувствуя, как в груди усиливается противный холодок, хотя на улице было жарко.

Он надеялся увидеть Дениса живым и здоровым, но случившееся с остальными заставляло готовиться к иному раскладу.

Дома у Дениса он застал лишь его малолетнюю сестру и приглядывающую за ней соседку.

– Ногу ему изуродовало, – сказала женщина, скорбно кривя рот: неверие в ее глазах переплелось со страхом. – Да жутко так, как будто половину косточек перемололо. Но крови – ни капли, мистика как есть. И ведь ничего не говорит, не помнит: как затмение нашло, что ли… Антон Борисыч в командировке, Наталья с Денисом поехала, меня вот попросила с Дианкой посидеть.

Она помолчала, словно припоминая что-то. А потом спросила – робко, будто преодолевая себя:

– Вы Игнатьевне ничем не досадили?

Илья молча помотал головой и ушел.

Спустя десять минут он стоял перед квартирой Ольги Андреевны. Закусил губу, сдерживая слезы: и с силой нажал кнопку звонка.

«Дз-з-з!»

За дверью была тишина.

«Дз-з-з! Дз-з-з!»

Этажом выше послышались шаги, на лестнице возник высокий худой невзрачный мужик средних лет – в мятой майке, черных трениках и шлепанцах на босу ногу, с пакетом мусора.

– Не звони, уехали… – скучно обронил он, проходя мимо Ильи.

– Как – уехали?! Куда?!

– А я почем знаю? На такси вчера вечером. Ленька с ней, и сумки с вещами: как в отпуск прямо.

Мужик ушел. Илья постоял с минуту, тупо, неверяще глядя на дверь квартиры, а потом зашагал вниз на негнущихся ногах.

В голове бултыхался только один вопрос: «Что делать?»

Вариантов было не так уж и много. Рассказать все родителям или попробовать справиться самому.

Первое не хотелось делать жутко, до дрожи. Во втором варианте уживались страх и – то возникающая, то снова исчезающая и почти безрассудная тяга доказать неведомому злу, что он способен постоять за себя.

Илья брел как в тумане, куда-то сворачивая, блуждая во дворах, переходя неширокие улицы где придется, один раз едва не угодив под машину. Он не знал, куда направляется, но точно не хотел идти домой. Троицу расплата настигла именно дома, причем Жанну – уже засветло. Возможно, он сам до сих пор цел и невредим именно потому, что вовремя покинул квартиру…

Илью вернули в чувство первые капли дождя. Он посмотрел по сторонам, отыскивая убежище; улыбнулся – скупо, безрадостно. Бездумное шатание привело его к недостроенному и бесповоротно заброшенному торговому павильону на выезде из города.

Около трех лет назад их компания обустроила здесь подобие штаб-квартиры. Не обошлось без стычек с другими положившими глаз на недострой, но безжалостность Жанны при поддержке остальных сделали свое дело.

Правда, в последнее время они приходили сюда все реже. А сейчас Илья осознал, что их четверка вряд ли будет прежней. Что все поменялось – навсегда и безвозвратно. Поменяли они сами – глупо, жестоко, не задумываясь ни о чем…

Он всхлипнул, еще раз, еще… Потом заплакал, не пытаясь сдержать слезы, и пошел ко входу в павильон. Он не знал, чего хочет больше: укрыться от дождя или побыть в прошлом. Пусть так, пусть недолго.

Небольшой торговый зал встретил привычным полумраком. Во время недолгой, но яростной войны за недострой три из четырех окон были разбиты, а потом заделаны фанерой и полиэтиленом. Раньше компания разгоняла полумрак светом фонариков и полудюжины свечей, а иногда, под настроение и по возможности – костром, который разжигали в центре помещения.

Илья вытер слезы, включил фонарик на телефоне. Пятно света пробежало по грязному бетонному полу, осветило дальний угол. Старый, не раскладывающийся диван-книжка и донельзя обшарпанное, но еще крепкое кресло-качалка – любимое место Жанны – стояли там же, где и раньше.

– Простите меня…

Покаянный шепот всколыхнул угрюмую тишину и растворился в ней без остатка.

Шорох за спиной!

Ужас еще не успел раскромсать сознание, а Илья уже шарахнулся прочь.

Прыжок, другой.

Он поспешно развернулся лицом к источнику звука. Луч фонарика заполошно рванулся вперед, отыскивая – кто, что. В воображении ожили забрызганный кровью халат, бугристая голова, хищно скрюченные пальцы.

– Пшел, су… – набирающий силу крик стремительно погас, – …ка. Э-э, ты кто?

Попавшее в пятно света и застывшее в причудливой позе обнаженное существо не двигалось, давая рассмотреть себя. Оно было тщедушным, не больше средней собаки, но причислять его к животным Илья бы не стал. Руки-ноги-тело выглядели скорее человеческими, и в то же время – в них имелось что-то странное, несуразное…

Скоро он понял, в чем дело.

Метрах в трех от него сидел уродец. Его левая нога росла из впалого живота, начинаясь там, где должен был быть пупок. Он, правда, никуда не исчез: торчал выше, рядом с правым соском. В глаза бросалось колено – размером с крупный помидор, огромное для такой худой, по-паучьи длинной ноги. На плоской, словно расплющенной стопе было всего два пальца.

Правая нога росла, откуда полагается. Но голень выглядела так, как будто ее переломали в двух местах и перелом не успел срастись. Три недостающих пальца с правой стопы перебрались на левую, нависая верхним рядом.

Гениталий Илья не заметил, но под кожей паха лениво ерзало-пульсировало что-то бугристое, округлое: как будто потревоженное в спячке.

Грудная клетка съехала вправо, и на ее месте перекошенным частоколом выпирали тонкие ребра. Левое плечо смотрело вверх, правое – вниз, и вдобавок сильно выдавалось вперед. Худющие руки висели плетьми. Правая была на треть короче и росла из подключичной впадины. Тонкие, неожиданно изящные кисти не имели никакого изъяна, разве что левая смотрела ладонью вперед, как при вывихнутом запястье.

Под бледной кожей костяными желваками упруго выпирали ключицы. На кривой длинной шее с пугающе острым выступом сместившегося вниз кадыка сидела круглая, безволосая и неестественно большая для такого тела голова.

Но самым жутким было лицо уродца.

«Глазки – врозь, зубки – врозь», – вспомнил Илья, невольно скривившись от отвращения. Увиденное исчерпывающе описывалось одним словом: мешанина. Будто лицо было подобием кубика Рубика, который старательно перекрутили, как можно затейливее поменяв местами рот, глаза, нос и все остальное.

Но этим не обошлось: черты лица сильно исказились, став похожими на отражение в кривом зеркале.

– Ле… лепила, – произнес Илья. – Только п-подойди, су… сука…

Тварь спокойно наблюдала за ним обоими глазами: узким, расположившимся там, где обычно бывает переносица, и вторым – чрезмерно выпуклым, размером с крупную сливу, торчащим на месте левой щеки.

Илья поймал взгляд нижнего глаза, и хотел сказать что-нибудь еще, громче, с угрозой… Но вдруг осознал: желание сопротивляться тает сосулькой в кипятке. Лепила гипнотизировал его, подчинял своей воле.

Шажок назад дался Илье с диким трудом, а отвести взгляд не получилось вовсе. На второй шажок сил уже не осталось, и он опустился на колени, безвольно завалился на спину.

Лепила нагнулся, опираясь на все конечности, и направился к нему. Расхлябанно, напоминая увечного паука, и ни на миг не выпуская из вида.

– Уйди… – с ужасом прошептал Илья. Голосовые связки еще слушались, но кричать уже не получалось.

Уродец приближался. Осталось четыре шага, три… Обезображенное лицо Лепилы не выражало никаких эмоций. Илья где-то читал, что такие лица бывают у тех, кому предстоит сделать что-то насквозь обыденное, привычное. Или же тварь просто не могла испытывать никаких чувств.

«Не врагом и не другом, воздавай по заслугам», – всплыло в голове. Уродец добрался до него, приблизив голову вплотную к лицу Ильи. Глаз еще больше вылез из орбиты, взгляд давил, словно хотел заглянуть в душу и понять, какой кары заслуживает очередная жертва…

Илья ждал, что Лепила примется за его лицо, но ошибся. Пах ощутил прикосновение холодной ладошки, уродец начал задирать футболку, обнажая живот.

Пошевелиться было невозможно, и Илья выл – уже беззвучно, исступленно желая проснуться. Лепила управился быстро, задрав футболку до солнечного сплетения. Кончики пальцев скользнули по животу, будто примеряясь, – а потом уродец плавно надавил, и плоть Ильи отозвалась несильной болью.

Рука Лепилы прошла сквозь кожу, мышцы, добралась до внутренностей. Илья ощущал, как ладошка хозяйничает в кишечнике, но мучений не было, словно взгляд снижал боль до терпимой…

Пальцы короткой руки нырнули под подбородок, изувечив голосовые связки в несколько скупых, выверенных движений.

Пятерня добралась до позвоночника, замерла… А потом – сдавила его. Илья услышал короткий, негромкий хруст, и перестал чувствовать свое тело.

Лепила неспешно, аккуратно вынул руку из живота. Короткая рука переползла с горла – на глаза: смежила веки. Открыть их Илья не смог. Веки словно склеились, спаялись намертво…

Спустя секунду он услышал звуки быстро удаляющихся шагов: Лепила закончил воздавать по заслугам и уходил.

Телефон в неподвижной ладони завибрировал, первые аккорды «Колобка» «Алисы» раскрошили тишину. Илья слушал мелодию и не знал, чего ему хочется больше: дождаться помощи или умереть как можно быстрее…

Вадим Громов

Моя вторая половина

Нынешней ночью – первой ноябрьской ночью, когда идет снег, густой и пухлый, как выпотрошенное ватное одеяло, – пропадает Рита из пятой палаты. Маргарита Зайцева по прозвищу Русалочка.

Об исчезновении Риты мы узнаем утром: в коридоре ярко горит свет и суетятся медсестры. Обычно эти тетки невозмутимее бытовых приборов – от кулера, стоящего в углу нашей палаты, и то проще дождаться эмоций, чем от любой из них. Мы выходим посмотреть, что стряслось. Даже когда несколько дней тому назад Левку по прозвищу Статуя, давно неподвижного, но теперь особенно тихого, с головой накрыли белой простыней и увезли на каталке по подземному переходу во флигель, все было спокойно. Совершенно спокойно. Буднично. А тут вдруг забегали.

По распорядку дня, который здесь именуется «режимом жизнедеятельности», шесть сорок пять – время «постепенного подъема», когда в палатах еще горят ночники, двери прикрыты, а коридор освещен тускло-синими лампами, из-за чего голубые обои в белых цветах похожи на дно замерзшей реки с мертвыми водорослями, а яркие рисунки детей из отделения реабилитации, развешанные зачем-то и у нас, выглядят как замороженные ошметки мяса. Я достаю из кармана пижамы смартфон и смотрю время: шесть сорок одна. Однако же двери распахнуты, и всюду полная иллюминация.

– Катя, Люда! Марш в палату!

– А что случилось, Светлана Алексеевна?

– Катя, убери телефон сейчас же!

Я навожу камеру смартфона на полное, аляповато накрашенное лицо старшей медсестры и фотографирую. Снимок получается жуткий: распахнутый черный рот, кроваво-красные губы, выпученные глаза под пунктирно прорисованными бровями, на заднем плане – рисунок кого-то из малышни, веселая осьминожка, не попавшая в фокус и оттого здорово смахивающая на человеческую голову со щупальцами. Я улыбаюсь, придумывая к этой фотке самые убойные теги для «Инстаграма». У нас с Лю общий аккаунт и уже несколько тысяч подписчиков. Народ привык, что мы постим чего-нибудь эдакое. Самый хайп был, когда мы только приехали в интернат. Я тогда придумала сделать целую серию фоток про его обитателей. Рассказать про каждого пациента с первого этажа нашего отделения. Народ на наш «Инстаграм» валил толпами, а смартфон у нас с боем изымали три медсестры. Мы потом его выкрали из директорского кабинета. У нас с Лю коэффициент интеллекта – двести шестьдесят семь пунктов на двоих. Для заведения, которое называется «Детский дом-интернат для умственно отсталых детей» – это самая настоящая катастрофа. Медсестры постоянно жалуются, что мы слишком много ходим, слишком много думаем и слишком много говорим. А главное – все сливаем в Сеть. Однажды директриса даже грозилась купить глушилку для Интернета, хотя вряд ли всерьез: медсестры тоже любят зависать онлайн.

Панику подняла молоденькая медсестра. Новенькая. Говорит, будто Русалочку, еще вчера вполне бодрую, куда-то увезли санитары и больше не привозили обратно. Светлана Алексеевна ругается на нее и грозит увольнением за то, что та поднимает панику без повода.

– С чего вы взяли, что она пропала? – кричит на новенькую старшая медсестра. – Да кому она, в самом деле, нужна?

И впрямь – кому нужна Рита Зайцева? Ребенок-отказник, как почти все здесь. В свои девять лет полная и смешливая Рита даже читать не умеет. Зато очень любит диснеевский мультик «Русалочка» и игрушечных рыбок. У Риты сиреномелия. Это значит, что ее ноги с рождения сросшиеся от таза до пят наподобие русалочьего хвоста. Самостоятельно Рита способна лишь медленно ползать, а в туалет она ходит только при помощи катетера.

Наверху, слышно, тоже суетятся, и кого-то там разбудили. Оттуда доносится резкий крик, который мы уже не раз слышали, но до сих пор не знаем, кто является его источником: на второй этаж отделения строго запрещено ходить всем, кроме персонала и посетителей из числа родственников (хотя таких, кажется, вовсе нет). Этот голос не похож на детский, да что там, вообще на человеческий. Монотонный и оглушительный скрип на одной ноте. Будто бесконечно поворачиваются проржавевшие петли огромных ворот. Нам с Лю почему-то всегда делается не по себе от этого звука, и мы возвращаемся в палату, закрывая за собой дверь.

Полдень, снег прекратился. Мы стоим на краю футбольной площадки. Несколько цепочек следов пересекают поле по диагонали. Небольшие отметины с ямками каблуков – директриса, миниатюрная энергичная дама, срезала путь от автостоянки до административного крыла. Большие тяжелые следы с пришаркиваниями – дворник, здоровенный глухонемой из бывших воспитанников интерната, шел расчищать дорожку к центральному входу. Я смотрю на следы и думаю о Рите.

– Как ты думаешь, куда ее перевели? Тут только одно отделение для таких, как она, – говорю я сестре.

– А нам вообще какое дело? – резонно замечает Лю. – Пошли лучше погуляем, пока можно.

«Пока можно» – это до половины второго, когда у детей из отделения реабилитации заканчиваются уроки. Нам с Лю запрещено попадаться тем детям на глаза. Считается, что это может вызвать у них «психическую травму», а они и без того эмоционально нестабильны. В первые дни после прибытия в интернат мы с Лю со скандалом требовали, чтобы нас поместили к «нормальным». То есть – в отделение реабилитации, где воспитанники сами передвигаются, сами себя обслуживают, посещают занятия и, если уж совсем честно, выглядят, ну как сказать… более-менее привычно для обывателя. То, что мы одним своим видом можем вызвать шок у всего отделения реабилитации, нам подробно объяснила директриса собственной персоной. «А мы что, не люди?» – огрызалась тогда Лю. «Вы хорошие девочки, но у вас слишком необычная внешность, вы должны понимать…» – юлила директриса. «То есть мы слишком фрики, – фыркнула я. – Ясно-понятно». И нас с Лю оставили в отделении милосердия. Правда, разместили в небольшой отдельной палате, где мы можем спокойно смотреть уроки по ноутбуку и выполнять домашние задания. У нас дистанционное обучение. Мы с Лю должны хорошо учиться, чтобы поступить в вуз. Хотим стать ветеринарами. Мы обе очень любим животных. Животным безразлично, как мы выглядим. Когда мы ходили в обычную школу, то посещали кружок животноводства, совмещенный с приютом для бездомных животных. Коровы и козы в небольшом хлеву, многочисленные кошки и собаки из приюта нам всегда были рады. Чего нельзя было сказать об одноклассниках. Хотя мы с Лю давно научились не обращать внимания на чужое удивление, отвращение или неприязнь. Однако из школы нас в конце концов все-таки выперли – точнее, спустя полтора года перевели обратно на домашнее обучение. Мы привлекали к себе слишком много «нездорового внимания» (по словам учителей) и «мешали учебному процессу». В школу время от времени приезжали журналисты, телевидение и все такое. Рассказывали про «равные возможности». Когда лавочку с «равными возможностями» прикрыли, это, похоже, стало для наших родителей последней каплей, и они развелись. Теперь мама в Чехии, папа в Соединенных Штатах. А мы – здесь. В интернате для детей с отклонениями. «Хорошее питание, постоянное медицинское наблюдение – и к тому же это совсем ненадолго!» Каждый из родителей звонит нам по скайпу пару раз в неделю и обещает забрать к себе, как только обустроится. Обустраиваются они уже не первый месяц. Отдыхают от своей «героической миссии» (выражение журналистов), которую, надо отдать им должное, тащили столько лет.

«Все эти годы они мечтали сбагрить нас подальше. Они нас сюда просто выбросили, когда мы их вконец достали», – сказала недавно Лю после очередного сеанса связи с предками, и мне – пожалуй, впервые в жизни – захотелось ее крепко стукнуть. Но я не стала этого делать: почувствовала, что мне тяжело дышать, и поняла, что Лю сейчас заплачет.

Мы пересекаем футбольную площадку. Под снегом – еще совсем живая, сочная зеленая трава, она топорщится в лунках наших следов, тщетно тянется к бледному морозному солнцу, она очень скользкая, и пару раз мы с Лю чуть не падаем. Взмахиваем руками – держать равновесие неудобно, потому что на нас обычная, всего с двумя рукавами, не перешитая куртка, ярко-красная, мне она очень нравится, хотя Лю предпочла бы что-нибудь поскромнее. Я вообще люблю яркие наряды, бижутерию, мейк-ап. Вот и сегодня Лю вынуждена была скучать, пока я рисовала стрелки и красила губы перед зеркалом. У меня светло-карие в прозелень – ореховые – глаза и волнистые, до пояса, темные волосы. У Лю – все то же самое, но свои волосы она давно попросила обстричь до плеч. Лю равнодушна к прическам, нарядам и макияжу. И вообще застенчива: я долго уговаривала ее на «Инстаграм». Все подобные затеи обычно принадлежат мне, недаром родители говорят, что у меня «шило в заднице». Зато Лю хорошо чувствует собеседников – сразу понимает, кто врет, а кто говорит правду. Я к сестре прислушиваюсь, она отлично разбирается в людях.

Мы входим в заросший парк. Беспорядочные растопыренные кусты, низко склоненные ветви. Мы нагибаемся, но все равно задеваем их, и снег сыплется нам на головы, застревает в волосах, тонкими мертвецки-ледяными пальцами пробирается за шиворот. Здесь почти никто не гуляет. Детей сюда вообще не пускают, даже тех, кто может нормально передвигаться и изредка под надзором воспитателя пинает мяч на площадке. Парк – это просто зона отчуждения. Ощетинившаяся голыми ветвями ограда, что надежно скрывает интернат от посторонних глаз. Нам в парк ходить тоже запрещено, но мы, разумеется, плюем на запреты. Нам здесь нравится: тихо и безлюдно, как на другой планете, а спрятанная в зарослях подстанция таинственно гудит, будто космический корабль. Мы с Лю иногда фантазируем, будто интернат – научная база вроде «Зоны 51», а дети-инвалиды – пришельцы с разных планет.

Ноги по щиколотки утопают в присыпанной снегом гнилой листве. Я осторожно переставляю правую ногу, Лю – левую. Главный врач отделения Виталий Иванович Симаков не перестает удивляться нашей координации. Мы не просто ходим – мы умеем бегать, танцевать, кататься на велосипеде, играть на пианино и делать стойку на руках. С четырьмя руками это, кстати, довольно легко. Родители, следует отдать им должное, вложили в нас уйму сил, времени и денег. Элитные медицинские и реабилитационные центры, лучшие физиотерапевты. Родители решили – раз уж им так «повезло» с нами, значит, следует стать счастливыми всем назло, с пафосом, напоказ. Мама с папой всю жизнь все делают напоказ – поженились не любя, лишь потому, что пришла пора создать семью, вознамерились завести детей, потому что так положено, и, следуя моде на «естественность», мама пришла на УЗИ на таком сроке, когда уже поздно было что-то предпринимать. Мы появились на свет, и свой новый долг родители взвалили на себя с истерическим азартом. «О, что вы, у нас совершенно, совершенно нормальная семья!» – выразительно говорила мама на камеру одного из центральных телеканалов. Только ночами мы слышали, что в нашей семье происходит на самом деле – бесконечные скандалы за стенкой.

Мы с Лю решили быть счастливыми просто так – пусть даже в интернате.

Чтобы подойти к забору, надо подняться на пригорок. Подъем не крутой, но долгий. Мы идем, и я начинаю чувствовать нехватку кислорода. Шагать все труднее, голова становится тяжелой, накатывает мучительная непрестанная зевота. Лю таращит глаза и хватает ртом воздух.

– Ты что, опять забыла кислородный баллончик? – напускаюсь я на нее.

– За… была. А ты… почему не напомнила?

– Я тоже забыла. Блин. Ну что, давай тогда назад поворачивать.

– Не… погоди. Отдохнем и пойдем дальше.

Мы садимся прямо в снег и переводим дух. Я глубоко и старательно дышу – за себя и за Лю. Вскоре нам становится легче. У Лю сильный сколиоз, и с каждым годом позвоночник искривляется все больше, что очень мешает ее легким. Врачи говорят, что сейчас ее легкие функционируют меньше чем наполовину, и дальше может стать только хуже, но делать операцию на позвоночнике Лю очень опасно: большая вероятность, что ее мы не переживем. Поэтому у нас в палате запас кислородных баллончиков, на всякий случай. И нам регулярно нужен осмотр врача. Когда Лю не хватает воздуха, удушье чувствую и я. Хотя мне, по словам докторов, повезло больше: с моим позвоночником все в порядке, к тому же именно я контролирую наши нижние внутренние органы. У каждой из нас по две руки, свое сердце, пара легких и желудок с поджелудочной, но общие печень, несколько ребер, кишечник, почки и все органы малого таза. Наши позвоночники сходятся в один повыше крестца. Я контролирую правую ногу, Лю – левую. Мы – сиамские близнецы-омфалопаги. Такие, как мы, обычно рождаются мертвыми или живут не дольше нескольких дней после рождения.

Мы с Лю живем на свете уже шестнадцать лет. Подобных нам, переживших детство, в мире лишь единицы. Разделить нас хирургически нельзя: слишком много общих органов, почти стопроцентная вероятность, что погибнет, по крайней мере, одна из нас. Поэтому мы просто живем – как получается, а получается вполне неплохо. И дальше собираемся в том же духе.

Солнце скрылось. Мне на правую руку, продетую в рукав общей куртки, падает несколько снежинок.

– Ты как? – спрашиваю я у Лю. Сама я удушья больше не ощущаю.

– Нормально.

Мы поднимаемся и идем дальше. Перед нами черный металлический забор с частыми прутьями, он ограждает территорию интерната. За забором пустынный пригород: узкий тротуар под нетронутым снегом, дорога с изредка прошмыгивающими автомобилями, автобусная остановка, пустырь, заброшенная промзона, гаражи, вдалеке – высотные новостройки, яркие, великолепные, именно на них мы и приходим посмотреть. Нам хочется туда, в жизнь яркую и новую, как те дома. Особенно хороши они в сумерках: вертикальные гирлянды празднично-золотистых огней. В нашем «Инстаграме» уже несколько вариаций этого пейзажа. Высотки хороши и сейчас, за вуалью редкого снега. Я просовываю руку со смартфоном сквозь прутья и делаю снимок. И чуть не роняю гаджет, чувствуя, как вздрагивает Лю.

Парень-велосипедист. Остановился на некотором отдалении и смотрит, разинув рот. Именно вот так обычно пялятся на нас все, кроме родителей и медперсонала.

А мы смотрим на него. Что он сейчас сделает? Сфоткает нас? Испуганно отведет взгляд и поскорее поколесит прочь?

Парень подходит ближе, ведя рядом с собой велосипед.

– Привет…

Наш ровесник. Высокий и стройный, светлые волосы выбиваются из-под шапки. Лицо – картинка, даже багровые прыщи на подбородке его не портят. Обалденно красивый парень. Я кошусь на Лю: та молча таращится на незнакомца так, будто это у него две головы и четыре руки, а не у нас. Я ее понимаю. После наших соседей по отделению любой человек симпатичной наружности покажется богом красоты и гармонии. Я навожу камеру смартфона на парня и смотрю в его удивленно расширенные глаза на экране.

– Ну, привет, – говорю я. – Что-то спросить хочешь? Спрашивай, не стесняйся.

Парень действительно стесняется, краснеет. Но все-таки спрашивает:

– Вы Катемила?

Так нас зовут в «Инстаграме». Моя придумка. Катерина+Людмила. Часть от каждой из нас, и получается что-то странное, но вполне цельное. Прямо как в жизни.

– Ага. Автограф хочешь попросить?

– Ну… вообще-то не… А… кто из вас кто? Меня Дима зовут.

– Люда, – говорит Лю.

Я наконец опускаю смартфон и смотрю прямо в глаза парню, ощущая нечто новое, непонятное: мне кажется, будто изрядная часть меня тут лишняя. И эта часть находится слева.

– Катя.

В следующие полчаса мы забываем о том, что нам холодно без шапок и в незастегнутой куртке. Диме семнадцать, он недавно приехал с родителями из другого города, в следующем году будет поступать в вуз, хочет стать программистом, у него дома три кошки, морская свинка и попугай, список его любимых музыкальных групп точно совпадает с нашим, и живет он в одной из тех ярких новостроек, теперь скрытых завесой снегопада.

– Как вы вообще тут оказались? – Его рука приближается к прутьям ограды и тут же отдергивается, будто это не забор, а клетка в зоопарке.

Лю молчит. Я нехотя рассказываю про развод родителей.

– Зачем вас сюда-то? Тут же одни дебилы и уроды всякие, – простодушно замечает Дима и сразу краснеет до корней волос. – Вот ведь я осел. Извините, а…

– Да забей, – говорит Лю. – Мы привыкли.

– Откуда ты знаешь, что дебилы и уроды? – спрашиваю я.

– Одноклассник с друганами сюда лазил. Они сталкерят по всяким закрытым объектам. Говорит, видел в окно мутантов с отростками из пуза, с двумя головами и вообще без лица.

– Ну, без лица – это твой одноклассник выдумал, – говорю я. – Мы уже почти два месяца тут, а таких не видели. А с двумя головами – это Таша и Таня, тоже сиамские близнецы. С отростками – это, наверное, Сережа, у него паразитарный близнец…

– Чего-чего? – теперь наш новый знакомый уже не краснеет, а бледнеет, аж до зелени.

– Забей, – говорит Лю.

Вернувшись в интернат, мы узнаем, что место Русалочки уже занято – теперь на ее койке новенький, мальчик с клешнями вместо рук и ног. Точнее, это не клешни, а по два больших пальца на каждой непропорционально короткой конечности. Называется этродактилия. Выглядит очень бесполезно и… уродливо. Мне неприятно произносить это слово даже мысленно, мы с Лю вообще стараемся никогда его не использовать – но я вспоминаю Димины руки, как он махал нам на прощание. Удлиненные ладони, крепкие красивые пальцы. Дима нашел нас в соцсети и теперь шлет нам дурацкие смешные картинки в личные сообщения. У Димы любящие родители, домашние питомцы и куча друзей. А у мальчика с клешнями нет никого. Скорее всего, от него отказались прямо в роддоме. Если и он вдруг куда-то исчезнет – никто не будет переживать. Разве что в каких-нибудь документах отметят…

Документация.

Это слово вертится у меня в голове спустя несколько дней, когда о Рите-Русалочке, кажется, уже все позабыли. Почему-то загадочный перевод в другое отделение (какое? отделений тут только два – реабилитации и милосердия) не дает мне покоя. Зудит и звенит, как спираль накаливания в лампе, которой суждено скоро перегореть.

– Очень странно, – говорю я. – Не может человек вот так взять и исчезнуть. Тут ведь ведется какой-то учет.

Лю понимает меня с полуслова. Неудивительно: наши нервные системы пересекаются.

– Надо посмотреть документы. Все это действительно как-то… непонятно.

– Давай залезем в их базу данных, – предлагаю я. – Тут наверняка есть локальная сеть.

Мы думали, что придется взламывать пароли, и собирались проконсультироваться на этот счет с Димой («Каждый порядочный программист должен быть немножко хакер», – похвалился он однажды посреди наших переписок в соцсети), но все оказывается гораздо проще. В кабинете старшей медсестры стоит компьютер. Мы запихиваем жвачку в замочную скважину и ждем, когда Светлана Алексеевна куда-нибудь отлучится. Кабинет она всегда закрывает на ключ. А тут у нее не получается. В конце концов она просто плотно прикрывает дверь, надежности ради припечатав ее толчком могучего бедра, и торопливо уходит. Мы пробираемся в кабинет. Если нас тут застукают, страшно представить, как нам влетит.

К счастью, никаких паролей на компьютере нет. Папки со списками воспитанников интерната мы находим быстро. Лю вставляет флэшку в порт, я щелкаю мышкой, копируя все папки подряд. Потом будем разбираться.

Едва выйдя из кабинета, мы натыкаемся на старшую медсестру.

– Вы что тут делаете? – пунктирно нарисованные брови Светланы Алексеевны ползут на лоб.

– А мы вас искали, – ляпаю я первое, что приходит в голову.

– Ну чего вам, говорите скорее, у меня дел полно.

– Мы хотели спросить, куда же все-таки делась Русалочка, – выдает Лю.

– Так… – старшая медсестра явно собирается с мыслями. – Девочки, не лезьте не в свое дело. Риты больше нет.

– Если она умерла, то где и когда? – Лю внимательно смотрит Светлане Алексеевне в лицо.

– Риты больше нет, – повторяет Светлана Алексеевна. – Все, хватит, не транжирьте мое время.

– Она чего-то здорово недоговаривает, – почему-то шепотом произносит Лю, хотя мы уже в своей палате, одиночной-на-двоих. Я верю Лю. Она отлично чувствует собеседников.

– Сейчас посмотрим. – Я открываю файлы с флэшки.

Русалочка в списке умерших. Ничего необычного. Большинство тех, кто населяет отделение милосердия, не доживают до совершеннолетия. Первое, к чему нам пришлось тут привыкнуть, – время от времени кого-нибудь увозят на каталке, накрытого простыней. При этом большинство здешних пациентов, даже увидев такое, на свое счастье из-за умственной отсталости не понимает, что к чему. А мы… Дистанцироваться – вот хорошее слово. Мы приучили себя дистанцироваться.

Но ведь Рита-то, по словам новенькой медсестры, была жива. И кстати – ту медсестру, похоже, уволили. Больше мы ее не видим в отделении. Все это очень подозрительно.

На ум мне приходят какие-то жуткие и идиотские вещи. Кто-то в интернате ворует детей, торгует органами. Дикий бред, конечно. Для большинства пациентов тут прожить очередной день и не умереть – уже победа. По словам врачей, у Риты была всего одна почка, и та недоразвитая.

В отделении милосердия мало кто с кем дружит. Для дружбы нужна хоть какая-то коммуникация, но многие здесь вообще не способны понимать других и выражать свои мысли. Большинство тут – словно единственные обитатели крохотных островов, затерянных посреди темного мглистого океана. На всю жизнь – Робинзоны, которым даже Пятницу не суждено встретить. Мы с Лю поначалу, как угодили сюда, пытались предположить, о чем может думать полностью парализованный с рождения слепой и глухой человек с крайней степенью умственной отсталости. «Овощ». Здесь таких только на первом этаже больше двух десятков. Лежат на кроватях, медсестры их кормят – некоторых с помощью зонда – и переворачивают, чтобы не было пролежней. Возможно, парализованные слепоглухонемые живут внутри себя, в своей голове, в собственном, непонятном нам мире с другими законами. Может – кто знает – они умеют создавать для себя множество увлекательных миров, иначе как же они вообще спо-

собны жить годами. Мы с Лю ложились на кровать, затыкали уши, зажмуривали глаза и долго лежали без движения, пытаясь представить кромешно-одинокую жизнь в бесконечной черноте. Не получалось. Хотя бы потому, что мы всегда чувствуем друг друга. Дыхание. Сердцебиение. Даже, кажется, отголоски эмоций. Мы с Лю никогда не бываем одиноки, нам невозможно представить, что это такое.

Те, кто может общаться, все-таки, случается, бывают связаны если не дружбой, то хотя бы симпатией, совместным провождением времени. Саша, с рождения безрукий и безногий, веселый восьмилетний говорун, обожает всех и каждого, кто согласен с ним поболтать. Сережа, застенчивый подросток с шокирующей наружностью – из его живота торчат деформированные руки и ноги недоразвитого брата-близнеца, неоперабельно вросшего туда еще в утробе матери, – любит посидеть рядом с Таней, у нее синдром Протея, она почти не способна передвигаться, потому что одна нога у нее худенькая и короткая, а другая – огромная, раздутая до слоновьих размеров, а половина лица скрыта под тяжелыми оплывшими глыбами кожных наростов. А Рита-Русалочка всегда радовалась нам с Лю. Махала нам толстой ручкой и показывала своих игрушечных рыбок.

Утро. Снова снежное. Природа за окнами крутит однообразное черно-белое кино – медленный снегопад, серые сумерки, воронье под окнами. На скрежещущее карканье вскоре начинает отзываться кто-то со второго этажа – своим невыносимым скрипучим воем. Многие пациенты в отделении милосердия никогда не произнесут ни слова. Все, на что у них хватает умственных способностей, – гуканье, хныканье или крик. Некоторые и смеяться не умеют. Вообще. Так, наверное, нельзя даже думать, но коровы, кошки и собаки в кружке животноводства умнее многих воспитанников интерната… Когда я однажды сказанула такое, Лю молча отвесила мне легкий подзатыльник. Всерьез мы никогда друг друга не стукаем, ведь каждая из нас ощущает отголоски боли, если что-то болит у другой. Чужая боль – почти как собственная.

Где-то не столь далеко отсюда, в нескольких километрах махрово-серого, будто пыльного снегопада, за стенами ярких новостроек люди принимают душ, готовят завтрак, между делом поглядывают в телик или в смартфон, одеваются, спешат на работу. В интернате – во всяком случае, в отделении милосердия – никто никуда не спешит. Медсестры уже развезли завтрак (в основном протертое питание) и накормили тех, кто не может есть сам. Через некоторое время придут психологи, логопеды, дефектологи, воспитатели к тем, кто способен на какие-то контакты с внешним миром, и массажисты, доктора – к тем, кто способен лишь поддерживать жизнь в своем теле.

Мы с Лю идем по длинному коридору отделения в поисках немногих из старожилов, способных думать, а главное, внятно разговаривать. Заглядываем в палаты. Мы хотим выяснить, пропадали ли тут пациенты раньше.

Вот Миша по прозвищу Орангутанг, ему семнадцать и у него микроцефалия: крошечная плоская черепная коробка, грубо прилепленная к большому мужскому лицу. Совсем скоро Мишу переведут во взрослый дом инвалидов, а пока он, в своем развитии так и не продвинувшийся дальше четырехлетки, сидит на полу и играет в кубики с пятилетним Вовой, у которого три ноги: как и у Сережи, у него паразитарный брат-близнец, только вросший не в живот, а в спину, в позвоночник. Вова умный для своих лет, но он слишком мал, чтобы отвечать на наши вопросы. Позади Вовы сидят новенькие, близнецы-краниопаги, сросшиеся головами, их имен мы пока не знаем, лишь запомнили про них несколько любопытных особенностей: у них есть общие структуры мозга, они видят через глаза друг друга, и ими очень интересуются ученые. «Птица», – говорит один из близнецов, глядя в окно. «Синичка», – уточняет другой, сидя спиной к окну и рассматривая игрушечный автомобиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.